

Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования Республики Крым
«КРЫМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВ И ТУРИЗМА»

На правах рукописи

КОСТЕНКО Олеся Владимировна

**«КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ» КАК СОВРЕМЕННАЯ ФОРМА
КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ**

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Научный руководитель:
Микитинец Ольга Ивановна,
кандидат философских наук, доцент

Симферополь
2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1	
Историко-культурные и методологические аспекты феномена «культура отмены»	35
1.1 Культурно-цивилизационные взаимодействия в системе динамики культуры	35
1.2 Философско-методологические основания феномена «культура отмены»	61
1.3 Эволюция «культуры отмены» как социокультурной практики : от генезиса к социальным течениям XX–XXI веков	82
ГЛАВА 2	
Концептуализация «культуры отмены» в современном культурологическом дискурсе: цивилизационный вектор	109
2.1 Основы интерпретации феномена «культура отмены»: аксиологический vs функциональный подходы к культуре	109
2.2 «Культура отмены» как культурологический концепт: типологизация и систематизация подходов	121
2.3 Деструктивные проявления «культуры отмены» в культурно-цивилизационных взаимодействиях (на примере русской культуры)	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	189
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ...	197

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обуславливается сложностью и многогранностью современных культурных процессов, требующих своего осмысления с позиций культурологии. Так, в теории и истории культуры вопросы динамики культуры, появление и трансформация её форм практически всегда относились к ключевым проблемам. Представляя собой интегративный феномен, объединяющий все аспекты социального бытия человека¹, в современных исследованиях культура понимается как инструмент социального управления и формирования социокультурных ценностей, норм, смыслов, лежащих в основе общественного мировоззрения. Также современная теория культуры всё чаще рассматривает её в качестве одного из важнейших факторов национальной безопасности, указывая на непосредственную культурную обусловленность аксиологических социальных установок, национальной и личной идентичности. Отметим, что именно культурные конструкты сегодня используются в качестве одного из инструментов современного типа войн², целью которых является, в том числе, искажение либо уничтожении культурных ценностей и кодов, конституирующих национальные и цивилизационные смыслы.

В данном контексте ключевую роль в динамике культуры играют механизмы цензурирования и модификации существующих форм культурно-цивилизационных взаимодействий. Они обуславливают появление новых аксиологических и поведенческих установок и воздействуют на ценностное ядро самой культуры. Среди современных форм трансформации культуры наибольший интерес представляет «культура отмены», напрямую влияющая на внутрикультурное и межкультурное взаимодействие, а также на искажение культурной идентичности. Возникшая в социальной среде США и

¹ Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).

² Гибридных, концентрических, сетевых и др.

Европы XX века как технология борьбы за социальное равенство, она представляет собой современную форму остракизма и «манипулирования общественным мнением»¹. Сегодня в нарративе западной цивилизации под «культурой отмены» или канселлингом чаще всего понимают инструмент установления социальной справедливости. Тем не менее, в контексте культурологических исследований динамики культуры она понимается шире и интерпретируется как деструктивная форма межкультурного взаимодействия. Это определённая мировоззренческая установка, которая предполагает как игнорирование, так и искоренение не только культуры ныне живущих людей, но и событий, связанных с их прошлым, а также сопряженных с ними интенций в возможное будущее. Чаще всего площадкой для современных культурных взаимодействий выступает цифровое пространство, где используются современные технологии воздействия на сознание социальных масс, одной из которых и является «культура отмены». Её сущность заключается в искажении либо нивелировании ценности человека или целого народа практически не поддающимися контролю со стороны общества и государства средствами. Происходит подмена социальных институтов, обеспечивающих справедливость, на внеинституциональные формы социального взаимодействия (Интернет-пространство, социальные сети), которые, тем не менее, достаточно эффективны в отношении формирования общественного мнения и продвижения определённых аксиологических установок. Подчеркнём, что «культура отмены» одинаково применима как к отдельным людям, так и к целым культурам. Так в последние годы лежащий в её основе запрет отдельной личности и социальной группы на определённый тип действий трансформировался в другую, общекультурную плоскость и приобрёл международный и, в отдельных случаях, – *цивилизационный характер*.

¹ Симхович В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль) : материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума». Минск, 2022. С. 212.

Ярким примером такого проявления «культуры отмены» являются попытки отменить русскую культуру путём «навязывания идеологических установок, противоречащих традиционным российским духовно-нравственным ценностям»¹. Здесь «культура отмены» выступает в качестве современной формы динамики культуры, наряду с такими, уже устоявшимися моделями, как, например, диалог культур. Именно такую цивилизационную и даже глобальную специфику отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, подчеркивая, что чрезмерная политизация культуры превратила «её в оружие геополитических интриг»², направленное на борьбу с национальными ценностями. В этом ключе «культура отмены», представляет собой «публичный остракизм, бойкотирование, а то и полное замалчивание, забвение очевидных фактов, книг, имён исторических и современных общественных деятелей, литераторов, просто людей, которые не вписываются, не укладываются в современные шаблоны, какими бы абсурдными они на самом деле ни были»³.

Таким образом, историко-культурное и теоретико-методологическое исследование сущности «культуры отмены» позволяет на основе концептуализации данного феномена представить культурологическую модель «культуры отмены», показать её место в динамике культуры, выделить базовые характеристики и определить семантические границы. Это даёт возможность описать и систематизировать как современные, так и имевшие место в истории человечества деструктивные проявления культурно-цивилизационных взаимодействий, проследить их эволюцию и динамику в условиях современных социокультурных процессов.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/HCM4ADyLOooRo7aqM253tzKJZdhkiAEC.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

² Пленарное заседание Форума объединённых культур // Президент России [Сайт]. 12 сент. 2024. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75091> (дата обращения: 13.09.2024).

³ Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета [Сайт]. 28 марта 2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 12.03.2024).

Степень научной разработанности проблематики. Проблема концептуализации «культуры отмены» как современной преимущественно деструктивной формы культурно-цивилизационных взаимодействий потребовала обращения к исследованиям форм динамики культуры, концепциям культурно-цивилизационных типов, форм и связей между ними, а также цивилизационному подходу в целом. Так, формы и особенности культурной динамики рассматриваются диссертантом на основе работ Ю. М. Лотмана, П. А. Сорокина, О. Н. Астафьевой, В. А. Ремизова, И. В. Малыгиной, С. А. Кравченко, А. Н. Тарасова, В. Д. Жукоцкого, З. Р. Жукоцкой и др.¹

В качестве методологической основы автор обратился к исследованиям Н. Я. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона², раскрывающим суть цивилизационного подхода и специфику межцивилизационных взаимодействий в истории культуры. Обращение к концепции «разлома между цивилизациями» С. Хантингтона позволило раскрыть теоретическую основу цивилизационной специфики проявлений «культуры отмены» в современном обществе (в частности, в отношении русской культуры) и обосновать её как цензурирующую технологию регуляции социокультурных процессов. Помимо заявленных концепций сущность цивилизации и её особенности раскрываются автором на основании работ О. Шпенглера, С. Конрада, П. А. Сорокина, О. Н. Астафьевой, М. А. Полетаевой,

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М., 1992.; Астафьева О. Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов // Вопросы социальной теории. 2012. Том VI. С. 97–107.; Ремизов В. А. Межцивилизационный диалог в фокусе современных культурных процессов // Диалог культур и цивилизаций. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М., 2022. С. 72–73.; Малыгина И. В. Кризис диалоговых стратегий в культуре постглобального мира // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 268–270.; Кравченко С. А. Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России (Интерферентные риски, востребованность долговременно функционирующих факторов) // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Том 67, № 2. С. 30–40.; Тарасов А. Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации // Общество: философия, история, культура. 2016. Выпуск № 5. С. 26–29.; Жуковский В. Д., Жукоцкая З. Р. Философия и культурология: от бытия идеи к бытию предметных форм // Фундаментальные проблемы современной культурологии. Том I. Теория культуры. СПб., 2007. С. 55–65.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгачева. М., 1991.; Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жарков. М., 2010.; Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М., 2011.; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003.

М. А. Ефимец¹. Особо следует отметить труды И. Н. Панарина, Н. Г. Денисова, В. А. Ремизова, В. С. Садовской, О. В. Ремизова, Т. А. Пархоменко, И. И. Горловой, В. П. Гриценко, А. Ю. Микитинца, О. И. Микитинец², посвящённые специфике и основным формам межкультурного и цивилизационного взаимодействия в современном мире и раскрывающие цивилизационный вектор развития России на современном этапе через призму российского государства-цивилизации и концепции «Русского мира».

Наиболее близкой к «культуре отмены» по функциональной природе воздействия в рамках одной социокультурной системы является контркультура. В диссертационном исследовании «культура отмены» раскрывается как её частный случай, рецидив, что обусловило необходимость изучения и анализа контркультурных технологий и поиск сходств и различий с современной «культурой отмены». Интерпретации контркультуры как чужеродной официальной культуре формы посвящены работы Т. Б. Щепанской, Е. Омельченко, М. А. Султановой, В. К. Сергеевым, О. И. Микитинец³ и др. Контркультура в широком смысле как механизм

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М., 1993.; Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018.; Полетаева М. А. Цивилизационизм // Историческая культурология ; Новый ин-т культурологии /отв. ред. Э. Я. Шулепова. М., 2015. С. 732–733.; Ефимец М. А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 64–73. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10207.

² Панарин И. Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. №4. С. 58–71.; Денисов Н. Г. Триада российской государственности: культура – идеология – гражданская идентичность // Будущее России: историко-культурные и духовнонравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации : сб. мат. III Всероссийской научнопрактической конференции. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2023. С. 35–44.; Ремизов В. А., Садовская В. С., Ремизов О. В. Культурно-цивилизационные модели современности в проекции гуманизации общественного развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №6 (116). С. 6–11. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-6-11>.; Ремизов В. А. Межцивилизационный диалог в фокусе современных культурных процессов // Диалог культур и цивилизаций. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. Москва, 2022. С. 72–74.; Пархоменко Т. А. Российская цивилизация : между Западом и Востоком. М., 2021.; Горлова И. И., Гриценко В. П. Российская цивилизация и «Русский мир» // Журнал института наследия. 2018. №2 (13). С. 1–11. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/206.html> (дата обращения: 07.05.2025).; Микитинец А. Ю., Микитинец О. И. Русский мир как цивилизационный нарратив: ключевые аспекты культурологического осмысления // Таврические студии. 2022. № 29. С. 39–44.

³ Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.; Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.; Султанова М. А. Философия контркультуры Теодора Розака: (очерк филос. публицистики). М., 2009.; Сергеев В. К. Молодежная культура мегаполиса в условиях социальных трансформаций: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06: социология культуры, духовной жизни. Москва, 2002.

трансформации культуры и замещения устоявшихся культурных ценностей на новые, соответствующие актуальным социальным запросам, представлена в работах В. К. Королева, П. С. Гуревича, И. В. Ковшовой, А. В. Васильевой, М. В. Миндолиной, А. И. Бондаренко¹ и др.

Важную для диссертационного исследования группу работ представляют труды, позволяющие теоретически обосновать методологические основы концепта «культуры отмены». Это позволило раскрыть и описать эволюцию исторических, морально-этических, социально-политических и культурно-цивилизационных аспектов технологий, объединяемых сегодня понятием «культура отмены», начиная с Античности². В качестве теоретических основ культурного превосходства и отмены культуры были привлечены и проанализированы исследования Ж. А. Гобино, Ж. Ж. Руссо, а также труды Ф. Ницше, раскрывающие и обосновывающие относительность морали³. Современные исследования, отражающие вариативность и субъективность морали, а также раскрывающие особенности установления «новой морали», представлены в концепциях Э. Нозель-Нойман («спираль молчания»), Ю. Хабермаса («политически активная общественность»), Н. Больца («социальная справедливость как идеал»)⁴. Установленные в вышеприведённых трудах

382 с.; Микитинец О. И. Неудобные спутники современной культуры, или к вопросу о месте молодежных субкультур // Культура народов Причерноморья. 2012. №229. С. 97–100.

¹ Королев В. К. Контркультура // Культурология. Краткий тематический словарь. Ростов н/Д., 2001. С. 83–84.; Гуревич П. С. Контркультура // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. СПб., 1998. С. 322–323.; Ковшова И. В. Философско-теоретическая модель контркультуры: 09.00.13: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. 131 с.; Васильева А. В. Контркультура в условиях тоталитарного общества (на примере контркультуры Германской Демократической Республики): 09.00.13: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2014. 196 с.; Миндолина М. В. Контркультура: сущность и существование: 24.00.01: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006. 34 с.; Бондаренко А. И. Контркультура в социальном развитии: философский анализ: 09.00.11: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2011. 20 с.

² Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей / отв. редактор А. А. Тахо-Годи. М., 1984.; Творения Платона. Полное собрание творений Платона в 15 томах / Новый перевод под редакцией С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Петербург-Ленинград, 1923–1929. Том 1. Евтифорон, Апология Сократа, Критон, Федон.

³ Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас // Хронос [Сайт]. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php (дата обращения: 25.03.2023).; Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.; Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» / пер. с нем. Н. Н. Полилов, К. А. Свасьян. М., 2012.; Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М., 2005.

⁴ Нозель-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова. М., 1996.; Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 г. / пер. с нем.

характеристики, создающие основу современных форм морали, а также особенности новых идентификационных стратегий позволяют глубже понять и раскрыть механизмы современной «культуры отмены».

Особую ценность в философско-методологическом обосновании природы «культуры отмены» представляют работы, посвящённые исторической памяти, манипулированию и искажению истории Г. Риккерта, П. Рикёра, В. Анкерсмита, П. Хаттона¹, Обоснованная философами *нарративная модель истории* в диссертационном исследовании выступает как методологическая основа цивилизационного уровня «культуры отмены». В контексте современных проявлений технологий отмены данная специфика раскрывается в трудах Е. Н. Костиной, С. В. Чугрова, И. М. Гашковой, И. И. Горловой, А. Л. Зорина, Т. В. Коваленко, Н. А. Комлевой².

Отметим, что культурологическое осмысление феномена «культуры отмены» сравнительно недавно вышло на передний план научного поиска, тем не менее, проведённое исследование показывает, что практики исключения и забвения в обществе и культуре представляют собой далеко не новое явление и возникали в различных формах на протяжении истории. Особый интерес представляют в этом ключе работы культурных антропологов, и, в частности, труды А. Рэдклифа-Брауна³, где исследуются исторические формы остракизма и механизмы изгнания в примитивных культурах. Также различные социальные практики, лежащие в основе

В. В. Иванова. М., 2016.; Больш Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько. М., 2014.

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой. М., 1998.; Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004.; Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998.; Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / перевод с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М., 2003.; Анкерсмит Ф. Изучение истории как политическая проблема // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 32–38.; Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004.

² Костина Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 1. Гуманитарные науки. С. 60–65.; Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. №5. С. 88–98. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>.; Горлова И. И., Зорин А. Л., Коваленко Т. В. Современные вызовы и угрозы национальной безопасности России в сфере культуры // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: сборник материалов круглого стола (25 августа 2021 г.); ВАГШ ВС РФ. М., 2021. С. 219–229.; Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 15–23.

³ Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001.

современной «культуры отмены», отражены в работах А. Р. Павлушкова, Г. Кузнецова, М. Ступко, В. А. Виноградова, Е. Л. Киселевой, А. В. Никитина, О. М. Орлинской, П. В. Седаева, С. В. Устинкина, А. А. Фоменкова, Дж. Хайдса, Г. Лукианоффа, А. Ф. Фефелова и других¹.

Само понятие «культуры отмены» является достаточно новым в научном пространстве, активно его начали использовать с 10-х годов XXI века, и основной пласт научных исследований представляет собой публикации на английском языке. Как утверждает американский профессор Ив Нг (Eve Ng), её эссе о «культуре отмены», опубликованное в 2020 году, стало первой академической попыткой осмысления данного феномена, а в 2022 году выходит первое издание, посвящённое критическому анализу «культуры отмены» и включающее описание её появления в США, цифровые (#MeToo) и нецифровые формы (политические движения, движения против расизма)². Следует выделить публикации американского политолога, профессора сравнительной политологии Гарвардского университета П. Норрис, первоначально рассматривающей «культуру отмены» в университетской среде. Подчёркнём, что П. Норрис ограничивала изучение «культуры отмены» рамками политической науки, где данное явление определяется как технология не только подавления альтернативных точек зрения в обществе³, но и угроза академической свободе и подавления мнений в университетском пространстве⁴. Отметим работу Дж. Хайдт и

¹ Павлушков А. Р. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике российского государства // Пенитенциарная наука. 2014. № 2 (26). С. 83–87.; Павлушков А. Р. Практика великого отлучения в истории государственно-церковных отношений России // Клио. 2014. № 3. С. 56–61. URL: <https://naukarus.com/praktika-velikogo-otlucheniya-v-istorii-gosudarstvenno-tserkovnyh-otnosheniy-rossii> (дата обращения: 21.11.2023).; Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // СоциоДиггер. 2022. Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. С. 40–44.; Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 17–30. DOI: 10.12737/jrp.2023.026.; Киселева Е. Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. № 4. С. 60–73.; Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России // Власть. 2022. № 3. С. 65–69.

² Ng Eve. Cancel Culture: A Critical Analysis. New York, 2022.

³ Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020.

⁴ Norris P. Cancel culture: Heterodox self-censorship or the curious case of the dog-which-didn't-bark // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP23-02. July 2023. URL:

Г. Лукьянова, посвящённую зарождению «культуры отмены» в университетских кругах¹, а также исследование Б. Г. Муджаба и Ф. Дж. Кавико по технологиям «культуры отмены» в контексте движения MeToo².

Концептуализация «культуры отмены» потребовала определения её семантических границ, что обусловило обращение к функциональному и аксиологическому подходам к интерпретации культуры. Сравнительный анализ русскоязычной и англоязычной традиций понимания культуры позволяет осмыслить деструктивную природу «культуры отмены» и показать утилитарное, функциональное отношение к культурным ценностям в западной трактовке. Данный аспект отражён в исследованиях Ф. Фукуямы, Л. Уайта О. В. Большаковой, Т. Ю. Данильченко³ и др. Аксиологический характер отечественной интерпретации культуры раскрывается в определениях А. Я. Флиера, В. С. Степина, Т. Парсонса, Г. Риккерта, П. А. Сорокина⁴.

В современном научном пространстве осмысление «культуры отмены» только начинается, тем не менее, в настоящее время это понятие имеет несколько смысловых векторов в зависимости от контекста употребления и дисциплинарного пространства его использования. В этой связи

<https://www.hks.harvard.edu/publications/cancel-culture-heterodox-self-censorship-or-curious-case-dog-which-didnt-bark> (дата обращения: 21.11.2023).

¹ Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. New York City. 2018. URL: <https://eddirockez.files.wordpress.com/2020/11/the-coddling-of-the-american-mind-how-good-intentions-and-bad-ideas-are-setting-up-a-generation-for-failure-pdfdrive-.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

² Mujtaba B. G., Cavico F. J. Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era // SocioEconomic Challenges. 2020. 4(4). P. 132–150. [https://doi.org/10.21272/sec.4\(4\).132-150.2020](https://doi.org/10.21272/sec.4(4).132-150.2020).

³ Leslie A. White. Culture // Britannica [Сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/culture> (дата обращения: 06.04.2024).; Фукуяма Ф. Главенство культуры // Journal of Democracy, 1995. Vol. 6, 1. P. 7–14. URL: https://www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama04.html (дата обращения: 29.11.2024).; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М., 2015.; Большакова О. В. Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по русистике. 2016. Выпуск 6. С. 353–385.; Данильченко Т. Ю. Лакуны в мыслительных стратегиях Запада и Востока // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5 (34). С. 21–23.

⁴ Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).; Степин В. С. Культура // Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. М., 2021. С. 527–529.; Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М, 1996. С. 462–478.

посвящённые ему исследования можно условно разделить на несколько групп.

Исследования теоретических основ «культуры отмены» только появляются в современном научном пространстве. Концептуализации «культуры отмены» в социально-политическом ключе посвящено исследование Л. Р. Рустамовой и А. К. Адрианова¹, его лингвистический вектор отражён в работах А. Ф. Фефелова, Л. В. Коцюбинской, Е. А. Марутиной², исторические и социальные основы рассматриваются в трудах Г. С. Стрекалова, Ю. С. Филиппович³, а философский уровень концептуализации представлен в исследованиях А. В. Овчинникова, Д. А. Аникина, П. Г. Былевского и Е. П. Цацкиной⁴.

В целом, в диссертационной работе были выделены *три смысловых вектора интерпретации «культуры отмены»*: как технологии управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей; как механизма смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики»; как социально-политической технологии гибридной войны с «неудобными культурными кодами». Согласно данным смысловым интенциям целесообразно разделить и непосредственно посвящённые «культуре отмены» или связанные с ней исследования.

Цифровая природа «культуры отмены» отражена в трудах Мереди Д. Кларк, П. Норрис, Л. Альвареса Триго, Э. Фаррис, П. Керриган,

¹ Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 37–53. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.04>.

² Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144.; Коцюбинская Л. В., Марутина Е. А. Феномен «культура отмены» в лингвофилософском осмыслении // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 190–196.

³ Стрекалов Г. С., Филиппович Ю. С. О некоторых особенностях феномена «культуры отмены» // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный журнал. 2021. №1 (26). С. 36–41.

⁴ Овчинников А. В., Аникин Д. А. «Культура отмены» и «корпоративная отмена» в дискурсе социальной философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 76–87. DOI: 10.17223/1998863X/83/8.; Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 162–169. DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162.

Е. Сиапера, Дж. Дин, Л. Ю. Шураевой, А. Г. Коринец, И. А. Быкова, Ю. Ахмедовой, К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш, А. В. Бойко¹.

Целый пласт научных публикаций посвящён наиболее распространенной форме «культуры отмены» – движениям «новой этики». В исследованиях А. А. Гусейнова, М. Эпштейна, С. Фелан, А. В. Топиловой² «новая этика» рассматривается сквозь призму смены этических парадигм, лежащих в основе социального устройства. Н. Г. Кротовская и В. С. Кулагина-Ярцева³ представили наиболее полный обзор существующих в настоящее время концепций «новой этики», анализируя её положительные и отрицательные стороны. Важным этапом исследования особенностей «культуры отмены» как инструмента актуализации «новой этики» является её обсуждение в докладах участников Международных Лихачевских научных чтений 2022 и 2023 гг. (Т. И. Ерохина, О. Ю. Юхнина, А. П. Марков, Е. А. Полякова⁴ и др.) Именно данный смысловой вектор «культуры отмены»

¹ Meredith D. Clark. Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture» // *Communication and the Public*. Vol. 5. Iss. 3–4: Special Forum on Digital Culture and Society, September–December 2020. P. 88–92.; Álvarez Trigo L. «Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters» // *PopMeC Research Blog*. 25 September 2020. P. 1–13.; Farries E., Kerrigan P., Siapera E. Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // *Television & New Media*. 2024. Vol. 26. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469> (дата обращения: 21.01.2025); Dean Jodi. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics // *Cultural Politics*. 2005. Vol. 1. Issue 1. P. 51–74. URL: <https://read.dukeupress.edu/cultural-politics/article-abstract/1/1/51/34262/Communicative-Capitalism-Circulation-and-the> (дата обращения: 21.01.2025); Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // *Вестник университета*. 2022. № 12. С. 248–256.; Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // *Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность*. 2021. Т. 1. № 1. С. 14–26. DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002.; Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // *Международные процессы*. 2021. Т. 19. № 4(67). С. 26–46.; Бойко А. В. Девиантологический потенциал «культуры отмены» // *Таврические студии*. 2021. № 28. С. 4–8.

² Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // *Ведомости прикладной этики*. 2021. Выпуск 58. С. 91–106.; Эпштейн М. Новая этика или старая идеология? // *Знамя*. 2021. №8. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/8/novaya-etika-ili-staraya-ideologiya.html> (дата обращения: 10.10.2024); Phelan S. Seven theses about the so-called culture war(s) (or some fragmentary notes on «cancel culture») // *Cultural Studies*. 2025. Vol. 39. No. 1. P. 63–88. <https://doi.org/10.1080/09502386.2023.2199309>; Топилова А. В. «Культура отмены» как репрессивный инструмент «новой этики» // *Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону*. 2023. № 2 (105). С. 204–211.

³ Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. «Новая этика», истоки и современность (Обзор) // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2022. Том 11. № 2А. С. 241–259.

⁴ Ерохина Т. И. «Новая» и/или старая этика: метаморфозы антиутопии // *Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г.* СПб., 2022. С. 246–248.; Ерохина Т. И. «Культура отмены» в контексте «новой этики» // *Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г.* СПб., 2024. С. 209–211.; Юхнина О. Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность // *Там же*. С. 255–257.; Марков А. П. «Новая этика» как глобальный проект культурной регрессии // *Там же*. С. 222–224.; Полякова Е. А. Феномен толерантности как базис «новой

в наибольшей степени связан с идентичностью, и позволяет определять её как механизм смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий. Тем не менее, подчеркнём, что практически все исследования «новой этики» не выходят за пределы внутрикультурного уровня, зачастую оставляя за пределами «культуры отмены» её политизированную цивилизационную форму.

Для понимания сущности технологий «культуры отмены» важны работы, посвящённые проблемам культурной идентичности (С. Бенхабиб, Ф. Фукуямы, О. Н. Астафьевой, И. В. Малыгиной, А. В. Швецово¹). Особенности цензурирования культуры, смены либо искажения ценностных установок, а также дисфункциональным проявлениям технологий «культуры отмены» посвящены труды Б. Лорда, К. Н. Бочаровой, К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш, А. Ю. Демшиной² и др. Представленные в них исследования позволяют говорить о разрушительной, деструктивной природе «культуры отмены».

Социально-политический контекст установления и проявления «культуры отмены» отражается в исследованиях Л. В. Дериглазовой, А. М. Погорельской, В. А. Симхович, М. В. Субботиной, Л. Р. Рустамовой,

этики» Запада // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 277–279.

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М., 2003.; Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.; Астафьева О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории : научный альманах. Т. 5. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. М., 2011. С. 223–241.; Малыгина И. В. Identity capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 217–220.; Малыгина И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (829). С. 173–185.; Малыгина И. В. Российская идентичность в контексте цивилизационных разломов Запада и Востока // Культура культуры. 2016. № 2 (10). С. 9. URL: <http://cult-cult.ru/the-russian-identity-in-the-context-of-civilizational-rift-between-the-west-and/> (дата обращения: 14.05.2025); Швецова А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 653–661. DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-653-661.

² Lord B., Douglas A. Spinoza and «no platforming»: Enlightenment thinker would have seen it as motivated by ambition rather than fear // The Conversation [Сайт]. 11 March 2020. URL: <https://theconversation.com/spinoza-and-no-platforming-enlightenment-thinker-would-have-seen-it-as-motivated-by-ambition-rather-than-fear-133379> (дата обращения: 21.01.2025); Бочарова К. Н. Концепция «признания» Ф. Фукуямы, культурная идентичность и терроризм // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 54–63. DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10206.; Демшина А. Ю. Новая чувствительность и экономика события // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2022. №3(64). С. 104–109.

А. К. Адрианова, Г. Ю. Дашинимаева, М. И. Савченковой, Л. Г. Фишмана, Дж. Маквотера, Х. Гиоргис, П. Браннаган, И. Манор¹.

Правовые аспекты «культуры отмены» и её внеинституциональная природа затрагиваются в работах В. А. Виноградова, М. В. Барановой, К. Э. Лисицы, В. А. Туркулец².

«Культура отмены» как попытка исключения русской культуры активно освещается в СМИ с 2022 года, однако в научных исследованиях исследование данного вектора только начинается, охватывая политико-правовой, социокультурный и репутационный аспекты. Так, например, В. А. Виноградов, рассматривая «культуру отмены» в правовом поле, только упоминает об «отмене России», сосредотачивая свое внимание на её репутационном бойкоте в цифровом пространстве. В контексте попыток отмены русской культуры канселлинг рассматривается О. Ю. Юхниной, Е. М. Гашковой³, отмечающими специфику отмены культуры целых

¹ Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(4). С. 7–33. DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33.; Симхович В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль) : материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума». Минск, 2022. С. 212–219; Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 34–37.; Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 19–24.; Савченкова М. И. Культура отмены в современном исследовательском дискурсе: теоретические и исторические детерминанты // Власть. 2024. №3. С. 188–194.; Фишман Л. Г. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 70–82. https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_70.; McWhorter John. Academics Are Really, Really Worried About Their Freedom. Some fear for their career because they don't believe progressive orthodoxies // The Atlantic. 1 Sept. 2020. URL: www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/academics-are-really-really-worried-about-their-freedom/615724/ (дата обращения: 19.02.2025); Haltiwanger J. Putin rails against cancel culture and suggests teaching gender fluidity to kids is a «crime against humanity» // INSIDER. 22 Oct. 2021. URL: <https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10> (дата обращения: 21.11.2023); Giorgis H. A Deeply Provincial View of Free Speech // The Atlantic. 13 July 2020. URL: www.theatlantic.com/culture/archive/2020/07/harpers-letter-free-speech/614080/ (дата обращения: 19.02.2025); Brannagan P. Soft Power and Soft Disempowerment: Qatar, Global Sport and Football's 2022 World Cup Finals // Leisure Studies. 2015. Vol. 34. No. 6. P. 703–719. DOI:10.1080/02614367.2014.964291.

² Баранова М. В. Канселлинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен // Юридическая техника. 2021. №15. С. 123–128.; Баранова М. В. Субъекты канселинга (cancel cultur): сущностная специфика и правовой статус // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского. М., 2021. С. 71–74.; Лисица К. Э., Туркулец В. А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 107–110. doi: 10.23672/19940-2233-9740-s.

³ Гашкова Е. М. «Культура отмены» как механизм искажения исторической и культурной памяти // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 204–206.

государств, приводя в пример отмену Югославии, а позже и Сербии, и описывая специфику политики искажения исторической и культурной памяти в контексте «культуры отмены». Отдельно отметим подход, развиваемый современные исследователями Л. К. Салиевой, Э. А. Арутюнова-Ястребковой, А. Цеппи, интерпретирующими «культуру отмены» как политико-коммуникационную технологию нанесения ущерба имиджу России как государству в целом¹.

Для исследования «культуры отмены» в контексте национальной безопасности России важными являются труды А. В. Костиной, Э. Ф. Макаревича, О. И. Карпухина, В. А. Лукова, В. А. Ремизова, О. В. Ремизова, Т. А. Дорониной, Л. Р. Рустамовой, Д. Г. Ивановой, Н. А. Комлевой². Отметим, что попытки отмены русских культурных ценностей трактуются в культурной политике и ряде научных исследований в контексте угроз национальной безопасности и определяются как проявление западной русофобии, что на разном уровне отражается в работах Е. А. Поповой, А. Зиновьева, О. Ю. Юхниной, И. И. Горловой, А. Л. Зорина, С. А. Кравченко, Т. А. Пархоменко, Л. Р. Рустамовой, А. К. Адрианова³.

Важным элементом диссертационного исследования является поиск путей защиты от цивилизационных проявлений «культуры отмены». Здесь особо отметим исследования культурного суверенитета (А. Д. Харичев,

¹ Салиева Л. К., Арутюнова-Ястребкова Э. А., Цеппи А. Отмена русской/российской культуры: культура отмены или антибрендинг России? // Российская школа связей с общественностью. 2023. Т. 30. С. 44–72. DOI: 10.24412/2949-2513-2023-30-44-72.

² Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 109–111.; Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И., Луков В. А. Культура как фактор национальной безопасности современной России: Значение и ролевая модель. М., 2021.; Ремизов В. А., Ремизов О. В., Доронина Т. А. Цивилизационные коды России и Запада: специфика диалога // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 1 (44). С. 45–53. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>; Рустамова Л. Р., Иванова Д. Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 434–444. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-434-444> и др.

³ Попова Е. А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12(6). С. 40–45. DOI : 10.26794/2226-7867-2022-12-6-40-45.; Зиновьев А. Русская трагедия (Гибель утопии). URL: <http://cnsa.cmlaboratory.com/pdf/index16/zinoviev-tragedia.pdf>. (дата обращения: 11.02.2025); Горлова И. И., Зорин А. Л. Проблема жизнеспособности российской цивилизации перед лицом вызовов XXI века // Культурологический журнал. 2019. №3 (37). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/484.html&j_id=40 (дата обращения: 07.05.2025).

Ю. С. Путрик, А. П. Соловьев¹), становления российской цивилизации (Н. Г. Денисов, В. В. Аристархов и др.²), а также современных тенденций государственной культурной политики Российской Федерации (О. Н. Астафьева, В. А. Горенкин, А. В. Швецова, И. И. Горлова, А. Л. Зорин, Т. В. Коваленко, Е. М. Гашкова³).

При наличии достаточно большого количества исследований «культуры отмены» практически не встречаются работы, в которых был бы осуществлен всесторонний и систематический культурно-теоретический анализ, а также сопоставление смысловых аспектов всех форм данного феномена, её интерпретация как формы *динамики* и *цензурирования* культуры. Как следствие, несмотря на различные факты осмысления «культуры отмены» и освящения её кейсов в СМИ, она до сих пор не определена как культурологический концепт, особенно в контексте цивилизационных противостояний, что и обусловило выбор диссертантом вектора рассмотрения данной темы.

Изучение научной литературы по теме исследования позволило определить основные походы к исследованию феномена «культуры отмены» и научно-квалификационные характеристики работы.

Проблема исследования заключается в необходимости культурологической концептуализации «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий, прошедшей эволюцию от социальной технологии манипулирования общественным мнением до односторонней, преимущественно деструктивной формы динамики культуры, оказывающей значительное влияние на современные социокультурные процессы, но не имеющей единого смыслового вектора интерпретации как культурного феномена.

¹ Харичев А. Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. Март-апрель 2025. Выпуск №7. С. 4–10.; Путрик Ю. С., Соловьев А. П. К вопросу о социокультурных факторах укрепления культурного суверенитета Российской Федерации // Культурное наследие России. 2024. 2 (45). С. 14–19.

² Аристархов В. В. Характеристика угроз национальной безопасности России в нормативных актах по государственной культурной политике // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации : Сб. мат. круглого стола. М., 2021. С. 41–53.

³ Астафьева О. Н., Горенкин В. А., Швецова А. В. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации : монография. Симферополь, 2019.

Объектом исследования являются культурно-цивилизационные взаимодействия как динамическая система.

Предметом исследования выступает «культура отмены» как современная форма культурно-цивилизационных взаимодействий.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**:

1. Проанализировать культурно-цивилизационные взаимодействия в системе динамики культуры.
2. Выявить философско-методологические предпосылки феномена «культура отмены».
3. Охарактеризовать генезис «культуры отмены» и её эволюцию в рамках социальных течений XX–XXI веков.
4. Рассмотреть основы интерпретации феномена «культура отмены» в рамках сопоставления аксиологического и функционального подходов к культуре.
5. Представить «культуру отмены» в качестве современного культурологического концепта.
6. На примере попыток отмены русской культуры дать характеристику деструктивным проявлениям «культуры отмены» в культурно-цивилизационных взаимодействиях.

Хронологические рамки заданы необходимостью описать генезис и эволюцию современного феномена «культуры отмены» и охватывают период с начала XXI века по настоящее время. В то же время понимание «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий обуславливает необходимость обращения к анализу культурных и социально-политических движений на протяжении истории человечества.

Территориальные границы исследования. Основное внимание в диссертации сфокусировано на Российской Федерации. Также в работе проведен анализ зарождения «культуры отмены», что связано с движениями, зародившимися и распространёнными в США и европейских странах.

Источниковая база исследования представлена, прежде всего, информационными ресурсами, статистическими данными, периодическими изданиями и нормативно-правовыми документами. Обширную часть источников исследования занимают публикации в популярных периодических изданиях и средствах массовой информации, что обусловлено спецификой предмета диссертационного исследования. Данные материалы позволили всесторонне, с разных ракурсов рассмотреть и представить особенности механизмов «культуры отмены», проследить основные векторы её развития механизмов, оценить динамику, а также получить представление об общественном мнении. Диссертантом также использовались нормативно-правовые документы, характеризующие «культуру отмены» как социальную технологию¹; акты в области защиты исторической памяти и традиционных ценностей; охраны культурного наследия и популяризации культуры; стратегии национальной безопасности и внешней политики Российской Федерации². Также в исследовании были использованы статистические данные ВЦИОМ о распространении «культуры отмены» в России¹.

¹ Искоренение насилия и домогательств в сфере труда. Конвенция 190, Рекомендация 206 и сопровождающая их резолюция // International Labour Organization [Сайт]. URL: <https://www.ilo.org › media › download> (дата обращения: 10.10.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 20.03.2025).; Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.01.2025).; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» // Правительство Российской Федерации [Сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/155288/> (дата обращения: 19.01.2025).; Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 19.01.2025).; Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 05.05.2025).; Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 16.02.2025).; Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики,

Методология и методы исследования. Специфика предметной области диссертационного исследования определяет необходимость обращения к нескольким подходам, позволившим всесторонне рассмотреть особенности «культуры отмены» и провести её концептуализацию в культурологическом поле. Так как «культура отмены» представляет собой достаточно размытую и противоречивую форму культурной динамики, требующую установления смысловых границ, её исследование обусловило привлечение *междисциплинарного подхода*. Он позволил выявить культурные, социальные, политические, философские, исторические и иные характеристики «культуры отмены» и представить её как культурологический концепт. Отметим, что концептуализация понятия и выявление его смысловых границ предполагает определённое упрощение и схематизацию, что, тем не менее, позволяет определить её основные характеристики, проанализировать и упорядочить проявления «культуры отмены». При конструировании культурологической модели «культуры отмены» диссертантом был взят за основу парадигмальный подход Т. Куна, который был применён американским политологом С. Хантингтоном при обосновании умозрительной модели столкновения цивилизаций. Исходя из сущности концептуализации как методологической процедуры определения базовых признаков и характеристик объекта с последующей теоретизацией и созданием упрощённой модели, отметим, что концепция не в состоянии объяснять абсолютно всё и не может применяться к оцениванию всех социокультурных проявлений. Представленная концепция «культуры отмены» – это только отправная точка для объяснения части как

утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855> (дата обращения: 13.05.2025).; Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 20.03.2025).; Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314 «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России [Сайт]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AFZhXphYZLaDAxIkLp177nzFzg7hKPI2.pdf> (дата обращения: 19.01.2025).; Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38395> (дата обращения: 26.05.2023).

¹ Подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску СоциоДиггера «Синдром отмены» №17. 72 с. URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 20.02.2025).

современных, так и имевших место в истории деструктивных форм культурно-цивилизационных процессов. Она представляет собой упрощённую модель, своеобразную карту, которая, как отмечал С. Хантингтон, «одновременно и отображает, и упрощает реальность таким образом, чтобы это лучше всего подходило нашим целям»¹. Таким образом, концептуализация «культуры отмены» представляет собой создание простой модели одной из форм современных культурно-цивилизационных взаимодействий, позволяющей понимать и систематизировать многочисленные проявления отмены в современной динамике культуры.

Также на разных этапах исследования для описания специфики «культуры отмены» и её проявлений в диссертационном исследовании используются структурно-функциональный и аксиологический подходы.

Структурно-функциональный подход, разработанный в рамках парадигмы культурной (социальной) антропологии (А. Редклиф-Браун и др.), определяет культуру как динамическую, системно взаимосвязанную совокупность элементов, каждый из которых имеет конкретное предназначение, и позволяет удовлетворить потребности человека с учетом сохранения целостности и непрерывности развития общества. Структурно-функциональный подход позволяет отнести «культуру отмены» к социокультурным технологиям цензурирования и регуляции социальных процессов.

С позиций аксиологического подхода (П. Сорокин, Г. Риккерт и др.) культура понимается как «ценностная матрица», определяющая паттерны поведения индивидов конкретного общества и фактически являющаяся нормативным регулятором не только внутрикультурных, но и внешних, межкультурных взаимодействий, позволяя включить в своё пространство инокультурные элементы, появляющиеся вследствие культурной диффузии. В этом отношении, согласно развиваемому

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 30.

междисциплинарному подходу, аксиологический подход полностью не противопоставляется, но скорее дополняет структурно-функциональный, позволяя выделить и охарактеризовать основные признаки «культуры отмены».

В свете обозначенных выше подходов в контексте данного диссертационного исследования механизмы реализации «культуры отмены» интерпретируются деструктивно – как технологии уничтожения противоположной культуры не только внутри отдельного общества (контркультуры), но и иной цивилизации.

В результате применения *сравнительно-исторического метода* при анализе эволюции «культуры отмены» диссертантом были сопоставлены основные правовые, социальные, в том числе и внеинституциональные, практики исключения и лишения, существовавшие в различные исторические периоды.

Феномен «культуры отмены» рассматривается в диссертации как преимущественно деструктивная форма культурно-цивилизационных взаимодействий, что потребовало привлечения *историко-культурных* и *культурно-антропологических исследований* в качестве методологической базы. Культурно-цивилизационные взаимодействия описываются диссертантом на основании концепций Н. Я. Данилевского, П. А. Сорокина, А. Тойнби, С. Хантингтона и др. Понимание контркультуры как формы регуляции и культурного конфликта основывается на концепциях Т. Розака, М. А. Султановой, П. С. Гуревича, Т. Б. Щепанской, В. К. Сергеева и др.

При выявлении деструктивных и цензурирующих функций «культуры отмены» автором были привлечены сопредельные концепты морали (Ф. Ницше), идентичности (С. Бенхабиб, И. В. Малыгина), исторической памяти и исторического нарратива (Г. Риккерт, П. Рикёр, П. Хаттон, Ф. Анкерсмит), общественного мнения (Ж.-Ж. Руссо, Дж. Локк, Д. Юм, Ю. Хабермас) и социальной справедливости (Н. Больц, Э. Ноэль-Нойман). В процессе концептуализации исследуемого понятия, а также при выявлении

основных признаков «культуры отмены» были использованы концепции гибридных войн (И. Н. Панарин, А. В. Костина, Е. А. Попова) и цифровых технологий социального управления.

На различных этапах диссертационного исследования применялись такие методы, как *аналитический*, позволивший изучить различные научные подходы к интерпретации «культуры отмены», а также *структурно-семиотический* и *герменевтический*. Они позволили выявить этимологические предпосылки полярной интерпретации культуры в отечественном и англоязычном социальных пространствах, лежащие в основе различных трактовок «культуры отмены» как социальной технологии и механизма «удаления культуры».

Также в качестве вспомогательного метода в диссертации был привлечён качественный контент-анализ, при помощи которого был проанализирован ряд публикаций в российских и иностранных СМИ. Это позволило выявить специфику развития и основные закономерности «культуры отмены» в России и за рубежом, а также проследить наиболее распространённые смыслы, вкладываемые в данное понятие. Этот метод позволил показать конкретные проявления «культуры отмены» как в сфере культуры и искусств, так и в отношении попыток отмены русской культуры.

Научная новизна и теоретическая значимость заключаются в культурологическом осмыслении и концептуализации понятия «культура отмены».

1. *Уточнено*, что в современной системе динамики культуры на первый план выходят два уровня взаимодействий: внутрикультурный и цивилизационный. Это позволяет определить культурно-цивилизационные взаимодействия как динамическую систему интеракции двух и более культур или цивилизаций, порождающую отношения и изменения, сущность которых определяется степенью корреляции аксиологической и идентификационной составляющих участников данных отношений. *Получила дальнейшее развитие* концепция «разлома между цивилизациями» С. Хантингтона,

наиболее полно раскрывающая причины и особенности межкультурного и цивилизационного проявления технологий «культуры отмены» и её связи с современными идентификационными стратегиями. *Впервые* на основании концепций культурно-исторических типов раскрывается цивилизационный уровень «культуры отмены» и выявляется её деструктивный характер в динамике культуры. *Уточнено*, что «культура отмены» как цензурирующая форма культурно-цивилизационных взаимодействий имеет два уровня проявления: как контркультурная технология внутри одной культуры либо между различными культурными системами в рамках одной цивилизации; как механизм разлома между цивилизациями, проявляющийся в попытках отмены либо искажения чужих культурных кодов.

2. *Выявлены* предпосылки «культуры отмены», сущность которой коррелятивна концепциям относительности морали, «общественного мнения», субъективности исторической памяти, «забвения» и манипулирования в исторических нарративах, «спирали молчания» и социальной справедливости.

3. *Уточнено*, что «культура отмены» как современная технология манипулирования общественным мнением прошла долгую эволюцию, включающую как правовые механизмы, так и внеинституциональные формы. При сопоставлении различных проявлений «культуры отмены» *установлено*, что в самом широком смысле она представляет собой трансформировавшиеся внеправовые социокультурные механизмы. Они направлены на регуляцию неприемлемых социумом или отдельной группой действий и противодействуют на уровне гражданского общества нежелательным в конкретной ценностной парадигме паттернам поведения. *Доказано*, что «культура отмены» не ограничивается семантикой социального манипулирования и сменой ценностных установок в рамках только одной культуры, а представляет собой форму культурной динамики и цивилизационных противостояний.

4. *Уточнены* семантические основания понятия «культуры отмены», раскрыта взаимосвязь между полярной интерпретацией культуры в русскоязычном и западном пространстве, и непосредственной трактовкой феномена «культуры отмены». *Установлено*, что именно функциональная трактовка культуры при исключении эстетико-аксиологической составляющей лежит в основе появления механизмов «культуры отмены» как деструктивной формы культурно-цивилизационного взаимодействия.

5. *Впервые* «культура отмены» представлена как культурологический концепт. Были определены значимые признаки, расширены и дополнены основные черты и базовые характеристики «культуры отмены», представлена её авторская типология. *Впервые* идентичность выделена в качестве одного из базовых элементов «культуры отмены». *Доказано*, что «культура отмены» представляет собой особый деструктивный механизм, способный исказить прежние и создавать новые стратегии личной, культурной и цивилизационной идентичности.

6. *Уточнена* деструктивная составляющая «культуры отмены» в межкультурных взаимодействиях. На конкретных примерах западного «исключения» русской культуры обосновано, что «культура отмены» выступает современным элементом осуществления гибридных войн (в виде социально-политической сублимации войны как прямого вооруженного противостояния), механизмом легитимации свободного и практически неограниченного распространения русофобии, а также актуальным способом противодействия реализации «мягкой силы».

На защиту выносятся следующие положения:

1. В динамике культуры, понимаемой как изменение состояния и форм взаимодействия, присутствуют как ценностные механизмы (сохранения базовых культурных кодов), так и механизмы их разрушения, выделяются два типа регулятивных механизмов. Первый предполагает двустороннюю коммуникацию (диалог культур, мультикультурализм), а второй включает формы, отвергающие коммуникацию и имеющие односторонний вектор

воздействия (культурный фундаментализм, контркультура, «культура отмены»). В системе культурно-цивилизационных взаимодействий «культура отмены» проявляется как один из механизмов смены либо слома устоявшихся культурных кодов, выполняющий регулятивную и цензурирующую функцию и проявляется на двух уровнях: внутрикультурном и цивилизационном. В рамках одной культуры «культура отмены» проявляется как рецидив контркультуры, внося деструктивные (с точки зрения «родительской» культуры) элементы в парадигмальное ядро культуры и тем самым меняя её ценностное наполнение. На уровне цивилизационных взаимодействий «культура отмены» представляет собой механизм «разлома между цивилизациями», а её технологии в цивилизационной плоскости предназначены для уничтожения или искажения чужих культурных кодов и ценностных установок. Основным отличием цивилизационного уровня «культуры отмены» является полная управляемость её технологиями и трансформация в действенный инструмент войны с неудобной культурой.

2. Контекстуальная форма употребления понятия «культуры отмены», а также многообразие проявлений практик исключения в динамике культуры обусловили необходимость привлечения философско-методологического инструментария, что позволило определить пограничные «культуре отмены» феномены. Диссертантом были выделены три вектора философско-теоретических концепций, раскрывающих цензурирующую природу «культуры отмены»:

– относительность формирования морали, строящаяся на принятии норм и ценностей, соответствующих конкретному цивилизационному вектору, и исключаящая неудобные культурные установки. Данные смыслы в полной мере отражаются в интерпретации «культуры отмены» как технологии установления социальной безопасности и равенства в рамках движений «новой этики»;

– субъективность интерпретаций прошлого при формировании исторической памяти. Нарративная сущность современного описания исторических событий рассматривается в диссертации как *методологическая основа* технологии «культуры отмены», когда история и память выступают в качестве политических инструментов. Данные особенности позволяют говорить о применении технологий отмены к искажению идентификационных стратегий вплоть до национального уровня;

– концепции социальной справедливости и «спирали молчания», лежащие в основе понимания «культуры отмены» в качестве инструмента манипулирования общественным мнением, когда технологии отмены подменяют устоявшиеся правовые институты.

3. На основании сравнительно-исторического анализа были рассмотрены и сопоставлены основные социокультурные механизмы бойкота, исключения и изгнания, имевшие место в различные исторические периоды. В диссертационном исследовании было установлено, что данные практики применялись в отношении лиц, либо совершавших преступления против общества, либо представлявших угрозу для социальной стабильности и государственного устройства. На возникновение современной формы «культуры отмены» оказало значительное влияние появление цифрового коммуникативного пространства, породившего внеинституциональные, а потому практически не поддающиеся воздействию инструменты социального манипулирования. Современная «культура отмены» представляет собой полисемантическое явление и включает несколько крупных, преимущественно западных течений: так называемую «культуру безопасности» американских студентов, движение #MeToo, протесты против расизма, «новую этику», а также социально-политические технологии отмены неудобной культуры. Несмотря на разнообразие проявлений «культуры отмены», её природа заключается в так называемом «обеспечении безопасности» ценностного ядра конкретного сообщества или целой культуры, что строится на механизмах цензурирования, возмездия,

манипулирования общественным мнением и нарушении принципов свободы слова.

4. Семантическое наполнение понятия «культуры отмены» крайне неоднородно и зависит от контекста употребления. Диссертантом установлено, что причиной разнообразия интерпретаций выступает различие в понимании самой культуры. Англоязычная трактовка культуры, лежащая в основании феномена «культуры отмены», исходит из бинарной оппозиции «свой/чужой», в то время как русскоязычная не предполагает прямого противопоставления и иерархии культур. Сопоставление аксиологического и функционального подходов к культуре позволило выявить причины превалирования её функциональной значимости в современном социуме по отношению к аксиологическим установкам. Именно функциональная интерпретация культуры лежит в основе трансформации «культуры отмены» как социальной технологии в отмену культуры как инструмент гибридных цивилизационных войн и технологию уничтожения неугодных культур. Такая смена смыслового содержания влечет за собой расширение трактовки «культуры отмены» и перенос её в цивилизационную плоскость как деструктивной формы, в которой полностью отсутствует эстетико-аксиологическая составляющая.

5. В результате применения междисциплинарного подхода было выявлено три основных смысловых вектора «культуры отмены»: как технологии управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей; как механизма смены и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики»; как социально-политической технологии гибридной войны с «неугодными культурными кодами».

Несмотря на многообразие и семантическую неоднородность проявлений «культуры отмены» диссертантом были выделены и описаны основные черты данного феномена: массовость, обеспечиваемая посредством распространения в цифровом пространстве; опора на идентификационные стратегии; цензурирование культуры как изменение или

искажение её ценностного ядра; внеинституциональность, а, следовательно, отсутствие структуры, присущей правовым институтам; деструктивность. Определено, что технологии «культуры отмены» способны как выстраивать, так и исказить идентичность, вплоть до крушения национальных культурных кодов. В результате концептуализации «культура отмены» определяется диссертантом как современная, преимущественно деструктивная форма культурно-цивилизационных взаимодействий, имеющая цифровую природу, характеризующаяся массовостью, публичностью, внеинституциональностью, неприятием альтернативных социокультурных норм и ценностей и отсутствием диалога, объединяющая ряд технологий борьбы с инакомыслием, слома или изменения социально-культурных нарративов, направленных на защиту своих и нивелирование чужих ценностных установок, что влечёт за собой искажение устоявшихся идентификационных стратегий. Её ключевой особенностью является отсутствие диалога, что подразумевает односторонний вектор движения культуры. На основании применения *функционального* и *культурно-цивилизационного* подходов к интерпретации «культуры отмены» была описана её двойственная природа. С одной стороны, она представляет собой социальную технологию управления общественным мнением (внутри одной культуры), с другой – является механизмом смены либо слома культурно-цивилизационных моделей (на межкультурном уровне).

6. На примере попыток отмены русской культуры диссертантом раскрыты деструктивные проявления «культуры отмены» в современных культурно-цивилизационных взаимодействиях. Негативная коннотация «культуры отмены» заложена в самом сочетании данных понятий и переводится как: вычеркивание, стирание, аннулирование, удаление культуры. Разрушительный вектор в современной практике межкультурных отношений Запада и России затрагивает буквально всё, вплоть до общепризнанных произведений русского классического искусства, известных артефактов культурно-исторического наследия, и даже

таких культурообразующих элементов, как язык и религия. В диссертации предлагается и обосновывается подход, согласно которому «культура отмены» – это современный геополитический механизм трансляции западных норм и ценностей, новая форма цивилизационного противостояния, в рамках которого в межкультурном пространстве происходит символическое уничтожение «иной» (в данном случае – русской) культуры. Это позволяет интерпретировать «культуру отмены» в качестве элемента гибридной войны, как сублимацию прямого вооруженного противостояния. В этом смысле «культура отмены» сближается с ксенофобией, и, в частности, такой её формой – как русофобия. В современном цивилизационном контексте «культура отмены» раскрывается как востребованный механизм легитимации свободного и практически неограниченного распространения негативного отношения к русской культуре и, в целом, российской цивилизации, обходящий не только правовые, но и существующие этико-аксиологические нормы, препятствующие прямой дискриминации по культурному признаку. В контексте цивилизационных взаимодействий «культура отмены» может быть востребована как механизм противодействия и разрушения «мягкой силы» как культурно-политической концепции современных государств на геополитической арене. Согласно развиваемому в диссертации подходу, повсеместная реализация западными странами практик «культуры отмены» (в-первую очередь, по отношению к русской культуре) нарушила цивилизационный, культурный баланс, что закономерно привело к экспансии западных унифицированных ценностей и потребительских стереотипов, создающих угрозу культурному суверенитету России. Именно поэтому в противовес реализации «культуры отмены» в актуальных нормативно-правовых актах был сделан особый акцент на культуре как факторе национальной безопасности, защите отечественных традиционных духовно-нравственных ценностей и основ самобытности России как государства-цивилизации, конструктивно интегрирующего культурное наследие и достижения его многонационального народа.

Теоретическая значимость отражается во всестороннем осмыслении феномена «культуры отмены» как формы культурно-цивилизационных взаимодействий в динамике культуры; описании зарождения и специфики развития современной «культуры отмены», а также философских и социальных концепциях, позволяющих раскрыть специфику природы механизмов «культуры отмены» посредством анализа прямо или косвенно связанных с ней феноменов (идентичность, социальная справедливость, общественное мнение, исторический нарратив, мораль, историческая память). Сопоставление аксиологического и функционального подходов к культуре позволило раскрыть причины многозначности и неоднородности интерпретаций «культуры отмены», показать её преимущественно деструктивную природу. В диссертации феномен «культуры отмены» представлен в качестве современного культурологического концепта, выделены его формы и черты, проведен анализ деструктивных проявлений цивилизационной формы «культуры отмены» при попытках отмены русской культуры.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в межкультурной коммуникации, а также при подготовке стратегических документов в реализации государственной культурной политики в области национальной безопасности, охраны культурного наследия и сохранения национальной культуры.

Личный вклад соискателя состоит в:

- постановке проблемы исследования в отношении «культуры отмены» как социокультурной формы культурно-цивилизационных взаимодействий, присущей человечеству на протяжении всей истории;
- выявлении цивилизационной динамики, позволяющей интерпретировать «культуру отмены» в качестве преимущественно деструктивной формы культурно-цивилизационных взаимодействий;

– концептуализации «культуры отмены» в рамках культурологического дискурса;

– рассмотрении «культуры отмены» в контексте современных социокультурных процессов и национальной безопасности в рамках попыток отмены русской культуры.

– постановке проблемы необходимости выработки институциональных защитных механизмов противодействию технологиям «культуры отмены» на национальном (цивилизационном) уровне.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства по отрасли культурология, в том числе пунктам: 2. Теоретические концепции культуры; 3. Исторические аспекты теории культуры, мировоззренческие и ментальные аспекты теории культуры; 5. Морфология и типология культуры, ее функции; 9. Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры; 11. Архитектоника культуры. Многоуровневое строение культуры и культурно-исторического процесса; 15. Возникновение и развитие исторически удаленных и современных феноменов культуры; 31. Этические и правовые трансформации культуры; 32. Культура и общество. Социокультурная динамика; 44. Культурная политика общества, национальные и региональные аспекты культурной политики. Государственная и негосударственная культурная политика; 48. Система распространения культурных ценностей и приобщения населения к культуре; 69. Культурная безопасность и безопасность культуры.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности работы обусловлена междисциплинарным подходом к изучению «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий. Обоснованность положений диссертационного исследования обеспечена опорой на основные научные

методы и подходы, а также широкой базой привлеченных научных источников на русском и иностранных языках.

По теме исследования опубликованы 9 научных работ. Основные результаты диссертационной работы изложены в 4 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (в изданиях, относящихся к категории К-2 – 3 статьи, к категории К-3 – 1 статья), а также научных изданиях, индексируемых в РИНЦ.

Основные положения и выводы диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры философии, культурологии и межкультурных коммуникаций, докладывались на научно-практических конференциях разных уровней, среди которых наиболее значимы следующие: международная научно-творческая конференция «Искусство и наука третьего тысячелетия» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 16–17 ноября 2022 г., 23–24 ноября 2023 г., 21–22 ноября 2024 г.); международные научные чтения «Культура народов Причерноморья с древнейших времен до наших дней» (Симферополь, Крымской федеральный университет, 2 ноября 2022 г., 29 ноября 2023 г.; 20 ноября 2024 г.); круглый стол «Культура как фактор национальной безопасности» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 13 декабря 2022 г.); всероссийская научно-практическая конференция студентов и молодых учёных «Крымский мир: культурное наследие» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 22–23 марта 2023 г., 14–15 марта 2024 г.; 27–28 марта 2025 г.); международная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы» (Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, 15–20 мая 2023 г., 20–24 мая 2024 г.); Второй всероссийский научный форум «Стратегии социокультурного развития России» (Симферополь, Крымский университет культуры, искусств и туризма, 24 мая 2023 г., 2 июня 2024 г.;

1 июня 2025 г.); международная научно-практическая конференция молодых ученых и специалистов «Идентичность и коммуникация» (Москва, Московский государственный лингвистический университет, 13 апреля 2024 г.; 11 апреля 2025 г.); международная научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия» (Кемерово, Кемеровский государственный институт культуры, 16–17 мая 2024 г.); Десятый международный культурный форум «Культура XXI века: суверенитет или глобализм?» (Санкт-Петербург, 11–14 сентября 2024 г.); международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия» (Краснодар, Институт Наследия, 26–29 сентября 2024 г.; 11–14 сентября 2025 г.); международная научно-практическая конференция «Проблемы идентичности в реалиях современного мира: междисциплинарный подход» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный технологический институт, 27–28 сентября 2024 г.).

Структура работы соответствует целям и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, разделённых на шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы. Общий объем диссертации составляет 226 страниц. Список литературы включает 237 наименований.

ГЛАВА 1.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА «КУЛЬТУРА ОТМЕНЫ»

В данной главе решаются первая, вторая и третья задачи диссертационного исследования: проводится анализ культурно-цивилизационных взаимодействий в системе динамики культуры; выявляются философско-методологические предпосылки феномена «культуры отмены»; даётся характеристика генезису и эволюции современной «культуры отмены». Данные задачи обуславливаются поставленной в диссертации проблемой концептуализации феномена «культуры отмены» в контексте динамики культуры и её трансформация в цивилизационном дискурсе. Это требует, в том числе, изучения и оценки близких по семантическому содержанию социально-политических и историко-культурных процессов, а также их идеологической составляющей. Также требует прояснения место технологий цензурирования в устоявшихся моделях культуры, включающих в современной традиции и «культуру отмены». Решение данных задач позволяет проследить связь между социальным феноменом «культуры отмены» и устойчивыми культурно-цивилизационными конструктами.

1.1 Культурно-цивилизационные взаимодействия в системе динамики культуры*

Начало XXI века характеризуется трансформацией социокультурных процессов и усложнением *динамики культуры*, что сопровождается появлением новых культурных форм и технологий. В условиях современного

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 70, 77 в списке использованных источников и литературы.

общества межкультурные взаимодействия претерпевают изменения, вызванные как ускорением и трансформацией коммуникативных практик (социальные сети), так и цивилизационными противостояниями, всё больше вовлекающими в качестве инструмента воздействия разнообразные культурные и «псевдокультурные» формы. По оценке С. А. Кравченко, в настоящее время происходит формирование «глобо-локальной реальности», в которой появляются новые двойственные формы «противоборства и партнерства цивилизаций»¹. Западная неолиберальная цивилизационная модель для сохранения собственного устойчивого развития, как отмечает российский исследователь, помимо использования «жестких форм» (военная эскалация, государственные перевороты и «цветные революции») внедряет «применение "мягкой силы" в виде социального конструкта "варварского мира"»². Данный конструкт объединяет все «целенаправленные нелегитимные действия в отношении людей, культурных ценностей, <...> включает в себя "культуру отмены" всего, что не отвечает интересам Запада, с особым акцентом на сдерживание развития российской цивилизации»³. Также появление новых культурных форм в современной культурно-цивилизационной конфигурации подчеркивает и профессор В. А. Ремизов, отмечая, что «сегодня определяющим началом оказываются цивилизационные формы, а культурные процессы выступают или как ситуационные «корреляты», или как «демпферы», или как «субкультурные инфекции», или как «культурные креативы». Это же касается и актуальной сегодня темы «культурных отмен»»⁴.

В этой связи целесообразно обратиться анализу новых и трансформировавшихся культурных форм и процессов, составляющих систему динамики культуры и оказывающих непосредственное влияние на

¹ Кравченко С. А. Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России (Интерферентные риски, востребованность долговременно функционирующих факторов) // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Том 67, № 2. С. 31.

² Там же.

³ Там же. С. 31–32.

⁴ Ремизов В. А. Межцивилизационный диалог в фокусе современных культурных процессов // Диалог культур и цивилизаций. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М., 2022. С. 72–73.

современные культурно-цивилизационные взаимодействия. Обратившись к исследованиям сущности культуры, отметим, что при всём многообразии её определений, ключевой особенностью данного понятия является его системность и социальная обусловленность. По определению выдающегося российско-американского социолога П. А. Сорокина, культура представляет собой систему ценностей, интегрируемых в общество¹. «Именно ценность, – по словам П. А. Сорокина, – служит основой и фундаментом всякой культуры»². Все основные социокультурные институты, как и структурные элементы любой культуры взаимозависимы и пропитаны основополагающими ценностными установками. Поэтому трансформация в одной социокультурной сфере (религия, искусство, политика, семья и т.п.) неизбежно влечёт за собой такие же изменения в остальных элементах. Исходя из такого понимания культуры, в ней есть как ценностные механизмы (сохранения базовых культурных кодов), так и механизмы их разрушения, что в целом оценивается как *динамика культуры*. Выдающийся российский культуролог А. Я. Флиер определял динамику культуры как «изменение во времени состояния культурных *систем* и объектов, а также типовые модели взаимодействия между отдельными людьми и социальными группами»³. Он подчёркивал субъективность разнообразных моделей динамики культуры (ввиду многочисленности алгоритмов культурной эволюции), отмечая, тем не менее, что все их объединяет понимание динамики как процесса «поэтапного усложнения»⁴ культуры, вызванного в равной степени внутренними и внешними факторами. По оценке Ю. М. Лотмана в динамической системе культуры «эти тенденции реализуются во взаимном напряжении, от которого они не могут быть абстрагированы без искажения

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М., 1992. С. 427–435.

² Там же. С. 429.

³ Флиер А. Я. Динамика культуры // Историческая культурология / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Э. Я. Шулепова. М., 2015. С. 193.

⁴ Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).

самой их сущности»¹. Именно данная особенность обуславливает рассмотрение форм динамики культуры в рамках современных культурно-цивилизационных взаимодействий, порождающих новые формы коммуникации.

А. Н. Тарасов выделяет в динамике культуры два цикла: «развитие в заданных парадигмальных границах <...> и процессы качественных изменений»². Отметим, что в научном культурологическом дискурсе выделяются механизмы как внутрикультурной динамики, так и межкультурного взаимодействия, оказывающего влияние на развитие каждой культуры. Так, при классической оценке *межкультурного взаимодействия* выделяется два базовых противоположных подхода к нему: «унификация культур как результат агрессивной глобализации (позиция универсализма) и дифференциация, доминантой которой выступает сохранение этнокультурного своеобразия (партикуляристская позиция)»³. Эти оппозиционные подходы, как отмечает профессор О. Н. Астафьева, в настоящее время дополняются процессами «культурной гибридизации»⁴ (сближения культур при сохранении ценностного ядра, что влечёт расширение и усложнение культурной идентичности) и «конвергенцию» культур⁵. Последняя понимается в контексте взращивания лояльности к другим культурам, подразумевая их сближение в рамках межкультурного диалога, приобретающего новые черты в рамках глобализационных и информационных процессов.

В качестве *внутрикультурных механизмов*, обеспечивающих динамику культуры, современные ученые выделяют такие, как: «инновации, традиции, диффузия и синтез»⁶. Однако, чрезмерная трансформация культуры

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 205

² Тарасов А. Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации // Общество: философия, история, культура. 2016. Выпуск № 5. С. 26.

³ Астафьева О. Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов // Вопросы социальной теории. 2012. Том VI. С. 98.

⁴ Там же. С. 99–103.

⁵ Там же. С. 104–106.

⁶ Тарасов А. Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации // Общество: философия, история, культура. 2016. Выпуск № 5. С. 27.

неизбежно вызывает её кризис, когда по мере разрушения доминирующих ценностных установок изменяется вид и форма культуры. Интересно замечание П. А. Сорокина, утверждавшего, что сам кризис порождает инструменты его проявления и осуществления такой культурной динамики¹. Как отмечают В. Д. Жукоцкий и З. Р. Жукоцкая, когда усиливаются кризисные (репрессивные, нормативные) процессы в культуре, «появляется феномен контркультуры, который выступает либо как что-то особенное, противостоящее традиционной культуре, либо как универсальный способ обновления уже существующих культурных форм»². Таким образом, и контркультуру, и современную форму «культуры отмены» вполне можно определить как нормативные, цензурирующие, и деструктивные инструменты в системе динамики культуры, оказывающие прямое влияние на современные культурно-цивилизационные взаимодействия. Здесь на наш взгляд следует остановиться на рассмотрении специфики соотношения культуры и цивилизации и определении сущности культурно-цивилизационных взаимодействий.

С необходимостью отметим, что в рамках данного диссертационного исследования культура и цивилизация не противопоставляются друг другу (как, например, О. Шпенглер в работе «Закат Европы»³), и не используются, как синонимы. Под культурой, вслед за А. Я. Флиером, мы понимаем совокупность «всех исторически сложившихся норм человеческих взаимодействий во всех областях человеческой социальной жизни и деятельности»⁴. Появление специализации, усложнение социальной организации, постепенная эволюция культурных форм приводят к разрастанию системы динамики культуры, что порождает отдельные

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М., 1992. С. 432.

² Жукоцкий В. Д., Жукоцкая З. Р. Философия и культурология: от бытия идеи к бытию предметных форм // Фундаментальные проблемы современной культурологии. Том I. Теория культуры. СПб., 2007. С. 59.

³ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М., 1993.

⁴ Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).

«региональные культурные образования»¹, «локальные культурные комплексы отдельных народов и групп народов, <...> называемых цивилизациями»². Она в самом широком смысле определяется как добровольная общность (в том числе и поликультурная), строящаяся на принятии и разделении нормативных установок и культурных кодов, «фиксированных форм культурных ценностей»³, а не просто закрепление «организации социума на основе способа общественного производства, прав, законов, политики»⁴. Цивилизация, специфика которой будет рассмотрена ниже, может рассматриваться и как монокультурная общность (С. Хантингтон), и объединять в себе множество культур, связанных единством взглядов на язык, социальные институты и образ жизни. Таким образом, при рассмотрении форм и механизмов динамики культуры на первый план выходят два уровня культурных взаимодействий и изменений: внутрикультурный и цивилизационный. В теории культуры для описания данного типа отношений используется понятие межкультурной коммуникации либо диалога культур. Тем не менее, усложнение современной динамической системы культуры, а также появление её деструктивных форм пытаются исключить диалог как форму взаимодействия между некоторыми цивилизациями. Как отмечает И. В. Малыгина, начало XXI века характеризуется появлением новой коммуникационной формы, при которой «"нормой" <...> становится монологический диктат, и с точки зрения ее концептуальной основы, и в смысле использования информационных и технологических ресурсов, исключаящих любые

¹ Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).

² Там же.

³ Ремизов В. А., Ремизов О. В., Доронина Т. А. Цивилизационные коды России и Запада: специфика диалога // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 1 (44). С. 49. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>

⁴ Ремизов В. А., Ремизов О. В., Доронина Т. А. Цивилизационные коды России и Запада: специфика диалога // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 1 (44). С. 49.

возможности диалога»¹. Односторонняя коммуникация западной цивилизации, порождённые ей деструктивные технологии искажения и «отмены» культуры² исключают возможность характеристики межкультурных и цивилизационных отношений только в рамках диалога, определяемого в культурологии как «форма коммуникации, социально-культурного взаимодействия, ориентированная на взаимообмен и обогащение, рождение <...> согласия»³.

Исходя из вышеизложенного, определим *культурно-цивилизационные взаимодействия* как динамическую систему интеракции двух и более культур или цивилизаций, порождающую «непосредственные или опосредованные отношения, связи, влияния и взаимные изменения»⁴, чей характер «определяется степенью совпадения или конфликтности ценностно-смыслового фонда и образов идентичности взаимодействующих культур»⁵.

Таким образом, смена культурной либо цивилизационной парадигмы в рамках *динамики культуры* происходит посредством внесения существенных изменений в ценностное ядро самой культуры при использовании вышеозначенных механизмов. При оценке современных культурно-цивилизационных взаимодействий в системе динамики культуры на внутрикультурном уровне наибольший интерес представляет контркультура.

В современных исследованиях её понимание вышло за пределы изначального семантического наполнения. Сегодня под контркультурой понимают не только леворадикальные молодежные протесты 60–80-х годов XX века. Её смысл выходит за пределы как социальной группы «молодежь», теряет негативные коннотации и приобретает расширенное значение, которое подразумевает, в том числе, механизм трансформации культуры и замены

¹ Малыгина И. В. Кризис диалоговых стратегий в культуре постглобального мира // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 269.

² Там же.

³ Родионова О. В. Диалог // Историческая культурология / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Э. Я. Шулепова. М., 2015. С. 183.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Малыгина И. В. Российская идентичность в контексте цивилизационных разломов Запада и Востока // Культура культуры. 2016. № 2 (10). С. 9. URL: <http://cult-cult.ru/the-russian-identity-in-the-context-of-civilizational-rift-between-the-west-and/> (дата обращения: 14.05.2025).

устаревших, не принимаемых социумом норм и ценностей на иные, отвечающие вызовам времени¹.

Пытаясь осмыслить контркультуру как целостное явление, отечественные и зарубежные авторы рассматривают её в диапазоне от антикультуры как полного *искоренения ценностей и норм* официальной, доминирующей культуры до феномена с гуманистическим потенциалом «в осмыслении противоречий современной цивилизации и глобальных проблем человечества»².

Представляя собой, по сути, *механизм обновления культуры*³, контркультурные процессы имеют как положительные, так и отрицательные последствия в мировой истории. Так, например, радикальное неприятие конкретных ценностей и даже открытая борьба с определенными культурными проявлениями посредством контркультурных технологий представляют собой не что иное, как *цензурирующие механизмы* в культуре (подробнее параграф 1.3), к которым относятся и современные проявления «культуры отмены». В этой связи, ввиду близости механизмов контркультуры к проявлениям «культуры отмены», остановимся подробнее на специфике её природы, особенностях регулятивного инструментария и корреляции данного феномена с технологией «культуры отмены».

Сам термин «контркультура» был введен в научный оборот американским социологом Т. Роззаком для обозначения протестных молодежных движений в 1960-х годах, направленных на борьбу против чужеродных для части социума элементов: индустриализации, технизации, урбанизации и усиления потребления⁴.

¹ Костенко О. В. Структурно-функциональные основания типологии интерпретаций контркультуры // Таврические студии. 2022. № 32 С. 25–30.

² Султанова М. А. Философия контркультуры Теодора Розака: (очерк филос. публицистики). М., 2009. С. 9.

³ Там же. С. 4.

⁴ См.: там же.

Сегодня контркультура в культурологии рассматривается в широком смысле как «ядро возможной будущей культуры»¹. Основой для её операционализации является соотношение контркультуры с доминирующей (официальной) культурой, что наилучшим образом, на наш взгляд, отражает структурно-функциональный подход. Если исходить из понимания культуры как определённой функции общества (Т. Парсонс), основы социального взаимодействия, которая упорядочивает человеческое поведение с помощью общепринятых норм и ценностей², то контркультура подразумевает под собой *механизм смены культурных норм и ценностей*, что обуславливает её движение и приводит к замещению одной культуры другой. Рассматривающий контркультуру в контексте *культурной динамики* П. С. Гуревич отмечает, что процесс развития культуры отнюдь не является плавным приращением новых элементов, т.к. при отсутствии противоречий внутри неё самой «человечество располагало бы сегодня разветвленной монокультурой»³. Новые культуры и культурные формы, радикально отличающиеся друг от друга, появляются из-за того, что «в культуре постоянно происходят сдвиги парадигмального масштаба»⁴. Они и представляют собой контркультуру. В современных исследованиях широкое определение контркультуры было дано В. К. Королевым, охарактеризовавшим её как «деятельность по разрушению доминирующей системы культурных ценностей, замена их новыми, во многом противоположными по своим характеристикам ценностям старой культуры»⁵.

¹ Миндолина М. В. Контркультура: сущность и существование: 24.00.01: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2006. С. 5.

² См.: Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М, 1996. С. 462–478.

³ Гуревич П. С. Контркультура // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т.1. СПб., 1998. С. 323.

⁴ Васильева А. В. Контркультура в условиях тоталитарного общества (на примере контркультуры Германской Демократической Республики): 09.00.13: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2014. С. 24.

⁵ Королев В. К. Контркультура // Культурология. Краткий тематический словарь. Ростов н/Д, 2001. С. 83–84.

На сегодняшний день существует достаточно большое количество интерпретаций рассматриваемого явления, которые в контексте данного диссертационного исследования можно объединить в два *ключевых подхода*.

Первый и самый распространенный подход – **социально-политический**, исходящий из осмысления контркультуры как феномена, порожденного молодёжными протестами. Данное понятие, как уже было отмечено выше, и было введено для дефиниции молодежных движений, не вписывающихся в социальные нормы и границы. По словам Т. Б. Щепанской, в середине прошлого века «молодежь была осознана как источник социальных проблем в обществах Запада. К этому периоду относится популярность определения молодежных движений в терминах “контркультуры”»¹. Её старались не замечать, и такие термины, как *underground* и *subterranean culture* как нельзя лучше подчеркивали нежелание общества видеть контркультурные проявления². При данном подходе контркультура приобретает черты маргинальные, т.к. в основном речь идет о социальных группах, не нашедших себя в обществе, не приемлющих его нормы, ценности, идеологию и базирующихся на альтернативных культурных ценностях. Т.е. здесь контркультура представляет собой «стратегию противостояния»³.

Здесь контркультура значительно сближается по своему пониманию с субкультурами, нередко между контркультурой и молодежными субкультурами исследователи ставят знак равенства, более того, термин субкультура изначально интерпретировался в таком же контексте⁴. Этот подход даже настаивает на преемственности между этими явлениями. Они возникают в условиях кризиса идентичности у молодых людей ввиду наличия нескольких альтернативных социокультурных ценностных систем. И в таком ключе контркультурные и субкультурные явления выступают

¹ Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004. С. 27.

² См.: Султанова М. А. Философия контркультуры Теодора Розака: (очерк филос. публицистики). М., 2009.

³ Там же. С. 28.

⁴ Подробнее см.: Микитинец О. И. Неудобные спутники современной культуры, или к вопросу о месте молодежных субкультур // Культура народов Причерноморья. 2012. № 229. С. 97–100.

одним из средств социальной адаптации молодежи¹. Е. Омельченко рассматривает контркультуру при изучении молодежи и интерпретирует её как специфическую субкультуру, с помощью которой «молодые люди стремятся отыграть этот мир, отвоевать для себя культурное пространство в соседстве и в социальных институтах <...> Субкультуры помогают молодым выделить и присвоить себе территорию в округе»². Т.е. они выступают механизмом установления «культурной безопасности», что также сближает контркультуру с «культурой отмены». Контркультура, как и субкультуры, рассматриваются здесь как механизм адаптации молодого поколения, инструмент инкультурации и преодоления «кризиса идентичности» (Э. Эриксон)³, альтернативной социализации (И. Б. Громова⁴, Т. Н. Иванова⁵), «эволюционный элемент» движения культуры (О. И. Микитинец)⁶.

Данный подход также можно определить как *функциональный*, так как он встраивает контркультуру в систему элементов культуры, понимаемой предельно широко как второй природы, созданной человеком. И здесь культура, субкультура и контркультура соотносятся по своему месту и функциям в обществе того или иного периода. То, что является субкультурным или даже контркультурным элементом одной эпохи, в следующую – выступает ядром господствующей культуры. Наиболее ярким примером здесь является христианство, в Римской империи бывшее контркультурой, а в Средние века в Европе ставшее центром мировоззренческой системы.

¹ Сергеев В. К. Молодежная культура мегаполиса в условиях социальных трансформаций: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06: социология культуры, духовной жизни. М., 2002. С. 146–167.

² Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000. С. 75.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ., общ. ред. и предисл. Толстых А. В. М., 1996. С. 139.

⁴ Громова И. Б., Леонтьева В. И. Контркультура как адаптивный механизм трансляции социального опыта // Соц. исследования. 1991. № 10. С. 78–87.

⁵ Иванова Т. Н. Субкультура как альтернативная форма социализации личности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. №1 (10). С. 78–81.

⁶ Микитинец О. И. Неудобные спутники современной культуры, или к вопросу о месте молодежных субкультур // Культура народов Причерноморья. 2012. № 229. С. 99.

Ещё один подход, выделяемый в данном диссертационном исследовании – *этико-аксиологический*. Он указывает на иной тип функций и связывает контркультуру с преобразованием сознания и мировоззрения личности посредством *смены её ценностного ядра*. Так, рассматривая контркультуру, М. Султанова отмечает, что бунт против официальной культуры, порождающий новые ценностно-нравственные установки, является цикличным, постоянно воспроизводимым на протяжении истории процессом¹. Контркультура как борьба, в том числе, против идеологической составляющей предстает в исследованиях А. Ю. Мельвиль и К. Э. Разлогова как альтернатива неоконсерватизму современной западной цивилизации². П. С. Гуревич понимал под исследуемым понятием не просто новое мировоззрение молодежи, а «теоретические попытки выразить этот тип мироощущения на языке идеологии»³. Связь личности, сознания с кризисными состояниями в обществе является основополагающей в понимании контркультуры. В рамках данного подхода контркультура значительно расширила своё смысловое поле и стала пониматься не только в контексте молодёжных движений, но как *любое изменение* в рамках господствующей культуры, противоречащее ей, противопоставляющее свои ценности общепринятым ценностям и моделям поведения. Механизмом продвижения таких ценностей и выступают технологии «культуры отмены». В таком случае смена ценностных ориентиров идёт не при обращении к общезначимым и общечеловеческим ценностям Добра, Красоты, Истины и других, а, как отмечает И. В. Ковшова, механизм замены может осуществляться даже под управлением коллективного бессознательного, выраженного «в архетипах и прасимволах различных культурных систем»⁴. Это в определенном контексте *революционный способ смены культурной парадигмы*. Контркультура в таком контексте выступает особым *механизмом*

¹ Султанова М. А. Философия контркультуры Теодора Розака: (очерк филос. публицистики). М., 2009. С. 5.

² См.: Мельвиль А. Ю., Разлогов К. Э. Контркультура и «новый» консерватизм. М., 1981.

³ Гуревич П. С. Музыка и борьба идей в современном мире. М., 1984. С. 52.

⁴ Ковшова И. В. Философско-теоретическая модель контркультуры: 09.00.13: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. С. 26.

смены ценностного ядра культуры в ответ на социальные требования, что, несомненно, позволяет нам рассматривать «культуру отмены» в качестве её рецидива.

М. Султанова, рассматривая контркультуру в контексте её гуманистического потенциала, определяет данное понятие как механизм «переоценки ценностей, её осмысление, расшифровку, “раскодирование”»¹. В таком же аксиологическом контексте А. И. Бондаренко определяет контркультуру как противостоящий системе культуры феномен, при помощи которого происходит «отрицание установленных в обществе норм и правил поведения, основанных на определенной системе ценностей»².

Исходя из вышеизложенного, интерпретации контркультуры сегодня включают как узкое, так и широкое значение: от конкретных молодежных протестных движений в середине прошлого века в США (Т. Роззак) до любых резких изменений в ядре культуры, ведущих к её радикальному преобразованию (П. С. Гуревич, В. К. Королев). Тем не менее, базовым для понимания природы контркультуры является её *динамическая функция* для доминирующей культуры. Именно контркультурные течения вносят деструктивные (с точки зрения «родительской» культуры) элементы в парадигмальное ядро культуры, тем самым способствуя её движению.

Современные проявления «культуры отмены» представляют собой, таким образом, трансформировавшуюся контркультурную технологию, получившую за счет глобализационных процессов выход за пределы смены ценностных кодов одной культуры в междивизиационное пространство (подробнее данный аспект будет рассмотрен в параграфе 1.3). Основной задачей контркультуры является формирование нового типа культуры на основе предыдущей, находящейся в состоянии кризиса. Здесь она предстает как *механизм замещения* ценностей на новые, соответствующие актуальным

¹ Султанова М. А. Философия контркультуры Теодора Роззака: (очерк филос. публицистики). М., 2009. С. 11.

² Бондаренко А. И. Контркультура в социальном развитии: философский анализ: 09.00.11: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Уфа, 2011. С. 8.

социальным запросам и потребностям. По сути, «культура отмены», если исходить из истории её зарождения на Западе в университетской среде (среде студентов и молодежи), представляет собой борьбу с обособлением традиционной западной элитарной культуры, т. е. борьбу с символическим капиталом и носителями этой доминирующей культуры. Таким образом, феномен «культуры отмены» сходен с контркультурой в своей функциональной части, тем не менее, её основное отличие от контркультуры в привычном её понимании – это выход за пределы одной доминирующей культуры в межкультурное и цивилизационное пространство.

В этом ключе представляется необходимым обращение к *цивилизационному подходу* и рассмотрение основных культурно-цивилизационных моделей, позволяющих выявить особенности «культуры отмены» в современной социокультурной динамике на международном, межкультурном уровне.

Обращаясь к концепту цивилизация, немецкий историк С. Конрад подчеркивает, что она – это «вполне естественный инструмент анализа, с помощью которого можно осмыслить быстрые и масштабные перемены и объяснить конфликты в глобализированном мире»¹. На сегодняшний день существует множество различных подходов к определению цивилизации², суть которых можно свести к её пониманию как наиболее масштабного уровня социокультурной общности, строящейся на добровольном принятии и разделении культурных ценностей и установок. Ввиду ограниченности рамок диссертационного исследования и, исходя из обозначенных задач, остановимся на нескольких базовых концепциях культурно-исторических типов (цивилизаций), позволяющих в полной мере раскрыть особенности цивилизационного уровня «культуры отмены».

¹ Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018. С. 34.

² Ефимец М. А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 68. DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10207.

В целом подход, в основе которого лежит утверждение культурного многообразия и несводимости к унифицированной культуре (европоцентризм) всех исторических, социальных и культурных форм, получил название культурно-исторического релятивизма¹ или цивилизационного подхода. Его сторонники исходили из ошибочности линейно-стадиального пути развития единого пространства культуры, лежащего, например, в основе концепции классического эволюционизма. Напротив, представители цивилизационного подхода подчеркивали культурное многообразие и уникальность каждой формы культуры, а также исходили из идеи динамики культуры, предусматривающей индивидуальное развитие каждой социокультурной общности². Один из основоположников данного подхода, Н. Я. Данилевский в своём фундаментальном труде «Россия и Европа» не только раскрыл сущность цивилизации, но и подчеркнул невозможность сведения всего мирового культурного разнообразия к единой унифицированной форме культуры.

Понимая цивилизацию как предельно широкое понятие, «более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское, экономическое и общественное развитие, взятые в отдельности; и цивилизация все это в себе заключает»³, русский философ отмечает, что наибольшую значимость она представляет не для отдельного человека, а для крупных социальных сообществ и тем более государств. Именно цивилизация или культурно-исторический тип «может считаться новым и самобытным, но и имеющим весьма большое значение в общем развитии человечества»⁴, так как каждая из них развивала особый, отличительный тип деятельности (науку, религию и т.п.). Слияние между цивилизациями абсолютно невозможно, и всё взаимодействие Н. Я. Данилевский сводил к двум формам – сотрудничеству или конфронтации (борьбы). Так, русский

¹ Полетаева М. А. Цивилизационизм // Историческая культурология / Новый ин-т культурологии; отв. ред. Э. Я. Шулепова. М., 2015. С. 732.

² Там же. С. 732–733.

³ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгачева. М., 1991. С. 129.

⁴ Там же.

мыслитель приводит примеры борьбы России с Францией, Австрией, Пруссией с начала XVIII века¹ как междоцивилизационные конфликты. В контексте диссертационного исследования интересны замечания Н. Я. Данилевского, имеющие актуальность и сегодня при рассмотрении современных механизмов «культуры отмены» в международном пространстве.

Во-первых, это рассуждения о невозможности установления «всемирного господства» Европы ввиду возникновения таких препятствий, как «Американские Соединенные Штаты и Россия»². И если Штаты, как считал Н. Я. Данилевский, не будут вмешиваться в процесс установления равновесия ввиду своего расположения (что не нашло своего подтверждения в настоящее время), то многовековая вражда между Европой и Россией повлечёт за собой военные конфликты.

Во-вторых, утверждение о неизбежности борьбы между Россией и Европой – славянским и романо-германским культурно-историческими типами – «из-за восточного вопроса, т. е. из-за свободы и независимости славян»³. Для успешного для нас исхода этой борьбы должна сложиться славянская цивилизация, имеющая в своей основе собственное видение всех базовых культурообразующих элементов и отстаивание собственных культурных ценностей. Именно выделенные Н. Я. Данилевским виды деятельности потенциального славянского культурно-исторического типа (религиозная, культурная, включая и художественную, политическая, общественно-экономическая⁴) подвергаются сегодня попыткам отмены со стороны евроатлантического общества. В этом ключе принятие и тем более внедрение европейских культурных кодов и базовых ценностей является губительным для России, теряющей в этом процессе свою историко-культурную самобытность.

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгачева. М., 1991. С. 462.

² Там же. С. 424.

³ Там же. С. 435.

⁴ Там же. С. 471–472.

Положения о невозможности существования единой цивилизационной формы придерживался и британский историк XX века А. Тойнби, подчеркивая, что подобные взгляды на унификацию культурно-исторического процесса сложились у «западных историков, мышление которых находится под сильным влиянием социальной среды»¹. Экономические глобализация и унификация, «политическая экспансия западного мира» породила ложную концепцию единой цивилизации, созданной на основании ценностей Запада². Это имеет множество последствий негативного толка, одним из которых является чрезмерное «сужение исторического кругозора»³ и искажение самого восприятия иных культур. Например, сторонники стадияльно-линейного развития цивилизации все отличные от европейской, и особенно, примитивные, традиции не относят собственно к культуре, лишая их представителей прав на самобытность и собственный путь развития. Более того, восприятие всего исторического процесса с позиций постепенного развития одной (европейской) цивилизации требует *исключения (отмены)* всего, что «не вписывается в их общую концепцию»⁴. Так, например, британский исследователь приводит пример с православным христианством, рассматриваемым с позиций европоцентризма как рудимент, изживший себя «нараст на теле западного общества»⁵, необходимость в котором в настоящее время исчезла. Таким образом, в рамках эволюционистского подхода наиболее полно проявляют себя именно механизмы игнорирования либо исключения неприемлемых (варварских) «недокультур».

Противодействие такому мировосприятию А. Тойнби видел в ограничении процесса вестернизации только политической и экономической сферой, подчеркивая необходимость сохранения культурной уникальности и разнообразия.

¹ Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жарков. М., 2010. С. 87.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, С. 88.

⁵ Там же.

Выделяя множество различных цивилизаций (от 21 до 38), А. Тойнби разделяет их на независимые и связанные между собой. Именно у второго типа появляется интересный способ возникновения, называемый британским историком процессом «надлома и распада»¹, что позже было обозначено С. Хантингтоном как «разлом между цивилизациями»². Отметим, что описывая генезис цивилизаций, А. Тойнби подчеркивает, что динамическое развитие свойственно именно им, тогда как примитивные общества обладают статичностью. Динамика цивилизационного развития и возникновения родственных типов строится на двух ключевых факторах – определённом фундаментализме порождающей цивилизации и утрате, нивелировании значения базовых культурных ценностей при их переносе в другие условия порождаемой цивилизации. Т. е., фактически процесс развития цивилизации включает вызов, стимулирующий социокультурную динамику, и ответ на него. А. Тойнби, в отличие от О. Шпенглера, не считает цивилизации замкнутыми образованиями, рассматривая варианты взаимодействия между ними, одним из которых является соперничество, перерастающее в столкновение. Главным среди всех столкновений цивилизации учёный называет конфликт между Западом и исламским миром, имевший несколько проявлений, в том числе и в настоящее время³. Эти же полюса столкновений будут позже отмечены и С. Хантингтоном⁴. Современное столкновение западной и исламской цивилизаций несколько шире предыдущих и имеет иной формат, так как целью данного взаимодействия является установление единой унифицированной цивилизации, основанной на западных ценностях и контролирующей всё общественное мировое пространство. На этой же основе происходят столкновения и с другими цивилизациями – «православно-христианским миром, индуистским и дальневосточным, –

¹ Тойнби А. Постигание истории / пер. с англ. Е. Д. Жарков. М., 2010. С. 98.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 41.

³ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М., 2011. С. 177.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 183.

включая и уцелевшие примитивные общества»¹. Не вдаваясь в глубокий анализ концепции А. Тойнби, отметим, что основополагающими для выделения отдельной цивилизации являются два признака: *религия* и *территория*. Следовательно, разломы и конфликты между цивилизациями практически всегда строятся вокруг них. Ярким примером здесь является применение технологий «культуры отмены» в отношении России как раз по этим двум признакам, в том числе и борьба с Русской православной церковью на Украине, её запрет, и символический «захват» территорий, относящихся к исконно православной цивилизации (подробнее данный пример и иные проявления «отмены» будут раскрыты в параграфе 2.3). Здесь следует отметить замечание А. Тойнби о том, что «столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную»², что, несомненно, является ещё одним теоретическим подтверждением гибридного типа современных войн и технологий «культуры отмены».

Именно на основании концепции А. Тойнби С. Хантингтон предложил идею *цивилизационного разлома* («разлома между цивилизациями»), на наш взгляд, наиболее полно раскрывающую причины и особенности межкультурного проявления технологий «культуры отмены». Цивилизационный подход американский социолог тесно связывает с проблемами идентичности, приобретающими в XX веке серьезное значение, причем «речь идет уже не о национальных и культурных идентичностях, а о её более широких формах – цивилизационных»³. В современном мире, который С. Хантингтон называет многополюстным или полицивилизационным, даже политика строится на основе культур, локальная – на основе этнической принадлежности, а глобальная – цивилизационной идентичности. Полицивилизационная парадигма,

¹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. М., 2011. С. 177.

² Там же. С. 261.

³ Микитинец А. Ю., Микитинец О. И. Русский мир как цивилизационный нарратив: ключевые аспекты культурологического осмысления // Таврические студии. 2022. № 29. С. 41.

предложенная американским социологом для понимания геополитической ситуации конца прошлого века, исходит из главенствующей роли культуры и культурных идентичностей, а их «сходства и различия формируют союзы, антагонизмы и политические линии государств»¹. Разделяются такие союзы не государственными, а культурными и цивилизационными границами, образующими разломы, вдоль которых и происходят конфликты: «Соперничество сверхдержав сменилось столкновением цивилизаций»². По оценке С. Хантингтона: «Войны по линиям разлома <...> могут происходить между государствами, между неправительственными группировками и между государствами и неправительственными группами»³, и часто имеют серьезную символическую окраску, связывая причины конфликта с защитой собственной идентичности. По словам И. В. Малыгиной ослабление территориальных, «физических» границ между государствами в силу усиления глобализационных процессов приводит к уплотнению «культурно-цивилизационных границ»⁴, усиливая по «культурным границам государств и цивилизаций»⁵ глубину означенного С. Хантингтоном разлома.

Как отмечает О. Н. Астафьева, о современном столкновении «цивилизаций свидетельствует все возрастающая плотность контактов и в меньшей степени и конфликтов в мире»⁶. И эта плотность взаимодействия в нестабильных современных условиях порождает вопрос «"Кто вы?". Каждая страна должна иметь ответ. Этот ответ, культурная идентичность страны, и определяет ее место и мировой политике, ее друзей и врагов»⁷.

Анализируя уже имеющиеся (на конец XX века) и потенциально возможные линии разломов и цивилизационные столкновения,

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 509.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 409.

⁴ Малыгина И. В. Российская идентичность в контексте цивилизационных разломов Запада и Востока // Культура культуры. 2016. № 2 (10). С. 9. URL: <http://cult-cult.ru/the-russian-identity-in-the-context-of-civilizational-rift-between-the-west-and/> (дата обращения: 14.05.2025).

⁵ Там же.

⁶ Астафьева О. Н. Смыслы культуры в контекстах и дискурсах культурной политики России // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 413.

⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 187.

С. Хантингтон предсказал конфликт Украины с Россией. Несмотря на наличие тесных культурных и исторических связей, а также совместное проживание русских и украинцев в соседних странах¹, именно по территории Украины проходит «линия цивилизационного разлома», «которая делит Украину на православную восточную и униатскую западную части»², т. е. по линии соприкосновения разных христианских конфессий. Несмотря на то, что сам американский исследователь относит Украину к православной цивилизации, цивилизационный разлом на её территории имеет религиозные основания, сформированные, в том числе, образованием греко-католической церкви в результате Брестской унии в 1596 году. Политическая инструментализация религии продолжилась в 2018 году в крайне деструктивной форме, что привело к усугублению идентификационных противоречий и нарастанию цивилизационного конфликта (подробнее см. параграф 2.3).

На основании исследований своих коллег С. Хантингтон выдвинул два возможных варианта развития событий – это вооруженный конфликт или раскол Украины «по линии разлома на две части, восточная из которых войдет в состав России. Вопрос отделения впервые был поднят в Крыму. Крымская общественность, 70% которой составляют русские, решительно поддержала независимость Украины от Советского Союза на референдуме 1991 года. В мае 1992 года Крымский парламент также проголосовал за провозглашение независимости»³. В конце прошлого века это разделение так и не состоялось, однако в 2014 году произошли события, основанные на выборе идентичности и получившие название «Крымская весна», когда крымчане совершили цивилизационный выбор между Россией и Европой. Применение технологий «культуры отмены» в отношении исторической памяти (которое будет подробно описано в параграфе 1.2), наглядно продемонстрировало усугубление линии разлома между англо-саксонской

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С 42.

² Там же.

³ Там же. С. 258.

цивилизацией (цивилизацией Запада) и российской цивилизацией¹ и, соответственно, эскалацию межкультурного конфликта.

Интересно в этой связи замечание, сделанное ещё Н. Я. Данилевским о *политическом принуждении* некоторых славянских племён, вынужденно обеспечивающих политические интересы чуждых культурно-исторических типов: «Мне кажется, что возведение русского языка в общеславянский, пока славянские племена не освобождены политически (пока они составляют части посторонних чуждых политических тел и принуждены собою питать, укреплять и поддерживать эти тела), с одной стороны, дело столь же мало осуществимое, <...> ; с другой же – мало полезное, если бы и было осуществимо. Доказательством этому последнему может служить Галиция, где (по самому племенному составу её жителей) русский язык есть язык народный; и что же, можно ли довольствоваться таким единством? Несмотря на единство языка, существует ли настоящее духовное единство между Россией и Галицией?»².

Таким образом, в рамках *цивилизационного подхода* можно выделить два типа *регулятивных механизмов* в системе динамики культуры: а) предполагающие двустороннюю коммуникацию (диалог культур, мультикультурализм); б) отвергающие коммуникацию (культурный фундаментализм, контркультура, «культура отмены»).

Здесь необходимо кратко очертить концепцию мультикультурализма, изначально созданного для противодействия опасностям «культурного фундаментализма» во всех его красках и проявлениях. Мультикультурализм, транскультурализм, транснационализм³ – это всё парадигмы, в основе которых лежит идея сохранения культурной идентичности, что будет способствовать установлению диалога культур с сохранением собственных ценностных ориентиров. Как отмечает современный политолог и философ

¹ Ремизов В. А., Ремизов О. В., Доронина Т. А. Цивилизационные коды России и Запада: специфика диалога // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №1 (44). С. 46. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 430.

³ Rapport N., Overing J. Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts. 2002. P. 101.

С. Бенхабиб, можно «избежать "столкновения цивилизаций" путем укрепления политических союзов, строго соответствующих делению на основе культурной идентичности»¹. «Мультикультурализм, [выступающий] одним из подвидов... политики идентичности/различия»², не должен, по словам С. Бенхабиб, строиться на «слепом» равенстве жёстко очерченных культур, часто строящихся на противодействии «свой/чужой». Напротив, он должен строиться на принятии плюралистичности культурных ценностей и возможности самостоятельного выбора собственной культурной идентичности. Здесь скорее верным является понимание мультикультурализма как проявления «исторически сформированной региональной культурной» множественности субъектов, что близко к термину интернационализма³.

Приведём в качестве иллюстрации механизмов отечественного мультикультурализма оценку политической и государственной деятельности в отношении малых народов, проведённую известным российским политологом И. Н. Панариным: «Россия многие столетия собирала свои территории в единое целое, но делала она это не ради мирового господства, а для защиты соседних народов от внешних угроз, возникающих в разные исторические эпохи на евразийском пространстве, сохраняя при этом их национальную идентичность, язык и веру при их добровольном воссоединении с Россией»⁴. Именно на таком поликультурном и полиэтническом основании, как отмечает Н. Г. Денисов, и строится российская нация и российская цивилизация, впитавшая «в себя культурную и гражданскую идентичность народов тысячелетней истории Отечества»⁵.

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М., 2003. С. 4.

² Там же. С. 135.

³ Микитинец А. Ю., Микитинец О. И. Русский мир как цивилизационный нарратив: ключевые аспекты культурологического осмысления // Таврические студии. 2022. № 29. С. 41.

⁴ Панарин И. Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. №4. С. 69.

⁵ Денисов Н. Г. Триада российской государственности: культура – идеология – гражданская идентичность // Будущее России: историко-культурные и духовнонравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации : сб. мат. III Всероссийской научнопрактической конференции. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2023. С. 43.

В этом контексте «культура отмены» может трактоваться как нивелирование концепции мультикультурализма и *антипод диалога культур*. Как отмечает российский политолог Д. Пареньков, «культура отмены», применяемая в международном пространстве (в частности, в отношении России), показывает уязвимость собственной культуры, страх перед чужими культурными кодами, ввиду чего их «надо ограничивать. Для Запада это означает признание собственной уязвимости перед лицом альтернативных культуры и ценностей»¹. Такую реакцию Запада современные исследователи оценивают как «неадекватную», вызванную цивилизационными вызовами и невозможностью справиться с ними менее разрушительными способами². Ещё П. А. Сорокин отмечал, что «войны и революции не исчезают, а, напротив, достигнут в XX веке беспрецедентного уровня, станут неизбежными и более грозными»³. Эти войны интерпретировались социологом как проявления тяжелейшего кризиса западного (европейского) общества и цивилизации: «Западные общества и их культура уже пережили точку своего наивысшего расцвета и сейчас находятся на последней стадии своего упадка. В связи с этим настоящий кризис – всего лишь начало конца их исторического существования»⁴.

Здесь стоит упомянуть и концепт «Русский мир», являющийся итогом цивилизационного подхода к самоопределению русской культуры, российской государственности и национальной идентичности. Этот концепт можно обозначить как определённый этноним (если можно так обозначить) в отношении российской цивилизации. Он является важным фактором противодействия технологиям «культуры отмены» в международной плоскости в отношении русской культуры. Так, например, союз славянства, о

¹ Пареньков Д. Отменяй и властвуй? «Культура отмены» в мировой политике // Валдай: Международный дискуссионный клуб [Сайт]. 07 июня 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/> (дата обращения: 21.02.2025).

² Ремизов В. А., Садовская В. С., Ремизов О. В. Культурно-цивилизационные модели современности в проекции гуманизации общественного развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 6 (116). С. 9.

³ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

⁴ Там же. С. 428.

котором писал Н. Я. Данилевский, и составляет тот цивилизационный тип, который может противостоять объединённой европейской цивилизации¹.

По словам И. Н. Панарина, в рамках Русского мира происходит «колоссальный синтез культур <...> на основе принципа “диалога цивилизаций”»². Т. А. Пархоменко в своём исследовании российской цивилизации подчеркивает, что «Россия не столько страна, сколько особая часть света, включающая европейский Восток и азиатский Запад, Север и Юг, которые населяют множество этносов с разной историей, языком, культурой во главе с объединяющим их русским народом. Россия представляет собой своеобразный "цивилизационный конгломерат"»³, построенный на исторической преемственности. Такое добровольное объединение в единое государство-цивилизацию противостоит европейским принципам межкультурного и межкультурного взаимодействия, строящегося на исключении либо поглощении чужеродных культурных элементов. Как отмечают И. И. Горлова и В. П. Гриценко, в рамках «Русского мира» «духовное единение не исключает внутреннего разнообразия идей и даже некоторых антиномий»⁴.

Следует также особо отметить специфику современной интерпретации цивилизации, которая представляет собой совокупность социальных и культурных кодов, объединённых такими характеристиками, «как самоидентификация носителя культуры, ценностно-смысловая система общенациональных идеалов, духовности и ментальности»⁵. Как отмечают А. Ю. Микитинец и О. И. Микитинец, ключевым в построении цивилизации вообще, и Русского мира в частности является «принятие и разделение ключевых культурных идей, общий взгляд на историю (нарративы) и

¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 429.

² Панарин И. Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. №4. С. 69.

³ Пархоменко Т. А. Российская цивилизация : между Западом и Востоком. М., 2021. С. 107.

⁴ Горлова И. И., Гриценко В. П. Российская цивилизация и «Русский мир» // Журнал института наследия. 2018. №2 (13). С. 2. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/206.html> (дата обращения: 07.05.2025).

⁵ Ефимец М. А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 69.

понимание стратегических ориентиров будущего»¹. Эти коды, идеи и ценности не несут в себе угрозы локальным культурам, в полной мере отражая принципы диалога и мультикультурализма, что нивелирует саму возможность проявлений деструктивных форм культурной динамики (в том числе и «культуры отмены»). «Русский мир», таким образом, по оценке И. И. Горловой, становится брендом современной России, в том числе и для русскоговорящих людей всего мира, «некой объединяющей, солидарной идеей»², единым сообществом людей, разделяющих ценности русской культуры.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об усложнении современных форм культурной динамики. Подразумевая под собой двойственные механизмы как сохранения, так и трансформации и даже разрушения ценностного ядра культуры, современная динамическая система порождает новые формы культурно-цивилизационных взаимодействий. Попытки перехода от равноправной межкультурной коммуникации к монологической системе воздействия на чужие культуры, осуществляемые сегодня западной цивилизацией, выводят существовавшие в истории человечества негативные формы культурной динамики (контркультуру) на качественно новый, международный уровень («культуру отмены»). «Культура отмены», применяемая в межкультурном, межцивилизационном пространстве, представляет собой «контркультурную» разрушительную технологию, вынесенную на международный уровень для защиты своих и нивелирования чужих ценностных установок (подробнее данный вопрос будет раскрыт в параграфе 2.3).

Таким образом, спектр социокультурных технологий цензурирования и ограничения, имевший место в истории человечества, получает название «культура отмены» и определяется как гибридная, цензурирующая,

¹ Микитинец А. Ю., Микитинец О. И. Русский мир как цивилизационный нарратив: ключевые аспекты культурологического осмысления // Таврические студии. 2022. № 29. С. 42.

² Горлова И. И., Гриценко В. П. Российская цивилизация и «Русский мир» // Журнал института наследия. 2018. №2 (13). С. 5.

преимущественно деструктивная форма культурно-цивилизационных взаимодействий. Понимая под последними, как уже было отмечено выше, взаимодействия между двумя и более культурами либо цивилизациями, отметим, что «культура отмены» невозможно отнести только к внутрикультурным, либо только к цивилизационным проявлениям. Как и в случае с иными культурными технологиями, «в данном процессе немалая роль принадлежит взаимодействию цивилизации и культуры, которая выступает своеобразным ядром общественной модели»¹. В системе культурно-цивилизационных взаимодействий «культура отмены» может проявляться на двух уровнях:

– внутри одной культуры и между различными культурами в рамках одной цивилизации (как контркультурная технология, например, движения против расизма в западной культуре

– на межцивилизационном уровне между цивилизациями (как попытка создания унифицированного общецивилизационного пространства, например попытки отмены русской культуры Западом в рамках европоцентризма).

1.2 Философско-методологические основания феномена «культура отмены»*

Исходя из вышеизложенного становится очевидным, что названная «культурой отмены» социокультурная практика, несмотря на кажущуюся «оригинальность» и «новаторство», имеет в своем основании идеи, которые были разработаны ещё на заре возникновения человеческой цивилизации в целом, и философской мысли, в частности. Несмотря на обилие публикаций в

¹ Ремизов В. А., Ремизов О. В., Доронина Т. А. Цивилизационные коды России и Запада: специфика диалога // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. № 1 (44). С. 47. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>.

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: № 71 в списке использованных источников и литературы.

СМИ, научные исследования данной проблемы в теории и истории культуры крайне ограничены и исследуемое понятие, безусловно, нуждается в дальнейшей концептуализации. В этой связи первоначально необходимо проследить его историко-философские предпосылки, которые позволят определить методологические основания концептуализации и операционализации современного феномена «культуры отмены».

Разумеется, что истоки данного явления, в первую очередь, связываются с практиками остракизма, однако, в зависимости от социальных и культурно-исторических условий, они имеют свою специфику осмысления.

Если обратить внимание на западноевропейские философские основания «культуры отмены»¹, то её предпосылки можно усмотреть ещё в рассуждениях древнегреческих киников, придерживавшихся идеи «жить по природе» (*cata physin*) и презрительно относящихся к письменной культуре, воспитанию и грамотности: «все естественное, природное, простое прекрасно, все искусственное, украшательское, лакировочное и вычурное безобразно, ибо оно искажает “природу”»². В данном случае фактическое отождествление культуры и природы нивелирует сущность культуры как специфического способа организации жизни человека. В качестве особенности кинизма отметим, что «культура отмены» в данном случае самонаправлена: своими эпатажными выходками и космополитическими рассуждениями киник добровольно отгораживает себя от сложившейся системы социальных связей.

Казнь философа Сократа также можно рассматривать в качестве одного из самых известных примеров воплощения идеи «культуры отмены». Одной из популярных интерпретаций данного события является следующая: судебное заседание было поводом к тому, чтобы побудить Сократа добровольно покинуть Афины. В «Апологии Сократа» сам Сократ, в

¹ См.: Костенко О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 248–252.

² Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей / отв. редактор А. А. Тахо-Годи. М., 1984. С. 13.

частности, также допускает эту мысль: «Или назначить себе *наказанием изгнание* (здесь и далее выделено мной. – О. К.)? Это наказание и вы, быть может, готовы были бы назначить. Сильно, однако же, оказался бы я привязанным к жизни, если бы был настолько несообразительным, что не мог бы сообразить вот чего: вы, мои сограждане, не в состоянии были вынести моего у вас пребывания и моих бесед; оно стало для вас *слишком тягостным и противным, так что вы стремитесь теперь от него освободиться*. ; <...> Хороша была бы моя жизнь – <...> *жить повсюду гонимому!*»¹. Сам Сократ, рассуждая о своём смертном приговоре, отмечает, что невозможно угрозами смерти или изгнанием заставить людей замалчивать истину, отступить от своих взглядов и не осуждать неправильные воззрения большинства.

В рамках нашего исследования обратим внимание на то, что гонения на христиан в Римской империи в первые века новой эры также можно рассматривать в контексте «культуры отмены»: здесь очевидно противостояние доминирующей культуры и контркультуры. При этом указанный процесс впоследствии получил «зеркальный эффект»: узаконенное в качестве государственной религии христианство также различными способами пыталось *отменить* римское язычество, как *враждебную контркультуру*. Средневековые теологические практики, связанные с обоснованием догматики, защитой христианского вероучения и запретом определенных текстов, транслирующих иную точку зрения, также можно рассматривать в контексте предпосылок «культуры отмены». Примечательно, что одна из ключевых работ Ф. Аквинского имеет характерное название – «Сумма *против* язычников» («Книга об истине католической веры против язычников») (выделено мной. – О. К.).

С наступлением эпохи Великих географических открытий и обнаружением разнообразия человеческих рас, идеи допустимости

¹ Творения Платона. Полное собрание творений Платона в 15 томах / Новый перевод под редакцией С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. Петербург-Ленинград, 1923–1929. Том 1. Евтифорон, Апология Сократа, Критон, Федон. С. 77.

искоренения *чужой культуры* постепенно получают в Европе активное распространение. Так, немногим позже идея культурного неравенства прослеживается во взглядах Ж. А. де Гобино, считавшего, что человеческие расы неравны, и что более «высокая» белая раса «вырождается» от смешения с другими¹. Тем самым в дискурсе общего мнения была актуализирована мысль о том, что необходимо *отграничение* от культур других народов.

Следует также обратить внимание на идейное наследие французских Просветителей, в частности концепцию Ж.-Ж. Руссо, в которой предлагается отказ от европейского культурного наследия. Он предлагает метафору обнаженного атлета, разрывающего и скидывающего цепи опоясавшей его культуры². Также отметим, что именно в работах Руссо появляется понятие «общественное мнение» (*l'opinion publique*), причём, Э. Нозль-Нойман отмечает, что он использует его не в политическом, а именно в социальном (гражданское общество) контексте как «осуждающую инстанцию», «неодобрения которой всегда следует остерегаться»³.

В качестве одной из концепций, предвосхитивших мировоззренческое обоснование идеи «культуры отмены», следует отметить и *теорию «злого гения»* (*le malin génie*) разработанную Р. Декартом, в рамках которой предлагается определенный мысленный эксперимент, связанный с поиском оснований существования мира и мыслящего субъекта. Оставив в стороне онтологические аспекты, отметим саму скептическую установку на возможность *исключения* всего знания о мире из опасения внушения «другим субъектом», *в том числе и внутреннего, подразумевающего социокультурную обусловленность*, которое (в рамках философской доктрины Р. Декарта) может быть ложным и, следовательно, отторгнутым для чистоты рассуждения о себе и мире. Данную установку в контексте современных концепций «культуры отмены» можно интерпретировать как

¹ Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас // Хронос [Сайт]. URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php (дата обращения: 25.03.2023).

² Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998. С. 28.

³ Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 127.

рационализацию легитимности запрета на другие ценностные ориентации, которые могут быть инкультурированы либо аккультурированы (внушены) представителем чуждой культуры, причем не только каким-то субъектом, но и продуктом его творчества (в данном случае – произведением искусства). К примеру, нынешнее исключение из репертуара и даже повсеместные запреты на воспроизведение театральных или музыкальных произведений классического русского искусства в странах Запада являются элементами борьбы с влиянием другой культуры на сознание человека. В данном случае любого русского автора европейская пропаганда может преподносить как «злого гения», транслирующего ценности, чуждые европейскому самосознанию¹.

В рассуждениях Ф. Ницше также можно усмотреть явную установку на исключение определенного типа культуры, в данном случае – христианской. Концепция сверхчеловека, свободного от навязанных общественных норм, от рабской (христианской) морали – это также входит в дискурс «культуры отмены», что хорошо заметно в следующем высказывании: «Я рассматриваю христианство как самую роковую ложь соблазна, какая только была на свете, как великую и несвятую ложь: я *выдергиваю поросль и выскребаю плесень* (здесь и далее выделено мной. – О. К.) этого идеала из-под всех и всяческих облицовок, я *отвергаю любые позиции* в пол и в три четверти оборота к нему, – я *принуждаю только к войне с ним*. Нравственное сознание маленьких людей как мера всех вещей – это самое отвратительное вырождение из всех, какие до сей поры являла культура»². Рассуждая о культуре в негативном ключе как о дегенерации³, Ф. Ницше, тем не менее, отвергает только европейскую (христианскую) культуру своего времени, что не мешает ему продуцировать идею человека с новыми нормами морали (сверхчеловека). Быть сверхчеловеком – значит быть свободным от общественных норм, быть

¹ Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета [Сайт]. 28 марта 2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmenu-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 12.03.2024).

² Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М., 2005. С. 131.

³ Там же. С. 376.

вне рабской морали, т.е. тоже «исключить» неуютную культуру. Обратим внимание на то, что ницшеанская контркультурная установка примечательна ещё и тем, что в ней заложены интенции перехода от пассивных философских рассуждений к радикальным действиям, которые значительно позже, в конце XX – начале XXI веков. благодаря развитию и внедрению информационных технологий получают глобальный охват и выражаются в идеологии движений «новой этики». Именно идея новой морали, замещающей старые социальные и культурные нормы, лежит сегодня в основе тенденций внедрения и распространения «новой искренности» (#MeToo) и «новой идентичности» (цифровой, глобальной и т.п.)¹ Причем, у Ф. Ницше в рассуждениях о морали находится ещё несколько аспектов, позволяющих понять природу «новой этики», в частности, ограничения свободы в высказываниях, противоречащих поддерживаемой определенной социальной группой точке зрения. Как отмечает философ, социальная справедливость не является всеобъемлющим и унифицированным явлением, так как то, что хорошо и справедливо для одних, не является таковым для других: «требование одной морали для всех наносит вред именно высшим людям, <...> есть разница в рангах между человеком и человеком, а, следовательно, также между моралью и моралью»².

Ещё один аспект ницшеанской философии, связанный с установлением современной формы «культуры отмены» – это формирование норм морали. В работе «К генеалогии морали» Ф. Ницше, рассуждая о природе того, что в обществе считается добрым и хорошим, отмечает интересный факт присвоения вышеназванных характеристик не теми, на кого были направлены соответствующие действия, а теми, кто их совершал, или, по крайней мере, провозглашал. Основы разделения на хорошее и плохое заведомо ложные, так как их источник – это «сами “добрые”, т. е. знатные,

¹ См.: Малыгина И. В. Identity capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 217–220.

² Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Ю. Антоновского. М., 2017. С. 189.

могущественные, высокопоставленные и возвышенно настроенные, кто воспринимал и выставлял себя и свои деяния как хорошие, как нечто первосортное, в противоположность всему низкому, низменно настроенному, заурядному и плебейскому»¹. Ф. Ницше подчёркивает таким образом субъективную природу этических норм и ценностей в обществе, продуцирование и навязывание которых в социуме должно быть никак не связано ни с полезностью, ни с большинством, а исходит от группы людей, провозгласивших «себя, например, «истинными» <...> отделяясь от лживого простолюдина»². Вообще в трудах Ф. Ницше, значительно повлиявших на современное европейское мировосприятие, явно прослеживается разделение на аристократический (возвышенный, цивилизованный, старые европейские идеи превосходства) и плебейский (простой, варварский, наносной в исконную европейскую цивилизацию) дух. Его противопоставление в формировании морали знатности, благородства, ««душевно-возвышенного», «душевно-привилегированного»»³ (т.е. хорошего) низменному, пошлому и плебейскому (что всегда «переходит в понятие “плохое”»⁴) чётко коррелирует с неоднократно озвучиваемым противопоставлением «цивилизованный» – «варварский», причем у Ф. Ницше это находит выражение в четком расовом разделении на арийцев как истинных, правдивых («*ârya* – принадлежащий к друзьям, благородный»⁵) и темнокожих и темноволосых как лживых, «дурных»(*malus*) и черных (*melas*)⁶. Данное разделение (как будет показано в параграфе 2.1) всё также лежит в основе навязывания Западом (на осознании своего превосходства) своих норм и ценностей и запрете, «исключении» других, не соответствующих, культур, т.е. цивилизационному вектору «культуры отмены».

¹ Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер». М., 2012. С. 243.

² Там же. С. 246.

³ Там же. С. 245.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 246.

⁶ Там же.

Философско-методологическим инструментарием понимания сущности современной «культуры отмены» являются также работы философов о природе истории и основаниях её трактовки. Г. Риккерт, обосновывая «исторически-индивидуализирующий метод», позволяющий объяснить связь истории и культуры, рассуждает об истории с позиции субъективности её изложения самими историками, проявляющими сочувствие к излагаемым ими событиям и фактам. Если бы историки смогли избежать субъективности, стремясь к простоте и точности естественных наук, отмечает немецкий философ, им «удалось бы совершенно заглушить свое собственное “я”, не существовало бы больше вообще истории, а только бессмысленная масса просто разнородных фактов, одинаково значительных или одинаково лишенных всякого значения, из которых ни один не представлял бы исторического интереса»¹. История всегда связана с людьми, а значит – с культурой и ценностями, носителями которой они являются. Она не имеет закономерных связей, в отличие от природных явлений, а потому историческое описание – это всегда выбор определенных событий, отражающих разделяемые обществом (и самим историком) культурные ценности. Г. Риккерт подчеркивает, что история как наука избегает оценок, описывая то, что есть, а сами «оценки могут быть рассматриваемы с точки зрения значимости связанных с ними ценностей»². Например, в концепции этого немецкого философа прослеживается утверждение, что описывая войны и революции, ученые избегают оценочных суждений, отмечая только их значимость для дальнейшего развития того или иного общества. Тем не менее, «один и тот же исторический факт, в зависимости от различной связи, в которой его рассматривает историк, приобретает очень различный акцент, хотя объективная ценность его остается той же самой»³. Примером зависимости изложения истории от установленных в социуме ценностей является вариативная трактовка исторических событий в учебниках разных

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 92.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 95.

стран. Например, при изложении хода и итогов Второй Мировой войны акцентируется внимание, а значит и ценностная нагрузка, на совершенно разных событиях. Так, в учебниках практически всех западных стран акцент делается на успехах именно их войск, или, по крайней мере, вкладе в победу, а о ключевых событиях, ставших переломными в ходе войны (Сталинградская битва, битва под Курском, «операция “Багратион”» и др.¹), либо вообще не пишется, либо им уделяется всего несколько строк. Французские учебники в качестве предпосылки Второй Мировой войны указывают угрозу «фашизма и коммунизма»², польские – обвиняют Москву в нападении на Польшу гитлеровской Германии. И в целом несоразмерно больше внимания в учебниках Британии, Франции, Польши, США уделяется действиям союзников, умалчивая, что большая часть сил Вермахта была сосредоточена именно на Восточном фронте и основными были усилия и действия СССР. В американских учебниках акцент делается на американо-японском противостоянии, с которым связывается и начало, и окончание Второй мировой войны: «именно США закончили войну, сбросив ядерные бомбы на Японию»³. Не только для американцев, но и для французов войну «заканчивают американцы, которые, применив атомное оружие, привели Японию к капитуляции»⁴. В западных учебниках прослеживается тенденция к значительному преуменьшению советского вклада в Победу, а о России говорится в основном вместе с союзниками, замалчивая взятие Берлина и реальные потери Советского Союза⁵. Ярким примером искажения не только исторических событий, но и фактов, является учебник по истории Украины для школьников 10 классов под авторством В. Власова, С. Кульчицкого, изданный в 2018 году. В частности, в главе, посвящённой окончанию Второй

¹ Что пишут о Второй мировой войне в учебниках разных стран // РИА Новости [Сайт]. 08 мая 2019. URL: <https://ria.ru/20190508/1553303608.html> (дата обращения: 19.02.2025).

² Там же.

³ Ярыгин А. А., Тайгильдин А. В. Вторая мировая война на страницах американской учебной литературы // Регионы России в военной истории страны: сб. мат. Всероссийской научно-практической конференции. Том Выпуск II. Йошкар-Ола, 2020. С. 242.

⁴ Что пишут о Второй мировой войне в учебниках разных стран // РИА Новости [Сайт]. 08 мая 2019. URL: <https://ria.ru/20190508/1553303608.html> (дата обращения: 19.02.2025).

⁵ Там же.

мировой войны, авторы пишут следующее: «После победы над нацистской Германией 8 мая 1945 г. (здесь и далее перевод мой. – *О. К.*) СССР присоединился к войне против Японии. **9 мая 1945 г.** (здесь и далее выделено авторами учебника – *О. К.*) в Берлине в присутствии советских, американских, английских и французских представителей был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Германии. **2 сентября 1945 г.** на борту американского авианосца «Миссури» молодой генерал – украинец **Кузьма Деревянко** поставил свою подпись от имени Советского Союза под Актом капитуляции Японии. **Вторая мировая война закончилась**»¹. Согласно развиваемому в данной диссертации подходу, подобная интерпретация событий истории – это не просто частные случаи политической конъюнктуры, но часть организованного процесса межцивилизационного противостояния, в котором, как справедливо отмечает Н. Г. Денисов, «США и коллективный Запад, <...> в течение послевоенных десятилетий демонстрировали двойные стандарты»², планомерно искажая образ России «путем обмана общественного мнения»³ при помощи создания фейков и вбрасывания ложной информации в цифровое пространство. По словам И. И. Горловой, А. Л. Зорина и Т. В. Коваленко, «развязанная западными странами борьба с исторической памятью, стремление пересмотреть итоги Второй мировой войны, выставить Советский Союз наряду с фашистской Германией в качестве зачинщика военных действий в Европе, очернить освободительную роль российской армии в деле избавления европейских народов от немецкой оккупации»⁴ являются серьёзной угрозой современной России. Как отмечает в данной связи директор Центра геополитического анализа (Екатеринбург) Н. А. Комлева: «Искажение истории Второй мировой войны является важной

¹ Власов В. С., Кульчицкий С. В. Історія України (рівень стандарту) : підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Київ, 2018. С. 246–247.

² Денисов Н. Г. Сила правды и жертвы лжи. К вопросу об информационной безопасности в условиях вызовов и угроз // Культура и время перемен. 2022. №2 (37). URL: timekguki.esrae.ru/53-745 (дата обращения: 26.03.2025).

³ Там же.

⁴ Горлова И. И., Зорин А. Л., Коваленко Т. В. Современные вызовы и угрозы национальной безопасности России в сфере культуры // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: сборник материалов круглого стола (25 августа 2021 г.); ВАГШ ВС РФ. М., 2021. С. 226.

составной частью глобальной концентрической войны, а именно борьбы с православно-славянской цивилизацией (термин С. Хантингтона) как базой развития России, основного государства данной цивилизации»¹. По её мнению, с цивилизационной точки зрения искажение истории Второй мировой войны и роли России в победе над нацистской Германией нацелено на внушение в массовое сознание негативных характеристик, искусственно приписываемых русской геоцивилизации, а русскому народу внушается самоидентификация народа-неудачника, не имеющего масштабных побед, но постоянно испытывающего на своем пути различные катастрофы. «Тем самым русским отказывается в статусе великого народа, т. е. народа, внесшего ранее и вносящего ныне значительный вклад в прогрессивное развитие человечества. Следовательно, русский народ должен “слушать старших”, т. е. подчиняться истинно великим – европейским – народам, носителям наиболее прогрессивных принципов существования человечества»².

Такая субъективность, присутствующая при оценке событий, выступает в качестве основы для пересмотра если не самих исторических фактов, то того влияния, которое они оказали на развитие культуры, общества или какой-нибудь их части. Здесь также прослеживается прямая корреляция с рассмотренным нами движением BLM в рамках «новой этики», в основе которого лежит стремление установления исторической и социальной справедливости в отношении афроамериканского населения. Новые, провозглашенные ими социальные ценности изменяют аксиологический и культурный вектор значимости исторических событий и личностей: «культурная ценность определяет выбор исторически существенного»³.

¹ Комлева Н. А. Концентрическая война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 18.

² Там же. С. 19.

³ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 98.

Как мы видим, связь «культуры отмены» с историческим искажением не подлежит сомнению, явно присутствуя в гипертрофированности высказываний и смыслового искажения сторонников BLM, озвучивающих, безусловно, неэтичные и осуждаемые с точки зрения современности поступки исторических личностей (расизм, колониализм, рабство и неравенство по расовому признаку). Однако наравне с озвучиванием фактов социальной и культурной несправедливости происходит искажение как содержания, так и значимости исторических событий, нарушается принцип историзма – базовый при оценке прошлого и позволяющий включать в осмысление ценности и мотивы тех или иных исторических событий. Как отмечает М. Эпштейн, осуждение всех форм неравенства не является чем-то новым в истории человечества, и содержится как в моральных устоях практически всех религий, так и в философских и литературных трудах начиная с эпохи Просвещения (например, кантовской практической философии, экзистенциализме и др.). Идеологи движений «новой этики», напротив, в качестве замены существовавших в социуме форм неравенства предлагают не искоренение его как такового, а новые модели культурной стратификации: «говорящие от имени “новой этики”, часто привносят в неё дух нетерпимости, мстительности, ригоризма и ресентимента. Создаются новые “козлы отпущения”, наподобие тех, что при диктатуре пролетариата получали клеймо “эксплуататорских классов”, а при нацистской диктатуре – “неполноценных рас”»¹. В итоге происходит не установление справедливости, при которой необходимо беспристрастно освящать все стороны, а искажение (даже в противоположную сторону) фактов и событий.

В работе П. Рикёра «Память. История. Забвение» также можно увидеть философско-методологические предпосылки технологии «культуры отмены». Речь идёт о специфике репрезентации прошлого в памяти, т.е. формировании и представлении смысла исторических событий. Обращаясь к

¹ Эпштейн М. Новая этика или старая идеология? // Знамя. 2021. №8. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/8/novaya-etika-ili-staraya-ideologiya.html> (дата обращения: 10.10.2024).

природе нарратива как особым образом выстроенного и выверенного рассказа, связанного непосредственно как с самим событием, памятью о нём (mythos), так и с субъективным опытом, мифом (mimesis)¹, П. Рикёр описывает его возможности в конституировании и замещении смысла события в истории. Нарратив представляет собой свойство нашего дискурса быть упорядоченным согласно непосредственному жизненному опыту, памяти и времени, соединяя прошлое и настоящее. В описании истории французский философ отмечает важность «нарративной конфигурации», т.е. формообразования, представляющего собой логическое единство и упорядоченность одной повествовательной линии всех описываемых событий и излагаемых фактов². Как отмечает А. Я. Флиер, у нарратива эта упорядоченность достигается за счёт превалирования личной авторской позиции историка, его концепции над «историческим материалом»³, т.е. объективность уступает место авторской интерпретации. Такой нарративный подход к описанию истории сегодня является одним из базовых в современной философии истории и отражается в целом ряде концепций. Например, Ф. Анкерсмит в своих исследованиях подчеркивает субъективность интерпретаций прошлого («исторической интерпретации»⁴), отмечая, что оно не может существовать объективно, вне рассуждений, и представляет собой, прежде всего, объект, который мы «в каком-то смысле приватизируем и контролируем его в собственных интересах»⁵. Историк, описывая определенные события, выбирает сторону и вектор их изложения из множества объективных вариаций, опираясь на свои субъективные взгляды и разделяемые ценности. По сути, мы имеем дело с точками зрения, которые отражают «предпочтительность определенного отбора

¹ Борисенкова А. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 57.

² Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб., 1998. С. 83; 263.

³ См.: Флиер А. Я. Нарратив // Историческая культурология. М., 2015. С. 447.

⁴ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / перевод с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М., 2003. С. 29.

⁵ Анкерсмит Ф. Изучение истории как политическая проблема // Вопросы образования. 2006. № 4. С. 33.

высказываний»¹ о прошлом. Нарратив метафоричен, в том смысле, что при описании прошлого он, «приписывая определенные свойства тем вещам, которые обозначаются <...> мы создаем его “образ” или “картину”, <...> индивидуализируем его»². Таким образом, исторический нарратив – это «интерпретационная модель»³ прошлого, события которого оцениваются сквозь призму настоящего посредством сопоставления множества точек зрения, оказывающих влияние на конечный результат⁴, т.е. фактически манипулирующая исторической памятью. Интересна интерпретация современной «культуры отмены» профессора С. В. Чугрова в рамках концепции «открытого общества» К. Поппера, трактующего историю как «субъективный нарратив», не имеющий объективных цели смысла. Отсюда жёсткое требования к «моральному универсализму» в открытых обществах, и, следовательно, непримиримая борьба с инакомыслием⁵.

Именно *нарративную особенность* современного описания исторических событий необходимо, на наш взгляд, рассматривать как *методологическую основу технологии «культуры отмены»*, особенно в её цивилизационном аспекте. Так, у П. Рикёра приводится описание манипулятивных интенций исторического дискурса, заключающихся в том, что «всегда можно рассказать по-другому, о чем-то умалчивая, смещая акценты, различными способами рефигурируя участников действия, как и контуры самого действия»⁶. Именно на таком свойстве памяти акцентирует внимание Е. Н. Костина, отмечая, что описанные П. Рикёром технологии манипулирования, искажения и забвения являются особым свойством политического дискурса, способного с их помощью выстраивать современные крупные, в том числе и цивилизационные нарративы и

¹ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / перевод с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л. Б. Макеевой. М., 2003. С. 349.

² Там же. С. 294.

³ Пилюгина Е. В. Нарративное прочтение истории: ретроспектива и перспектива // Интеллект. Инновации. Инвестиции. №6. 2016. С. 91.

⁴ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 350.

⁵ Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. №5. С. 93.

⁶ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 619.

оказывать «идеологическое воздействие на область коллективной памяти»¹. Например, у того же Ф. Анкерсмита такие исторические личности, как Сталин и Ленин ставятся в один ряд с Гитлером² исходя из субъективной моральной оценки, зависящей от моральных целей и социальной ориентации и создавая для западного читателя образ врага («Сталин был жестоким тираном»³). Историческое описание не может быть таким же прямым, прагматичным и последовательным, как научное, и, несмотря на возможность фальсификации. Оно всегда несёт в себе эмоциональную и аксиологическую окраску, зависящую от собственного прошлого: «Наше понимание прошлого и наши моральные цели в гораздо большей степени внутренне взаимосвязаны»⁴.

Об этом же пишет и П. Хаттон, подчеркивая, что «историческая память, в контексте политики памяти, является функцией власти, определяющей, как следует представлять прошлое»⁵. И с такого ракурса история и память становятся политическими инструментами, расставляя акценты на личностях и событиях, социально признанных, поддерживаемых и одобряемых. Всё это способно как выстраивать, так и исказить идентичность, вплоть до крушения национальных идентификационных стратегий.

Ярким примером манипулирования памятью является прямое искажение или замалчивание фактов в учебниках истории. Так, в учебниках истории на Украине, начиная с 1990-х годов, прослеживалась тенденция к искоренению основ общей советской истории и восточнославянской идентичности. Так уже в упомянутом нами ранее учебнике по истории Украины, сказано следующее: «После утверждения диктатуры Москва начала осуществлять на Украине коммунистическую программу социально-экономических преобразований. Однако её несоответствие интересам

¹ Костина Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 1. Гуманитарные науки. С. 63.

² Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003. С. 57.

³ Там же. С. 295.

⁴ Там же.

⁵ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 417.

крестьянства быстро привело к **крестьянским восстаниям**, более масштабным, чем те, которые происходили против немецко-австрийских оккупантов годом ранее. Крестьянство Украины уже в марте-апреле 1919 г. начало выступать против власти под лозунгами «Прочь коммуны!», «За Советскую власть без коммунистов!»¹. Далее отмечено следующее: «Сразу после создания СССР руководство РКП(б) поставило на повестку дня очередного партийного съезда пункт про пути решения национального вопроса. **XII партийный съезд в апреле 1923 г. утвердил политику коренизации** как официальную линию. Украинская разновидность этой политики получила название **украинизации**. Её суть обозначало такое требование: “Члены РКП на территории Украины должны на деле внедрить право трудящихся масс обучаться и разговаривать во всех советских учреждениях на родном языке”. Украинцев стремились убедить в том, что советская власть не оккупационная, а их собственная власть»². Как хорошо заметно из вышеуказанных фрагментов, читателю навязывается определенная точка зрения, извращающая содержание реальных исторических процессов, имевших место на территории Украины. Попытки искажения исторической и культурной памяти как проявления «культуры отмены» приводит в своих исследованиях И. М. Гашкова, отмечая, что в современных немецких учебниках истории нет нравственного осуждения и оценки блокады Ленинграда как геноцида советского народа³.

Ещё один пример такого манипулирования – это замалчивание деталей атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Несмотря на то, что в мировых учебниках истории, в том числе и американских, чётко и однозначно указываются и причины этой бомбардировки, и США, её

¹ Власов В. С., Кульчицкий С. В. Історія України (рівень стандарту) : підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти. Київ, 2018. С. 94.

² Там же. С. 132.

³ Гашкова Е. М. «Культура отмены» как механизм искажения исторической и культурной памяти // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 205.

совершившие¹, в самой Японии «освещается однобоко – её замалчивают»². Как отметил Президент В. В. Путин, – это также является проявлением «культуры отмены», как и попытки отменить саму Россию, подвергая дискриминации и искажая всё, связанное с нашей культурой и идентичностью.

В приведённых примерах как раз и отражается свойство исторической памяти создавать или изменять «идеологические интерпретации истории»³, которые, как подчеркивает П. Хаттон, «придают убедительность политическим решениям в настоящем и используются для обоснования проектов будущего»⁴.

Таким образом, в приведённых выше философских осмыслениях субъективизации исторических нарративов четко прослеживается природа цивилизационного вектора «культуры отмены» в её политизированном проявлении.

Исторические искажения и отмены событий также можно интерпретировать в рамках *психоаналитического подхода*, когда реализация технологий культуры отмены понимается как социальное отражение сублимации: идея физического устранения неугодной культуры определенной социальной или этнической группы заменяется символическим устранением ее из пространства ценностей и смыслов. Ритуальное сожжение книг с неугодным культурным содержанием в нацистской Германии середины XX века и в современной Украине убедительно манифестирует данный процесс. При этом подобная практика «культуры отмены», физически прерывая процесс межпоколенной трансляции и актуализации культурного наследия, пытается разрушить механизм её функционирования и фактически «убить» данную культуру как таковую.

¹ См., например: Ярыгин А. А., Тайгильдин А. В. Вторая мировая война на страницах американской учебной литературы // Регионы России в военной истории страны: сб. мат. Всероссийской научно-практической конференции. Том Выпуск II. Йошкар-Ола, 2020. С. 241.

² Путин раскритиковал японские учебники // Интернет-портал «Российской газеты» [Сайт]. 25 марта 2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/25/putin-raskritikoval-iaponskie-uchebniki.html> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004. С. 414.

⁴ Там же.

Следующей предпосылкой к формированию мировоззренческой идеи культуры отмены является, на наш взгляд, феноменологический принцип «эпохе» (*epoche*) – воздержание от суждений о предмете вне человеческого сознания и «заключение в скобки»¹ имеющихся знаний о мире, универсальный *запрет на субъективность*. Этот принцип также может быть рассмотрен в качестве методологической установки обоснования современной тенденции на исключение мнений, которые могут потенциально воздействовать на имеющуюся картину мира. С этой феноменологической установкой связан ряд современных философских и социально-политических концепций, исследующих феномен социальной справедливости и общественного мнения. В качестве философско-методологических основ объяснения культуры отмены как технологии установления социальной справедливости теории общественного мнения интересны не сами по себе, а с позиций его инструментальных функций в обществе и возможностей как выражения, так и ограничения. Например, у Ю. Хабермаса концепт общественного мнения связан с публичностью в социуме², т.е. к нему относятся не все, а только те, кто имеет возможность открыто выражать свою точку зрения, и зачастую это образованные люди определенного социального класса. Немецкий философ говорит об общественном мнении как о публичном, т.к. существует оно, во-первых, в публичной сфере, а во-вторых – выражается публичными людьми, так называемой социально и «политически активной общественностью»³ (термин Ю. Хабермаса). Причем, публичное (общественное) мнение не является точкой зрения большинства, так как «сфера публичности изменяется под напором частных интересов»⁴, а

¹ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А. В. Михайлова; Вступ. ст. В. А. Куренного. М., 2009. С. 154.

² Чуров С. В. Трансформация общественного мнения в эпоху глобальной нестабильности // Коммунология. 2017. Том 5. № 4. С. 26–27. DOI: 10.21453/2311-3065-2017-5-4-25-32.

³ Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 106.

⁴ Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 г. / пер. с нем. В. В. Иванова. М., 2016. С. 262.

СМИ, вместо того чтобы выражать общественную точку зрения, наоборот её формируют под давлением «узких элитарных групп»¹.

Э. Ноэль-Нойман, анализируя различные дефиниции общественного мнения, отмечает размытость смыслового поля данного понятия, тем не менее, оно имеет ряд факторов, сводящихся к праву оценки с позиций нравственного / безнравственного различных сторон общественной жизни. Например, у Дж. Локка оно приравнивается к закону, называемому им «закон общественного доброго имени, <...> или суждения частных лиц»², т.е. право выражения собственного мнения и одобрения либо неодобрения чужого поведения. Однако, критерии одобрения или порицания не институционализированы, а обуславливаются взглядами «на площади»³. У Д. Юма наоборот, общественное мнение связывается с формированием и поддержкой социальных характеристик: статус, репутация, имя в обществе, а также он ограничивает его влияние политической сферой. Именно юмовский тезис «“Лишь на мнение опирается правительство” – стал доктриной для основателей Соединенных Штатов Америки»⁴, а сегодня выступает как фундамент демократии. Говоря о «спирали молчания», Э. Ноэль-Нойман подчеркивает её прямую связь с общественным мнением. По сути, оно способно оказывать влияние двоякого рода на социальные отношения: при согласии с мнением большинства (или одобряемого меньшинства) человек получает весь спектр благ, то при конфронтации с ним – наоборот несёт репутационные потери и рискует оказаться в изоляции, подвергнувшись остракизму. Эти особенности общественного мнения американский профессор называет «эффектом попутчиков»⁵, отмечая, что в отношении его разделения угрозы и риски имеют большее влияние, чем система социальных поощрений, и именно страх быть исключенным лежит в основе «спирали молчания». По сути, в своем поведении мы опираемся на «общепринятое»

¹ Чугров С. В. Трансформация общественного мнения в эпоху глобальной нестабильности // Коммуникология. 2017. Том 5. № 4. С.29.

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 112.

³ Там же. С. 130.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Там же.

мнение, т.е. следуем за большинством, отслеживая социально-культурные тенденции и аксиологические установки. Это требование конформизма и императивность в отношении обязательных высказываний и моделей поведения, исходя из концепции Э. Нозль-Нойман, обеспечивает безопасность установленного порядка и лежащих в его основе ценностей. Ещё П. А. Сорокин отмечал, что общественное мнение является действенным механизмом социального контроля¹. Тем не менее, спираль молчания развивается при смене ценностных, социально-культурных парадигм, когда ограничения подстегивают определенные группы населения к публичному выражению собственных взглядов. И в этом случае «спираль молчания приводится в движение страхом перед наказанием – оказаться в изоляции, быть отверженным. Спираль молчания завершается либо закрытием темы, когда никто больше не говорит о ней, когда все решено, либо на тему налагается табу, например в случае неразрешенного конфликта ценностей. Это означает, что тему нельзя больше обсуждать прилюдно, ее похоронили, предали молчанию»². Как отмечают Л. Р. Рустамова и А. К. Адрианов, в процессе развития «спираль молчания “закручивается”, узнать, что на самом деле думают люди, становится все труднее»³. Ценности большинства постепенно вытесняются, замещаются другими, «удобными» и поддерживаемыми меньшинством. По сути, общественное мнение идёт вразрез с социальной справедливостью, если под последней понимать свободу выражения собственного мнения, однако это понятие также сегодня понимается в контексте политизированности. В этом ключе интересна концепция немецкого философа Н. Больца, отмечавшего, что справедливость выступает как сам себя оправдывающий идеал. Анализируя рост влияния общественного мнения, философ акцентирует внимание на значениях понятий равенство и справедливость, отмечая, что там, «где отсутствуют

¹ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ. М., 1992.

² Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 382.

³ Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 41.

различия, появляется насилие»¹. И в этих условиях люди, которые не в состоянии выстроить собственную идентичность на собственных устойчивых ценностных основаниях, строят её на актах насилия, исключая и разрушая других (имеющих иное мнение), как своих соперников. Именно такой скрытый смысл, по словам Н. Больца, несёт в себе конструкт социальной справедливости. Культура – это всегда система различий, а естественное неравенство, заключающееся в различиях демографических, национальных и социальных, позволяет, в том числе, выстраивать собственную идентичность. Однако отметим, что в основе течений «новой этики» как раз и лежит идея социальной справедливости как стирания этих естественных различий путём исключения, символического «уничтожения» объявленных соперников (т.к. они другие): «насилие порождает современный принцип равенства»². Причём, социальная справедливость, как отмечает Н. Больц, «в нашем обществе касается прежде всего слабых и проигравших. Социальная справедливость требует равенства через неравенство»³.

Таким образом, философско-методологические основания современных процессов культуры отмены крайне разнообразны, начиная от осмысления древних форм остракизма в Античности, через призму разделения гражданских и государственных сфер публичной жизни до интерпретации современных социальных тенденций. Особое место здесь занимают особенности складывания исторического нарратива, имеющего прямое отношение к современным цивилизационным проявлениям отмены русской культуры. В этой связи дальнейшая концептуализация рассматриваемого в диссертационном исследовании понятия «культуры отмены» предполагает проведение историографического анализа включенности данного явления в культурно-цивилизационные взаимодействия, а также выявление функциональных и аксиологических

¹ Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько. М., 2014. С. 40.

² Там же.

³ Там же. С. 130.

оснований современной интерпретации данного феномена. Связанная с феноменами морали, идентичности, исторической памяти (в том числе и коллективной), историко-культурных нарративов, общественного мнения и социальной справедливости, «культура отмены» представляет собой универсальный механизм цензурирования и трансформации культурно-цивилизационных моделей.

1.3 Эволюция «культуры отмены» как социокультурной практики: от генезиса к социальным течениям XX–XXI веков*

Определив место «культуры отмены» в системе динамики культуры, а также выявив её теоретические и философско-методологические основания, рассмотрим особенности зарождения и развития данного явления. Это позволит в дальнейшем определить её основные векторы и выделить значимые черты.

Сущность «культуры отмены» сегодня вызывает интерес не только в средствах массовой информации, но и с недавних пор становится объектом научного анализа как в отечественном, так и зарубежном исследовательском пространстве. Широкое обсуждение данного явления началось в 2017 году после публикации итогов журналистского расследования в американской газете *The New York Times*, положившей начало такому движению «#MeToo как реакции на проблему домогательств в киноиндустрии»¹. Как отмечает профессор М. В. Баранова, словарь австралийского английского языка *Macquarie Dictionary*, описывающий, в том числе, новые слова, в 2019 году

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 71, 78 в списке использованных источников и литературы.

¹ Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 19.

признал «словосочетание Cancel Culture ... "словом года"»¹. По данным Оксфордского словаря популярных слов за 2020 год, понятие cancel culture вошло в тройку самых употребляемых в июле этого года слов². На волне социальных противоречий, усилившихся в американском и западноевропейском обществах, произошел значительный скачок интереса к технологиям бойкота, отмены и неприятия тех членов общества, чьи действия можно охарактеризовать как недопустимые. «Культура отмены» определялась как «практика публичного отказа или лишения поддержки людей и явлений, которые пропагандируют социально неприемлемые взгляды (перевод мой. – О. К.)»³. В 2021 году Кембриджский словарь определил «культуру отмены» как «способ поведения в обществе или группе, особенно в социальных сетях, при котором принято полностью отвергать и прекращать поддерживать кого-либо, потому что он сказал или сделал что-то, что вас оскорбляет (перевод мой. – О. К.)»⁴. Современное информационное пространство формируется, преимущественно, под влиянием социальных сетей, которые на начало XXI века выступают не только средством коммуникации, но представляют собой площадку формирования общественного мнения и продвижения основных социальных и культурных тенденций⁵. Отметим, что аксиологический вектор данного пространства субъективен и напрямую зависит от взглядов и ценностей, разделяемых владельцами СМИ и Интернет-площадок, «которые, имея доступ к большой аудитории, выступают зачастую манипуляторами и <...> способны разворачивать общественное мнение в нужном направлении и добиваться нужных прогнозируемых реакций в обществе на определенные

¹ Баранова М. В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 123.

² Oxford Languages. Words of an Unprecedented Year. Oxford, 2020. P. 2. URL: <https://languages.oup.com/wp-content/uploads/oxford-languages-words-of-an-unprecedented-year-2020.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

³ Там же. P. 35.

⁴ Cancel culture // Cambridge Dictionary [Сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (дата обращения: 06.04.2024).

⁵ См., например: Дашиинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 21.

явления»¹. В этом ключе «культура отмены» является инструментом, «посредством которого глобальный мир способен не только инкорпорировать свои ценности, но и защищать их»². Важным в технологиях «культуры отмены» является её способность изменять «природу нормальности»³, когда в качестве нормы предлагается её трансформированный и даже искажённый вариант⁴.

Вышеприведённые особенности позволяют интерпретировать «культуру отмены» значительно шире её общераспространённого понимания в качестве сугубо современной внеинституциональной технологии установления социальной справедливости, рассматривая её в качестве новой формы культурной динамики, имеющей преимущественно деструктивный характер в современных культурно-цивилизационных взаимодействиях.

Само понятие «культуры отмены» включает в себя такое слово, как «cancel» (отмена), имеющее сленговое происхождение и вошедшее в употребление в афроамериканских сообществах в 90-х годах прошлого века⁵. Его распространение на западе связано с компанией #MeToo, начавшейся в 2010-х годах. Однако практики исключения, отмены как наказания за общественные проступки и преступления были присущи человечеству ещё тысячелетия назад. Обращаясь к истории человечества, отметим, что социальная иерархия в разных культурных центрах создавала предпосылки для возникновения подобной мировоззренческой установки не только на Западе, но и на Востоке⁶. Так, одним из наиболее древних примеров реализации практики «культуры отмены» является традиционное отношение к «неприкасаемым» в Индии, которые, частично находясь в системе

¹ Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 24.

² Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 21.

³ Астафьева, О.Н. Культурная политика России: проектный вектор креативного сектора // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 19. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.12.1>.

⁴ Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 9.

⁵ Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // СоциоДиггер. 2022. Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. С. 40.

⁶ Костенко О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 249.

социальных связей, длительное время пребывали вне варнового разделения. Разумеется, оговорим, что приведенный пример связан с религиозными основаниями данного типа общества.

Значительное разнообразие обычаев, связанных с изгнанием из племени его членов, было приведено в трудах социальных (культурных) антропологов. Так, например, А. Р. Рэдклифф-Браун, изучая становление правовых институтов у примитивных обществ, акцентировал внимание на усиливающемся разграничении наказаний за преступления против личности и преступления против общества, причем, чем развитей политическая система, тем существенней карательные санкции именно за преступления против общества. Например: «У юрок, охотников и собирателей, живущих в маленьких деревушках Северной Калифорнии и не имеющих политической организации, не существует процедуры наказания за преступления против общества, а поэтому нет и законов о преступлениях против общества. <...> У ифугао, выращивающих рис террасным способом на горных склонах северной части Лусона (Филиппины) и не имеющих ни политической организации, ни системы кланов, "общество не наказывает за причинение ущерба ему самому, если не считать наказанием общественное порицание"»¹. Требование наказания – это процедура, способствующая выходу морального возмущения и восстановлению общественной эйфории, её основная функция – «на должном уровне поддерживать упомянутые моральные чувства у индивидов, составляющих сообщество»². Важным этапом становления правовой системы и обособления преступлений против общества становится появление судей. Например, описывая судебные процедуры «народов банту, расселенных к югу и юго-востоку от горы Кения в Восточной Африке»³, А. Р. Рэдклифф-Браун отмечает, что все споры и нарушения прав выносились на суд старших мужчин, которые исполняли не только функции жрецов, но и

¹ Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001. С. 248–249.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 250.

были судьями (представляя собой прообраз современной судебной системы). Осуществлением наказания по «обычным», то есть не вредящим всему сообществу проступкам и преступлениям, занимались сами истцы, без привлечения старших. Что интересно, если совершалось преступление против личности (например, «убийство, нанесение телесных повреждений, воровство, прелюбодеяние и невозвращение долгов»¹), то дело могло быть урегулировано договоренностью с родственниками жертвы и выплатой им компенсации. Самые же строгие санкции, требовавшие привлечения к исполнению наказания старших, применялись при преступлениях против общества и назывались «кинголл (kingolle) или мвинге (mwinge). Если человек признается виновным в колдовстве или считается отъявленным преступником, а значит, представляет опасность для общества, старшие могут приговорить его к смертной казни или разрушить его жилище и изгнать его из мест, в которых он живет (выделено мной – О. К.)»². Как мы видим, уже в дописьменных обществах, при становлении института права четко различались преступления против личности (отдельной) и преступления против общества, и наказания за последние всегда были тем жестче, чем устойчивее была политическая система. Причем к преступлениям против общества относилось всё, что может подорвать его стабильность, нарушить как физическую, так и нравственную безопасность его членов: «К таким преступлениям относятся убийство, самоубийство, отдельные сексуальные преступления, <...>, произнесение проклятий вождю, измена, трусость, колдовство, нарушение общепризнанных племенных табу и неповиновение таким приказам центральной власти, <...> все подобные действия считаются преступлениями против священных и сверхъестественных сил, от которых зависит благополучие общества в целом»³.

¹ Рэдклифф-Браун А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001. С. 246.

² Там же. С. 251.

³ Там же.

Е. В. Хлыщева и А. Д. Киселева отмечают распространение таких практик исключения в древнееврейских общинах. Получившие название «херем», они представляли собой «отлучение от общины за проступок, который не является наказуемым согласно законов, однако несовместимый с духом иудаизма»¹. Этот вид наказания предполагал предание проклятию (даже посмертному) человека, совершившего проступок, а также исключал любой вид взаимодействия с ним. Усложнение процедуры исключения человека из социальной системы, перевод физического удаления в символическую плоскость мы находим уже в эпоху Античности, где происходит трансформация изгнания как наказания за преступления против общества. Как отмечает В. А. Виноградов, именно в Древней Греции получает свое распространение остракизм как внесудебная процедура исключения человека из социальной жизни. Проходящий «под влиянием сформировавшегося общественного мнения. <...> остракизм носил характер не наказания, а превентивной меры, направленной на сохранение демократии и защиту от тирании. То есть изгоняемый человек ничего еще не совершил, он просто представлял потенциальную угрозу демократии. Его "исключали" из общества не за совершенный проступок, а за возможность его совершения в будущем. <...> Процедура была регламентирована в специальном законе, т.е. это было не стихийное общественное порицание за нарушение каких-то этических правил»². По сути, афинский остракизм представлял собой политическую технологию борьбы за власть, закрепленную на законодательном уровне и регламентированную сводом правил, что исключало его субъективный характер и не включало вопросы этики и морали. Также ярким примером отмены в Античности можно считать (названный нашими современниками) ритуал «*Damnatio memoriae*» (от

¹ Хлыщева Е. В., Киселева А. Д. Социальные практики изгнания как истоки современной культуры отмены // Научно-практический электронный журнал «Оригинальные исследования» (ОРИС). 2024. № 05. С. 107.

² Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 20.

лат. «проклятие памяти»)¹ именующий юридическую форму наказания в Древнем Риме. Оно практиковалось посмертно применительно к людям, осужденным за преступления против государственной власти, а в некоторых случаях – к членам их семей и даже к императорам, запятнавшим свою репутацию (например, таким как Калигула). В качестве исполнения наказания искоренялись любые артефакты, указывающие на существование данного человека или группы лиц. К примеру «имя императора удалялось из документов и публичных надписей (этот процесс известен как *abolitio nominis*), его лицо соскабливали с фресок, посвящённые ему статуи разбивались. Порой даже переплавлялись монеты с его изображением. Осужденному императору не только отказывали в восхождении на небеса, но и *вычеркивали из истории* (выделено мной. – О. К.)»². Отметим, что в масштабе мировой истории аналогичные практики имели место и в других культурных центрах разных эпох, начиная с Древнего Египта и вплоть до современности³. Подобные практики появляются и в религиозных обычаях, где физическое изгнание заменялось отлучением от церкви и общины за «ересь и вероотступничество, при этом наказание могло включать в себя одновременное лишение гражданских прав: запрет занимать высокие должности или наниматься на любую работу, заключать от своего имени договоры, вступать в брак, а его последствия могли распространяться на детей отлученного»⁴. Часто такие практики отмены преследовали личные интересы власть имущих и строились на несправедливых и даже абсурдных обвинениях. Примером такого «неправедного суда», означаемого «английской идиомой “кенгуру-судом”»⁵ является известный процесс над мертвым Папой Римским Формозом, названный «Страшным Синодом».

¹ Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. №5. С. 92.

² Терни С. Калигула / пер. Е. А. Копосовой. Издательство «Азбука», 2020 // Библиотека онлайн [Сайт]. URL: <https://biblioteka-online.info/book/kaligula/reader/> (дата обращения: 30.03.2023).

³ Костенко О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 248–252.

⁴ Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // СоциоДиггер. 2022. Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. С. 40.

⁵ Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 18.

Целью данного суда было аннулирование рукоположения и отмена принятых Папой решений, что являлось попыткой легитимизации пересмотра уже случившихся исторических событий и передела сфер влияния католической Европы того времени. Сегодня мы видим попытки таких незаконных судилищ в отношении пересмотра политики СССР в целом, а также Победы в Великой Отечественной Войне, что требует отдельного рассмотрения в последующих параграфах.

В качестве инструмента социального исключения можно рассматривать и церковную анафему, особенно при введении её в правовое поле. Так, по Духовному регламенту (1721 года) её применение приравнивалось к смертной казни¹. Она точно так же, как и «проклятие памяти», могла применяться к умершим людям, что значительно расширяло поле её воздействия, а также символическую значимость: «Анафема наряду с другими формами церковного наказания (например, монастырской ссылкой) стала широко применяться как *средство внесудебной расправы*, представляя собой суррогатную форму наказания *в обход норм канонического права*»² (выделено мной. – О. К.). Впервые анафема как карательный политический инструмент применяется к митрополиту Клименту и умершему великому князю Изяславу³, а все совершенные ими действия в отношении Церкви объявляются недействительными⁴. Таким образом, анафема с политико-правовой точки зрения (в отличие от церковной трактовки как проклятия) имела не метафизические, а вполне социальные последствия: «Ее называют великим отлучением потому, что преступник лишается всех прав христианина (посещения церкви, причащения, церковного благословения,

¹ Павлушков А. Р. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике российского государства // Пенитенциарная наука. 2014. № 2 (26). С. 83.

² Павлушков А. Р. Практика великого отлучения в истории государственно-церковных отношений России // Клио. 2014. № 3. С. 56–61. URL: <https://naukarus.com/praktika-velikogo-otlucheniya-v-istorii-gosudarstvenno-tserkovnyh-otnosheniy-rossii> (дата обращения: 21.11.2023).

³ Павлушков А. Р. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике российского государства // Пенитенциарная наука. 2014. № 2 (26). С. 84.

⁴ Архимандрит Макарий (Веретенников). Киевский Митрополит Константин I // Правмир [Сайт]. 2 янв. 2012. URL: <https://www.pravmir.ru/kyevskiy-mitropolit-konstantin-i/> (дата обращения: 12.03.2024).

оформления некоторых правовых (например, семейных) отношений и др.)»¹, причем, как мы видим, она имеет и ретроспективное влияние – возможность подвергать сомнению и удалению ранее общепринятые положения.

Своеобразным предтечей современной «культуры отмены» была такая процедура, как гражданская казнь – существовавший в России XVIII–XIX веков вид наказания для дворянского сословия, предусматривавший «лишение всех прав состояния <...> почетных титулов, чинов, орденов и прочих знаков отличия»². Процедура гражданской казни представляла собой преломление над головой осуждённого шпаги, что символизировало потерю всех социальных и гражданских прав. Регулировалась она второй главой уголовного кодекса того времени «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года»³. Такой гражданской казни подверглись декабристы (1826 год), писатель М. Л. Михайлов (1861 год), Ф. М. Достоевский (1849 год). Интересна процедура гражданской казни над Мазепой в ноябре 1708 года, описанная как театрализованное действо в исследованиях Н. И. Костомарова. После предания анафеме бывшего гетмана и его приверженцев на эшафот вынесли «куклу, изображавшую Мазепу в андреевской ленте. Затем взойшли на возвышение Меншиков и Головкин и разодрали патент на звание кавалера. <...> Вслед за тем сорвали с куклы андреевскую ленту, палач зацепил куклу веревкою и повесил на виселице»⁴. Таким образом, гражданская казнь имеет много общего с «культурой отмены», однако, как отмечает В. А. Виноградов, «их принципиальное различие состоит в том, что вынесению приговора о лишении всех прав

¹ Павлушков А. Р. Практика великого отлучения в истории государственно-церковных отношений России // Клио. 2014. № 3. С. 56–61. URL: <https://naukarus.com/praktika-velikogo-otlucheniya-v-istorii-gosudarstvenno-tserkovnyh-otnosheniy-rossii> (дата обращения: 21.11.2023).

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина [Сайт]. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654#%20ref-2> (дата обращения: 21.09.2024).

³ Там же.

⁴ Костомаров Н. И. Мазепа. Историческая монография. М., 1883. С. 348.

состояния и приведению его в исполнение предшествовало судебное разбирательство»¹.

Чистки государственных учреждений в 1930-е годы прошлого века тоже можно рассматривать как социально-политический инструмент, имеющий общие основания с «культурой отмены». «Что касается современной России, – отмечает А. Ф. Фефелов, – то она, будучи постсоветской, т.е. унаследовавшей опыт как досоветской, так и советской, нечто подобное – период аналогичного слома культурных кодов – уже проходила»².

Так одной из наиболее известных является «генеральная чистка» 1929–1932 годов, связанная с усложнением внутри и внешнеполитической ситуации СССР, для объяснения сложности которой был сформирован «образ врага». Под девизом борьбы с врагами, препятствующими ускорению социалистического строительства, в стране развернулась масштабная проверка лиц, ответственных за реализацию плана первой «пятилетки». При этом экономическое обоснование реальных возможностей развития являлось основанием для подозрения в неблагонадежности и даже в преступном умысле. Примечательно, что на практике данный процесс изначально преимущественно сводился к удалению из госаппарата так называемых «бывших»: выходцев из дворянского и купеческого сословий. В ходе реализации набрал такой размах, что вскоре партийными структурами были разработаны специальные инструкции, прямо запрещающие увольнения на основании классового происхождения. Как отмечает в данной связи Е. Л. Киселёва «Говоря о ходе чистки государственного и партийного аппарата, следует обратить внимание на тот факт, что если на первом этапе были заметны преобладающие тенденции к максимальной пролетаризации аппарата, то после выступления Сталина в июне 1931 года, в котором

¹ Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 20.

² Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 129.

осуждалась травля старых специалистов, проблема "бывших" утратила свою злободневность при проведении кампании»¹. Также современные российские исследователи А. В. Никитин, О. М. Орлинская, П. В. Седаев и др. к проявлениям «культуры отмены» в отечественной истории относят снос памятников, как во время становления советской власти, так и в эпоху «развенчания культа личности» И. В. Сталина и даже в более поздний период: «Несколько значимых памятников советского периода, например Ф. Э. Дзержинскому на Лубянской площади в Москве, были демонтированы в период распада СССР»². Т. А. Пархоменко называет эти процессы «войной памяти и памятников»³, когда в переходные исторические периоды «одни события замещаются другими»⁴, а их символическое выражение – памятники, сносятся и заменяются новыми.

Также заслуживают внимания приведённые примеры государственной «отмены», но уже в сфере искусства: запрет в 1971 году первой советской экранизации А. К. Дойла – телеспектакля «Собака Баскервилей», связанный с эмиграцией в Израиль актера, исполнявшего роль доктора Ватсона. Также был «отменён» С. Крамаров, который после отъезда из СССР в США был удален из титров фильма «Большая перемена»: «То есть, и актеры, и даже целый фильм были «отменены», хотя никаких преступлений ни С. Крамаров, ни Л. Круглый (именно он сыграл доктора Ватсона) не совершали – они лишь поступили «неправильно» с точки зрения господствовавшей в обществе морали»⁵.

Несмотря на то, что в истории человечества мы находим весьма разнообразные сложившиеся формы исключения граждан из социальной структуры, тем не менее, от современных форм «культуры отмены» их отличает институционализированность, которая, как уже отмечалось выше,

¹ Киселева Е. Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом // Вестник РУДН. Серия История России. 2009. №4. С. 70.

² Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России // Власть. 2022. № 3. С. 66–67.

³ Пархоменко Т. А. Российская цивилизация : между Западом и Востоком. М., 2021. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России // Власть. 2022. № 3. С. 67.

сводится к минимуму, а то и исключается на современном этапе. Интересный факт отмечают Г. Кузнецов и М. Ступко: в тех странах (Франция, Германия), где в предыдущие века общественный контроль лежал в основном на социальных институтах (церкви, государства и т.п.), «культура отмены» имеет не такое всеобъемлющее влияние, как в США и Великобритании, где обычные члены общества играли большую роль в установлении социальной справедливости: «В пуританских общинах США и Англии, залогом выживания которых считалось «очищение» от грешников, «верные» самостоятельно определяли, кто является ведьмой или колдуном, а суды, определявшие меру наказания вплоть до смертной казни, состояли из выходцев из местных жителей»¹. Эволюция «культуры отмены» происходит в прямой связи с развитием средств массовой коммуникации, облегчающих и ускоряющий передачу информации: «Когда в 1966 г. Джон Леннон заявил, что The Beatles «более популярны, чем Иисус», это привело к массовым акциям протеста среди христиан, публичному сожжению пластинок группы и отказу многих радиостанций от использования их песен в эфире»². Отмена кого-либо приобрела массовость и тотальность, что было несвойственно предыдущим типам общества.

Вопрос о происхождении современного феномена «культуры отмены» на сегодняшний день является открытым и включает несколько теорий³.

Одним из источников появления канселлинга ряд исследователей называет протестные движения в американской университетской среде, которые начались в кампусах колледжей примерно в 2013 и 2014 годах, и участились в период с 2015 по 2017 год⁴. Как отмечают Г. Ю. Дашинимасев и А. Ф. Фефелов, рождение «культуры отмены» связано с самой атмосферой

¹ Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // СоциоДиггер. 2022. Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. С. 41.

² Там же.

³ См.: Костенко О. В. Эволюция «культуры отмены» как социокультурной практики: от генезиса к социально-политическим течениям XX–XXI вв. // Культурная жизнь юга России. № 4. 2024. С. 40–50.

⁴ Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. New York City: Penguin Press. 2018. 332 p. URL: <https://eddirockerz.files.wordpress.com/2020/11/the-coddling-of-the-american-mind-how-good-intentions-and-bad-ideas-are-setting-up-a-generation-for-failure-pdfdrive-.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

американских кампусов, как мест, олицетворяющих свободу слова, являющихся её оплотами.

Рассматривая студенческие внутрикампусовские движения, исследователи связывают эти протесты с распространением новой «культуры безопасности», которая в начале XXI века стала абсолютной ценностью современного американского социума и «заключается в ограждении и отказе идти на компромиссы с действиями и мнениями, которые идут вразрез с определенным мировоззрением, что само по себе провоцирует перманентный острый социальный конфликт»¹. Усугубляется этот конфликт самой структурой коммуникативного пространства, не последнее место в котором занимают социальные сети, и которое теперь, наряду с государством, заявляется как субъект защиты транслируемых в обществе ценностей. Как отмечают американские психологи Дж. Хайдс и Г. Лукианофф, в основе поведения американской студенческой молодежи сегодня превалируют ценности, которые строятся на искаженном понимании механизмов функционирования социальной реальности, а также на высоком уровне комфорта, который значительно снижает планку того, что современная молодежь считает небезопасным. По словам американских исследователей, гиперопека, которой подвержено молодое поколение, а также улучшение качества жизни привели к тому, что сегодня снижена планка того, что мы считаем невыносимым уровнем дискомфорта и риском². Это поколение предпочитает убегать от проблем путем их устранения, а не решения; с опаской относится к другим людям, не разделяющим их взгляды. Их взгляды представляют собой упрощенную мораль и могут быть описаны такими фразами, как: «мы против них», «что вас не убивает, делает вас слабее», «жизнь – это борьба добрых людей с хорошими»³. Как подчеркивает Г. Ю. Дашинимаев: «Эти три суждения коренятся в неправильном

¹ Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 21.

² Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. New York City: Penguin Press. 2018. 332 p.

³ Там же.

восприятию мира: это три неправды, которые внушаются молодежи: неправда о хрупкости, неправда об эмоциях и наша неправда против них. Эти три фундаментальных положения провоцируют людей на то, что они не всегда готовы вступить во “взрослый мир”, где наши представления редко стыкуются с реальностью»¹.

Популярность этой «культуры безопасности» вызвана, как отмечают Дж. Хайдс и Г. Лукианофф, такими тенденциями американского общества, как политическая поляризация и межпартийная враждебность, затронувшая и научную интеллигенцию²; политика нетерпимости, которая привела к росту преследований и преступлений на этой почве, в том числе, и в университетской среде; повышение уровня подростковой депрессии; крайности воспитания, такие как чрезмерная опека родителей либо наоборот чрезмерная свобода; усиление бюрократии в образовательной среде; стремление к справедливости и вариативность представлений о том, что её требует. Становлению такой культуры также поспособствовало расширение семантики понятия безопасности за счёт включения в нее эмоционального комфорта, который обеспечивается, в том числе отсутствием альтернативных точек зрения по важным (именно для этого социального слоя) проблемам: «Культура, которая позволяет концепции “безопасности” расширяться так сильно, что происходит приравнивание эмоционального дискомфорта к физической опасности, – это культура, которая поощряет людей систематически защищать друг друга от того самого опыта, который встроен в повседневную жизнь и который им нужен, чтобы стать сильными и здоровыми»³ (перевод мой. – О. К.). Эмоциональная безопасность, ставшая самоцелью, привела к тому, что люди перестали идти на компромисс, даже если его требует решение конкретных, в том числе и моральных проблем. «Культура отмены», построенная на принципах новой эмоциональной

¹ Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 21.

² См.: Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. 28 p.

³ Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. New York City: Penguin Press. 2018. 332 p.

безопасности – это уже не просто блокировка в своей новостной ленте информации, не соответствующей разделяемым ценностям, а категорическое несогласие с просто существованием альтернативной точки зрения, нежелание конструктивного диалога и компромисса. Это неизбежно приводит к чрезмерному упрощению восприятия мира, разделению его на черное и белое, то есть к чрезмерной поляризации: «упрощение сложных общественно-политических процессов неизбежно ведет к генерации постоянных конфликтов и топтанию на месте в пути их разрешения. И в этом смысле бинарная оппозиция (правильное общество – общество неправильное) и её экзальтация в форме cancel culture ведут к неизбежной конфронтации членов гражданского общества»¹. Таким образом, «культура отмены» как в этом ключе является следствием упрощения и поляризации общественных ценностей, разделения взглядов и действий на хорошие и плохие – так называемый «черно-белый мир».

Одним из проявлений «культуры отмены» как культуры безопасности стали Интернет-акции студентов, направленные на «порицание» действий своих преподавателей (профессоров)². А. Ф. Фефелов, говоря о происхождении «культуры отмены», определяет её как активность американских студентов, связанную с борьбой за равенство и справедливость³. Эта деятельность достаточно шаблонна и он приводит оригинальный текст такой петиции против преподавателя университета, заменив имена собственные символами ввиду типичности такой петиции:

«Студенты <...> возмущены расистскими, антипалестинскими, ксенофобскими, сексистскими и исламофобскими высказываниями Х. Х. использовал в своих твитах такие слова, как «нецивилизованный», «варварский» и «примитивный», чтобы описать <...> люди. Риторика профессора Х <...> служит вдохновением для лиц, виновных в расистском насилии, <...>. Заявления профессора Х прямо противоречат ценностям социальной справедливости, служения и сообщества.

¹ Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 22.

² Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 128.

³ Там же.

Администрация xxx <...> должна чувствовать себя обязанной удовлетворить следующие студенческие требования: Мы, студенты xxx, призываем администрацию осудить профессора X за его гнусные высказывания против <...>. Его комментарии создают небезопасное и неудобное пространство для всех, особенно <...> студентов, которые теперь все отказываются записываться в класс, который ведет профессор X. Мы не только добиваемся порицания, но и чтобы профессор X. взял на себя обязательство проводить обучение расовой чувствительности и принести публичные извинения за свое аморальное поведение. Университету xxx крайне важно осудить профессора X., чтобы подтвердить и восстановить нашу миссию. Независимо от того, предпримет ли администрация xxx комплексные действия, мы продолжим бороться за справедливость и равенство для всех маргинализированных сообществ на территории кампуса (перевод мой. – (О. К.)»¹.

Здесь автор оценивает «культуру отмены» не как устоявшуюся социокультурную норму, а как часто применяемый в социальных сетях «шаблон действий», не имеющий собственного дискурса, в отличие от уличных протестов. Тем не менее, некоторые американские исследователи выразили обеспокоенность распространением данной технологии в университетской среде, отметив, что появившаяся как инструмент борьбы за свободу слова, она самым своим проявлением эту свободу уничтожает. Так, американский политолог, профессор Гарвардского университета П. Норрис, анализируя «культуру отмены» в университетской среде, подчеркивает, что, возникнув как инструмент борьбы с консервативными и не толерантными взглядами, она достаточно быстро превратилась в угрозу классическим либеральным ценностям, лежащим в основе академической жизни². В основе «культуры отмены», по словам П. Норрис, лежит некая двойственность: те, кто стремятся ограничить публичное порицание, несомненно, нарушают свободу слова, как и те, кто отвергают общепринятые представления, стремясь разрушить устойчивые социальные ценности и догмы.

¹ Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 128.

² Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. P. 3.

В 2019 году в Великобритании были опубликованы рекомендации по защите свободы слова для университетов. Это явилось следствием ухудшения отношения к дебатам и плюрализму мнений среди студентов. В университетах стран постиндустриального общества (в основном США и Великобритании) усилилось давление как на преподавателей, так и на студентов, имеющих консервативные взгляды. П. Норрис в результатах прикладного исследования приводит цифры, указывающие на снижение толерантности к интеллектуальному разнообразию и распространение более закрытого мышления в университетских кампусах. По сути, «культура отмены» отражает углубившиеся идеологические и ценностные противоречия, разделяющие «прогрессивных либералов и социальных консерваторов»¹ и представляет собой, подавляя свободу слова, механизм насаждения разделяемых большинством взглядов. С этой позиции «культуру отмены» как практику замалчивания достижений в публичном пространстве связывают с концепцией «спирали молчания» доктора философии и экономики Э. Ноэль-Нойман, которая отмечает, что невозможность выражения собственного мнения (если оно отлично от общественного) вызывает у индивида меньший страх, чем угроза общественной изоляции в результате его озвучивания: «Группы или лица, желающие завоевать общественное мнение, должны позаботиться о том, чтобы их позиции, их взгляды были приемлемыми для других людей и не приводили к изоляции»². В этой связи возникает проблема с пониманием природы общественного мнения, которое может формироваться и высказываться меньшинством, разделяющим предписанные на данный момент социальные и этические нормы и ценности³. Так, чем больше люди чувствуют, что их мнение отражает мнение большинства, тем охотнее они выражают его в общественном дискурсе. Мередит Д. Кларк, профессор университета

¹ Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. P. 16.

² Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 14.

³ Там же. С. 15.

Вирджинии, описывая «культуру отмены» использует метафору «полезного гнева» и называет это снятием ограничений с публичного пространства, преодолением контроля социальных элит и стратегией вызова контролирующим способностям доминирующей культуры¹. Однако проблема здесь заключается как в *боязни манифестации* противоположного мнения, попытках его уничтожения и стремления к унификации общественного мнения, так и в том, что «в случае с культурой отмены нормы морали озвучивает некто, кто сам себя назначает экспертом правильного или неправильного»².

Таким образом, в отношении студенческих (университетских молодёжных) движений канселлинга как борьбы за справедливость в отношении всех (в том числе и маргинализированных элементов), на Западе складывается его восприятие в качестве угрозы устоявшимся ценностям западных культурных кодов и потому отвергаемое, как когда-то *контркультурные молодежные движения*. Эту борьбу описывают как борьбу с символическим капиталом, а также его носителями, что вызывает у всего остального сообщества её восприятие как чего-то враждебного, чужеродного: «что они покусились на “всё что есть самого святого в западной культуре”, а деятельность представляет угрозу их символическому капиталу и им самим как авторитетным эталонным носителям доминирующей культуры»³. Это роднит восприятие такой формы «культуры отмены» с молодёжными контркультурами, воспринимавшимися и до сих пор воспринимающимися в обществе как деструктивный элемент⁴.

¹ Meredith D. Clark. Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture» // Communication and the Public. Vol. 5. Iss. 3–4: Special Forum on Digital Culture and Society, September-December 2020. P. 88–92.

² Симхович В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль) : материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума». Минск : БГУ, 2022. С. 215.

³ Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 128.

⁴ См.: Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М. Издательство «Институт социологии РАН», 2000.; Султанова М. А. Философия контркультуры Теодора Розака: (очерк филос. публицистики). М., 2009.; Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004.

Наибольшее распространение «культура отмены» получила вследствие появления движения #MeToo, связанного с публичным разоблачением и порицанием известных личностей, когда-либо уличённых в половой дискриминации и сексуальных домогательствах: «Следствием действий активистов стало то, что многие известные деятели политики и искусства лишились должностей, их произведения изымались из продажи, а сцены с участием актеров вырезали из фильмов»¹. П. Норрис называет это движение эффективным инструментом достижения социальной справедливости теми потерпевшими, которые не смогли её добиться в правовом поле². В контексте этого движения произошли существенные изменения в отношении регулирования взаимодействия работодателей и подчиненных женского пола, а также обозначена недопустимость такого явления, как сексуальный фаворитизм: «Эпоха движения #MeToo привлекла повышенное внимание страны к... жестокому обращению, неправомерному поведению, неэтичному поведению, дискриминации и притеснениям на рабочем месте, особенно со стороны известных мужчин в отношении подчиненных женщин-сотрудниц»³. М. В. Баранова отмечает, что следствием отмены в результате харрасмента #MeToo, помимо неизбежной юридической ответственности, является также репутационный и материальный урон, что иллюстрирует ситуация с Харви Ванштейном⁴. Тогда, помимо юридической ответственности были отменены и произведения, созданные продюсером. Именно в контексте данного движения «культуру отмены» стали приравнивать к буллингу, а также называть инструментом установления цензуры⁵. Тем не менее, именно движение #MeToo вывело «культуру отмены» на международный уровень и позволило влиять на внутри и межгосударственную политику. Серьезным

¹ Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // СоциоДиггер. 2022. Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. С. 42.

² Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. P. 2.

³ Mujtaba B. G., Cavico F. J. Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era // SocioEconomic Challenges. 2020. 4(4). P. 132–150.

⁴ Баранова М. В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 125.

⁵ «Люди пытаются исключить любого, с кем не согласны»: что не так с «культурой отмены»? // Post[News [Сайт]. URL: <https://postnews.ru/a/16345> (дата обращения: 17.10.2024).

правовым итогом данного движения стало принятие новой конвенции «Искоренение насилия и домогательств в сфере труда»¹ Международной организацией труда при ООН в 2019 году.

Ещё большее распространение, а также выход за пределы социальных сетей «культура отмены» получила в 2020 году, став инструментом движения против расизма (Жизни черных имеют значение, Black Lives Matter, BLM #blacklivesmatter). Идеологическим обоснованием данного движения, на которое необходимо обратить внимание при исследовании эволюции технологии «культуры отмены», выступает *вокизм*. А. Ф. Фефелов, приводя определение данного течения, отмечает его нацеленность на установление социальной справедливости: «Вокизм – это движение марксистского толка, инициаторами которого выступали люди с благими намерениями, хотевшие лишь покончить с расизмом и социальной несправедливостью.<...> Вокизм требует справедливости, а не равенства»². Само слово «woke» является жаргонным афроамериканским выражением, происходящим «от английского “wake”, то есть “проснувшийся” – в значении «осознавший себя как личность, у которой тоже есть права»³. Это понятие появилось в 60-х годах XX века во времена студенческих бунтов и протестов афроамериканцев. В Кембриджском словаре вокизм определяется как «способ обозначения действий и мнений людей, которые особо осведомлены о социальных проблемах, таких как расизм и неравенство, и которые считают, что эти действия в обществе зашли слишком далеко»⁴. Как подчеркивают Л. Р. Рустамова и Д. Г. Иванова, этот феномен «затронул широкие слои населения и основан на чувстве морального превосходства. Понятие "вокизм" означает мобилизующую силу, проявление социальной позиции,

¹ Искоренение насилия и домогательств в сфере труда. Конвенция 190, Рекомендация 206 и сопровождающая их резолюция // International Labour Organization [Сайт]. URL: <https://www.ilo.org › media › download> (дата обращения: 10.10.2024).

² Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 132–133.

³ Тихомиров В. Воукизм // С-Т-О-Л [Сайт]. 09 нояб. 2021. URL: <https://s-t-o-l.com/material/68814-voukizm/> (дата обращения: 21.09.2024).

⁴ Wokery // Cambridge Dictionary [Сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/wokery> (дата обращения: 06.04.2024).

групповой идентичности в случае, если человек чувствителен к социальной и политической несправедливости»¹.

Новый виток идеи вокизма получили в контексте движения BLM, став обозначением новой идеологии, «ставящей во главу угла достижения социальной, расовой и половой справедливости путём преследований и “позитивной дискриминации” большинства во имя прав угнетаемых меньшинств»². Как отмечает П. Норрис, активисты Black Lives Matter также использовали публичное порицание, критикуя авторов расистских учебников, смертельные случаи полицейского насилия в цветных сообществах, расовые стереотипы, используемые для продажи потребительских товаров (например, в рекламе)³. Это движение стало ещё более масштабным проявлением отмены, чем #MeToo за счёт вовлечения в механизм канселлинга исторических личностей. Одной из особенностей данного механизма, по оценке М. В. Барановой, является отсутствие временных рамок⁴ (в юридической практике – срока давности преступления). Несмотря на то, что в отечественной и в зарубежной правовой практике очерчен ряд преступлений без срока давности (геноцид, терроризм и иные тяжкие преступления), и к ним вполне можно отнести расизм и насилие в отношении чернокожих (включая рабство), тем не менее, механизмы отмены выходят здесь далеко за рамки борьбы за справедливость, становясь инструментом искажения истории и культуры. Например, пытаясь изменить сложившийся в США историко-культурный нарратив, сторонниками данного движения был инициирован «массовый снос памятников людей, вовлеченных в рабовладение и работорговлю, а также геноцид коренного населения. Всего в результате этой кампании было снесено несколько сотен

¹ Рустамова Л. Р., Иванова Д. Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 436.

² Тихомиров В. Воукизм // С-Т-О-Л [Сайт]. 09 нояб. 2021. URL: <https://s-t-o-l.com/material/68814-voukizm/> (дата обращения: 21.09.2024).

³ Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. P. 16.

⁴ Баранова М. В. Субъекты канселлинга (cancel cultur): сущностная специфика и правовой статус // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского. М., 2021. С. 72.

мемориалов, в числе которых были памятники Томасу Джефферсону, Джорджу Вашингтону и Христофору Колумбу»¹. Протестные движения против расизма обусловили «отмену» и снос всех «памятников личностям, чья биография не соответствует "новой этике"»². В рамках данного движения даже древнегреческий философ Аристотель попал под попытку отмены, обвинённый «в оправдании рабства»³, что указывает на грубейшее нарушение принципа историзма. Особенностью BLM является транслируемая уверенность в том, что расизм не может иметь никаких «исторических, психологических, экономических и прочих оправдывающих причин, и что могут об этом судить и имеют право голоса по этому вопросу только сами представители дискриминируемых рас (“цветные”)»⁴. Таким образом, установки данного движения входят в противоречие с транслируемой современным обществом свободой слова, когда исчезает «грань между защитой прав одного и нарушением прав другого»⁵.

В контексте рассмотрения эволюции «культуры отмены» нельзя не отметить, что все современные западные течения, выступающие за установление социальной справедливости и распространяемые посредством масс-медиа (либо использующие их как важный канал влияния), сегодня объединяет такой феномен, как «новая этика». Появление данного термина связывают с движением за права женщин «Новая мораль» («Neue Ethik»), возглавляемым активисткой первой волны немецкого феминизма Хелен Штекер⁶. Его сторонники выступали за освобождение (прежде всего материальное) женщин, либерализацию отношений между мужчиной и

¹ Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // СоциоДиггер. 2022. Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. С. 42.

² Ерохина Т. И. «Культура отмены» в контексте «новой этики» // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 210.

³ Чугров С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни // Полис. Политические исследования. 2022. №5. С. 92.

⁴ Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Выпуск 58. С. 94.

⁵ Юхнина О. Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 255.

⁶ Там же. С. 256.

женщиной, разделяя феминистские лозунги того времени. Целый ряд исследователей отмечает отсутствие единого определения «новой этики», отмечая, что смена ценностных ориентиров и морально-этических норм свойственна в целом развитию общества¹. В настоящее время «новая этика» представляет собой, по определению академика А. А. Гусейнова «моралистический поворот общественного сознания, направленный на очищение гуманитарного знания и общепринятых ценностных установок от наследия колониализма, расизма, сексизма и других форм империализма»², свойственный в основном западному обществу. Причем для таких течений характерен революционный подход в отношении противоречащих или просто не относящихся к ней ценностей и социально-культурных установок. «Новая этика» требует радикального пересмотра старых социальных практик («старой этики»), теперь кажушихся представителям движения несправедливыми. Как в случае, например, с BLM, его сторонникам недостаточно признания самого факта расизма и стремления к равенству, они требуют нового неравенства, возвышающего представителей их расы, как компенсации за старый порядок, уничтожения исторической и культурной памяти как акта стирания нарративов прежних ценностей. Т. И. Ерохина называет это «беспощадным требованием» исправления ошибок прошлого, «даже если человек "виновен только в том, что по факту рождения принадлежит к “угнетательским” классам»³. Идеи данного движения, заключающиеся в смене ценностных парадигм, далеко не новы, однако в современном воплощении приобретают радикальную окраску. А. А. Гусейнов говорит о «новой этике» как о процессах, которые стали серьезной социально-политической силой, не просто отстаивающей морально-этические устои современной социальной структуры, а

¹ Кротовская Н. Г., Кулагина-Ярцева В. С. «Новая этика», истоки и современность (Обзор) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 2А. С. 255–256.

² Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Выпуск 58. С. 91–92.

³ Ерохина Т. И. «Новая» и/или старая этика: метаморфозы антиутопии // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 246–248.

навязывающие свои взгляды как единственно верные¹. «“Новая этика” претендует именно на новую моральную истину»², в транслируемых взглядах нельзя сомневаться, а у оппонентов просто нет прав высказать свое мнение или видение ситуации. Здесь важно не просто принятие неких персональных взглядов, а их полное общественное признание.

Важным этапом эволюции «культуры отмены» и её окончательной трансформацией в социально-политический инструмент является распространение этой технологии в сферу международных отношений. Применение технологий «отмены» в отношении целых стран и народов наиболее ярко видно на примере попытки отмены России, её культуры и традиций с 2022 года. О. Ю. Юхнина отмечает, что такой опыт отмены целого государства уже был, приводя в пример Югославию и сербский народ, «тогда целью экономического и политического бойкота было воздействие на ценностные ориентиры и логику исторического развития, изменение их в соответствии с представлениями Запада»³. Тем не менее, существуют серьезные различия в масштабе и технологиях в отношении отмены русской культуры, связанные как с цифровым пространством, так и с геополитическими установками (подробнее см. параграф 2.3).

Таким образом, проведённый сравнительно-исторический анализ зарождения и эволюции «культуры отмены» позволяет утверждать, что, во-первых, данный феномен появился в примитивных обществах как один из первичных механизмов социального контроля и защиты общества от преступлений против него самого. Во-вторых, в правовом и около правовом пространстве механизмы исключения и изгнания выполняли сразу несколько задач, представляя собой и превентивную меру в отношении угроз устоявшемуся социальному строю, и механизмы коррекции «исторической памяти» при уже совершенных проступках и преступлениях против

¹ Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 58. С. 93.

² Там же.

³ Юхнина О. Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 257.

общества. В-третьих, анализируя её зарождение в университетской среде западных стран, мы приходим к выводу о контркультурной природе «культуры отмены», технологии которой в студенческой и молодёжной среде направляются на борьбу с традиционными ценностями и кодами западной элитарной культуры, т.е. на борьбу как с символическим капиталом, так и с носителями этой доминирующей культуры. В-четвертых, свою современную форму и активное распространение «культура отмены» получила при развитии современного цифрового коммуникативного пространства, окончательно утратив связь с устоявшимися социальными институтами (такими, как право) и взяв на себя их функции при отсутствии механизмов контроля.

Подводя итог, отметим вслед за Ю. М. Лотманом, подчёркивавшим при описании динамики культуры, что при возникновении новых либо изменении уже существовавших культурных форм сначала возникает «волна самоназваний, а затем вторая волна – исследовательской терминологии»¹. Они «унифицируют картину процесса, сглаживая противоречия структур»², и позволяя отнести к явлениям одного порядка и объединить современным названием «культура отмены» существовавшие в историческом процессе явления исключения, цензурирования и бойкота и современные практики отмены.

Таким образом, решив поставленные в данной главе задачи, мы приходим к следующим выводам:

1. Современные формы культурной динамики, обладающие двойственной природой как сохранения, так и трансформации и даже разрушения ценностного ядра культуры, включают в себя два основных уровня: внутрикультурных отношений и цивилизационных взаимодействий. Сквозь призму культурно-цивилизационного подхода (Н. Я. Данилевский,

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 26.

² Там же.

С. Хантингтон, А. Тойнби), были особо выделены два типа регулятивных механизмов развития культуры: а) предполагающие двустороннюю коммуникацию (диалог культур, мультикультурализм); б) отвергающие коммуникацию (культурный фундаментализм, контркультура, «культура отмены»). «Культура отмены» на цивилизационном уровне проявляется как антипод диалога культур, когда чужие культурные ценности воспринимаются как угроза собственной культуре. В этом же ключе она интерпретируется как частный случай контркультуры, которая получила за счет глобализационных процессов выход в международное пространство. «Культура отмены», таким образом, является технологией цензурирования, то есть деструктивной регулятивной формой внутрикультурных и цивилизационных взаимодействий.

2. Исследование философско-методологических предпосылок «культуры отмены» позволило определить методологические основания концептуализации и однозначного научного употребления данного феномена. Отмечается, что в различных философских трудах начиная с Античности, встречаются отсылки к технологиям «культуры отмены». Теоретико-методологический анализ позволил выделить несколько смежных с рассматриваемым явлением концепций: относительность формирования норм морали; субъективность изложения истории (исторический нарратив как субъективный рассказ); общественное мнение и появление «спирали молчания»; концепция социальной справедливости.

3. Анализ отечественных и зарубежных источников, посвящённых развитию «культуры отмены» и схожих по своей природе с ней явлений позволяет утверждать, что популярное сегодня явление канселлинга далеко не новое и современное, а довольно часто встречалось в разные исторические периоды. Рассмотрев предпосылки и историю таких форм отмены в истории человечества, как общественные и правовые практики бойкота и изгнания, были определены четыре типа социально-культурных практик, которые сегодня объединяют понятием «культура отмены»: а). Протестные движения

американских студентов 2015–2017 годов; б). Движение #MeToo, связанное с публичным разоблачением и порицанием известных личностей, когда-либо уличённых в половой дискриминации и сексуальных домогательствах; в). Движения против расизма (2020 год) («Жизни черных имеют значение», Black Lives Matter); г). Международный уровень «культуры отмены». Это отмена России и русской культуры. Отмечено, что в настоящее время под «культурой отмены» зачастую понимают целый комплекс внеправовых механизмов и технологий цензурирования, ограничения и манипулирования общественным мнением, позволяющий как отстаивать разделяемую большинством точку зрения, так и наоборот, внедрять поддерживаемые меньшинством социальные и культурные ценности и смыслы.

ГЛАВА 2.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «КУЛЬТУРЫ ОТМЕНЫ» В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЕКТОР

Во второй главе решаются четвертая, пятая и шестая задачи диссертационного исследования. Сравнительно-исторический и философско-методологический анализ «культуры отмены» показал неоднозначность и вариативность её понимания, что требует проведения исследования различных интерпретаций данного феномена в рамках сопоставления аксиологического и функционального подходов к культуре. Это позволяет решить поставленную в диссертации задачу культурологической концептуализации «культуры отмены», сведения воедино и систематизации её трактовок. Также требуют обоснования цивилизационные проявления «культуры отмены» как деструктивной формы взаимодействий, что раскрывается на материале отмены русской культуры. В данном ключе «культура отмены» выступает в качестве инструмента гибридных войн. Решение поставленных задач позволяет достичь цели диссертационного исследования и представить особенности «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий.

2.1 Основы интерпретации феномена «культура отмены»: аксиологический vs функциональный подходы к культуре*

Ещё один аспект, который необходимо затронуть в процессе концептуализации «культуры отмены» – семантическое наполнение данного понятия. В англоязычных научных кругах и медиапространстве одним из

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: № 72 в списке использованных источников и литературы.

вопросов, обсуждаемым в отношении «культуры отмены», является вопрос «правильного» токования *cancel culture* как «культуры отмены», которое часто подменяется так называемым «неправильным» переводом – отмена культуры, причем такое «инокультурное восприятие» характерно не только для русскоязычного пространства, но и для французской семантики¹. Как отмечает А. Ф. Фефелов, понятие *cancel culture* интерпретируется во франкоязычной традиции как «крах или деградация культуры, т.е. по “ошибочному” русскому канону – отмена культуры, ее традиционных ценностей»². И в этом контексте речь идет о свержении, деконструкции, уничтожении. Именно в таком контексте данное понятие употребляется в отношении русской культуры.

Одной из причин переноса технологии «культуры отмены» в цивилизационную плоскость выступают глобализационные процессы, а также цифровизация, расширение mass-media и «информационный взрыв», перенесшие львиную долю социальных взаимодействий в Интернет-пространство.

Исследование данного феномена усложняется и тем, что появившееся в западной англоязычной традиции явление «культуры отмены» (*cancel culture*) противоречиво как в своей сути, так и по проявлениям (часто неполиткорректным) в социокультурном пространстве. Следствием этого является публичное отрицание самого существования такой технологии, как «культура отмены». Так, репортер издания «Insider» по цифровой культуре Рэйчел Э. Гринспен отмечает, что «культура отмены» – это «понятие, которого на самом деле не существует (здесь и далее перевод наш – авт.)»³.

¹ См.: Костенко О. В., Микитинец О. И. К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 154–161.

² Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг *cancel culture* как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 131.

³ Haltiwanger J. Putin rails against cancel culture and suggests teaching gender fluidity to kids is a «crime against humanity» // INSIDER. 22 Oct. 2021. URL: <https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10> (дата обращения: 21.11.2023).

Несмотря на различные аспекты рассмотрения «культуры отмены» и освещения её кейсов в средствах массовой информации, она до сих пор не определена как концепт, особенно в контексте *цивилизационных противостояний*.

В этой связи необходимо выявить предпосылки и особенности перехода от «культуры отмены» как социальной технологии в отмену культуры как инструмент гибридных цивилизационных войн. В основе такой трансформации, на наш взгляд, лежит полярная семантика культуры в отечественной и в западной традициях.

Противоречие, лежащее в основе самого понятия «культуры отмены», заключается, прежде всего, в использовании различных подходов к интерпретации в нём самого понятия культуры. Как отмечает А. Ф. Фефелов, в составе словосочетания «культура отмены» превалирует «явно политический, а не ожидаемый морально-этический подтекст»¹. Так, о «культуре отмены» на Западе говорят в отношении нелиберальных, нетолерантных, правых и праворадикальных проявлений². Многообразие и противоречивость смыслового наполнения «культуры отмены» мы видим, прежде всего, в разном *понимании сущности культуры*. В данной связи необходимо обратиться к особенностям интерпретации феномена культуры в отечественном и западном научном пространстве, и, прежде всего, к *этимологии данного понятия* и особенностям его употребления в русскоязычном и англоязычном дискурсах.

Культура сегодня представляет собой динамическую неоднородную систему, давно вышедшую за рамки эстетико-досугового восприятия. В современном научном дискурсе понятие культуры достаточно полисемантично и его понимание зависит как от методологической традиции, так и от контекста изучения. По оценкам лингвистов существует

¹ Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 127.

² Haliwanger J. Putin rails against cancel culture and suggests teaching gender fluidity to kids is a «crime against humanity» // INSIDER. 22 Oct. 2021. URL: <https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10> (дата обращения: 21.11.2023).

определенная асимметрия понятий культура и culture¹. В русском языке слово культура имеет ярко выраженный аксиологический контекст. Так, согласно идеографическому словарю русского языка, «культура – это общечеловеческие ценности»², духовность и совершенство, она не несет в себе прямого противопоставления другим народам, государствам и ценностям. В толковом словаре культура определяется как «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей»³. Если обратиться к современной научной трактовке культуры в отечественной философии и теории культуры, то культура понимается как целостность и «система... надбиологических программ... деятельности, поведения и общения людей»⁴. Определяемая как эстетическое, символическое, аксиологическое и социально-этическое явление, культура описывается В. С. Степиным в терминах «человек», «общество», «сознание», «добро», «зло», «красота», «вера», «надежда», «долг», «совесть», «справедливость», «свобода»⁵. Она интерпретируется как общее свойство человеческого рода, имеющее свои уровни (например, высокая культура), свои типы (русская, немецкая, японская культуры), различающиеся ценностями и нравственными принципами, но *не выстраиваемые в иерархию* (высшая / низшая культура). Если попытаться установить смысловые границы отечественного понимания феномена культуры, то они предельно широкие. Культура, как отмечает А. Я. Флиер, максимально полифункциональная и является не «второй природой», а первой, «естественной природой человека» на социальном уровне. Она представляет собой поведенческую программу, которая обеспечивает «коллективный характер» образа жизни людей, является инструментом социальной интеграции (нормы и ценности), различения

¹ Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 138.

² Культура // Идеографический словарь русского языка [Сайт]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/ideographic-dictionary/index-202.htm#202> (дата обращения: 12.03.2024).

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М., 2003. С. 313.

⁴ Степин В. С. Культура // Новейший философский словарь. М., 2021. С. 527.

⁵ Там же. С. 528.

(идентичность, добро/ зло), интерпретации (идеология, смысл истории)¹. По сути, антонимом к русскоязычному слову культура выступает слово бескультурье, которое как характеристику возможно применить и к человеку, и к обществу.

Слово *culture* имеет несколько иной характер, что связано с преемственностью английского и латыни, и отсылает нас во времена Античности с противопоставлением культуры/цивилизации и варварства: *civilis* – *barbaricus* [*barbarus*]². В основе антонима *culture* лежит не противопоставление культуре вообще (бескультурье), а противопоставление чужой культуре: «1) у греков – негреческий, римский, латинский; 2) у римлян – негреческий, неримский, неитальянский, иноземный, чужой; 3) варварский, дикий»³. О. В. Большакова отмечает: «Известно, что Ренессансу было присуще унаследованное от римлян разделение стран на цивилизованный Юг и варварский Север (включая Францию и Германию), и еще довольно долго Россию относили к странам Северной Европы вместе с Польшей, Швецией и Данией»⁴. Эти бинарные оппозиции противопоставления «мы» – «чужие» в культурном и цивилизационном плане позже нашли свое отражение в условной дихотомии «Запад» – «Восток». Такая идея противопоставления культурного – некультурного до сих пор является актуальной для европейского мировосприятия, несмотря на попытки обосновать плюрализм культур и внедрить политику мультикультурализма: «Культура хорошо послужила цели дистанцирования – политически, эпистемологически, морально, технологически, ментально – во времени и пространстве от всех остальных народов мира»⁵. Обратившись к статье Л. Уайта в энциклопедии *Britannica*, можно обнаружить, что за общим определением культуры как

¹ Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).

² Leslie A. White. Culture // Britannica [Сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/culture> (дата обращения: 06.04.2024).

³ Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь; 5-е изд., стер. М., 1998. С. 99.

⁴ Большакова О. В. Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по руссееведению. 2016. Выпуск 6. С. 355.

⁵ Rapport N., Overing J. Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts. 2002. P. 100.

поведения, которое свойственно Homo sapiens, «вместе с материальными объектами, используемыми как неотъемлемая часть этого поведения»¹, акцентируется внимание на таких её свойствах и особенностях понимания как: особенности ментальности человека, способности к символизации и символическому поведению, обособления общества, культурных различий и релятивизма, экономических, политических, образовательных, религиозных и иных социальных систем и т. п. Культура здесь выступает средством для достижения цели: безопасности и непрерывности жизни, а развитие культуры связывается Л. Уайтом с эволюцией мышления. Культура как внешняя по отношению к человеку среда выполняет ключевую функцию – «сделать жизнь безопасной и продолжительной для общества людей, живущих внутри культурной системы. Таким образом, культуру можно рассматривать как новейшее, наиболее развитое средство обеспечения безопасности и непрерывности жизни»². К тому же в западной культурно-антропологической традиции чаще всего речь идет о культуре как образе жизни, и программе поведения разных народов и обществ. В этом контексте вольно или невольно происходит сопоставление и сравнение *на грани соперничества* разных культур: «...один тип социокультурной системы содержит лучшие средства обеспечения продовольствием или борьбы с болезнями, чем другой»³. Из такого сравнения и сопоставления неизбежно вырастает этноцентризм, свойственный гражданам более развитых в цивилизационном (научно-техническом и экономическом) плане государств/ народов/ стран: «Граждане большой нации, особенно в прошлом, с меньшей вероятностью наблюдали за людьми другой нации или культуры, чем члены небольших племен, которые хорошо знакомы с обычаями своих соседей, отличающихся культурным разнообразием. Так, американский турист может сообщить, что лондонцы ездят “не по той стороне улицы”, а англичанин может посчитать некоторые

¹ Leslie A. White. Culture // Britannica [Сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/culture> (дата обращения: 06.04.2024).

² Там же.

³ Там же.

обычаи на континенте “странными” или “хамскими” просто потому, что они другие»¹. В целом, англоязычной традиции в большей степени свойственно функциональное понимание культуры как способа жизни общества и технологии его управления, в то время как русскоязычная традиция в большей степени аксиологична и даже с точки зрения социологической традиции представляет собой систему ценностей, интегрированных в общество (П. Сорокин, Г. Риккерт²). Как отмечает А. Ф. Фефелов: «наша оппозиция антропоцентрична, она прочнее связана с индивидом и его уровнем владения высокой культурой в рамках своей национальной общественной культурной системы, с понятием "стать человеком", достойным членом общества»³.

В этом ключе социально-политический подход, сегодня достаточно распространенный и в российской научной традиции при объяснении функций культуры как социального механизма, сохраняет, тем не менее, *аксиологическую интерпретацию*. Например, рассматривая культуру как основу национальной безопасности, «систему, имеющую стратегическое значение» для развития и сохранения государства⁴, современные исследователи подчеркивают важность именно аксиологического подхода к культуре, понимая под последней матрицу, «в которую вписываются и конкретное искусство и религия, и экономика и политика. <...> если изменить систему ценностей, изменится и культура»⁵. Понимание культуры как нормативного регулятора «расширяет пространство её значений от сферы прекрасного (это понятие с ней соотносится, как правило, в первую очередь) до сферы социальной регуляции, формирующей... совокупность норм и

¹ Leslie A. White. Culture // Britannica [Сайт]. URL: <https://www.britannica.com/topic/culture> (дата обращения: 06.04.2024).

² См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

³ Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 140.

⁴ Коваленко Т. В. Культура как фактор национальной безопасности: концептуальные и стратегические аспекты // Журнал института наследия. 2018. № 1(12). С. 4.

⁵ Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И., Луков В. А. Культура как фактор национальной безопасности современной России: Значение и ролевая модель. М., 2021. С. 17.

значений»¹. В этом смысле, как отмечает А. В. Костина, культура практически выполняет функции правового социального института, который направлен на ограничение, сдерживание индивида посредством установленных в данной культуре норм, традиций и предписаний путём их принятия и обогащения². В таком контексте культура напрямую влияет на человеческое поведение, его мотивы и мотивацию, легитимность и одобряемость социумом его поведения и поступков. Именно в нормативной плоскости происходит принятие либо неприятие другой культуры в зависимости от близости разделяемых норм и ценностей. Неприятие содержания чужой культуры (культуры другого народа) «фактически означает отрицание правильного взгляда на мир у представителей данного народа, неверное толкование ими базовых понятий, несогласие по поводу которых дает право воспринимать их в качестве чужих и чуждых, а следовательно, врагов»³. Но даже в этом контексте социально-политическое понимание культуры не предполагает у нас отмену, уничтожение чужой культуры – только формирование собственной идентичности и защиту своей культуры.

В данной связи необходимо затронуть ещё один важный аспект генезиса технологии «культуры отмены» – стремление к уничтожению иной культуры. Западноевропейская модель понимания культуры, как было отмечено выше, достаточно близка к античной интерпретации цивилизации в русле противопоставлений «Запад – Восток», «цивилизованный – варварский». И такое жесткое противостояние «свой» – «чужой» позволяет говорить о взаимодействии западной культуры с другими как с заведомо чужеродными, подлежащими уничтожению традициями, несущими угрозу своей культуре. Т. Ю. Данильченко отмечает, что данное

¹ Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 109.

² Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпукhin О. И., Луков В. А. Культура как фактор национальной безопасности современной России: Значение и ролевая модель. М., 2021. С. 17.

³ Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 109.

противопоставление лежит в основе западного мировоззрения и образует ядро европоцентризма: «соответствующий культурный тип признается эталонным, а восточный считается несамодостаточным»¹, и всё, что относится к последнему, автоматически выходит за рамки нормы.

Обратимся к социально-политической функции культуры, обозначенной Ф. Фукуямой. Определяя культуру «как арациональную этическую привычку, передаваемую по традиции»², он отмечает, что культура представляет собой четвертый, самый глубокий социальный уровень, включающий семью, религию, мораль, этническое самосознание, ценности и историческую память. Именно над культурой надстраивается гражданское общество, социальные институты и идеология, и именно она подвергается воздействию при необходимости трансформации социального и политического уровней. Борьба с традиционными, национальными и религиозными ценностями («культуральными препятствиями»), являющаяся необходимым условием распространения либеральных ценностей, сегодня выступает одним из механизмов ведения войн с культурой как частью гибридных войн против государств. Как отмечает Ф. Фукуяма, культурные различия даже среди равных демократических государств сложноискоренимы, и их устойчивость «может означать, что международная жизнь будет все больше рассматриваться как конкуренция не между соперничающими идеологиями..., — но между различающимися культурами»³. Разрушению и уничтожению подвергаются традиционные культуры, препятствующие процессу демократизации и унификации мирового пространства⁴. В качестве примера можно привести цветные революции, прокатившиеся по странам постсоветского пространства, Азии и Африки с 2000 года. Все эти события сопровождалось, прежде всего, войной с традиционными культурными ценностями, а также искажением или

¹ Данильченко Т. Ю. Лакуны в мыслительных стратегиях Запада и Востока // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5 (34). С. 22.

² Фукуяма Ф. Главенство культуры // *Journal of Democracy*, 1995. Vol. 6, 1. P. 8.

³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М., 2015. С. 184.

⁴ Там же. С. 185.

уничтожением национальной идентичности. Именно идентичность напрямую связана с бинарным противостоянием «свой» – «чужой», строящемся на обособлении своей (не обязательно национальной) культуры. Сегодня противостояние варварство – цивилизация трансформировалось в новую форму: традиционные ценности – либерализм.

Как отмечает Ф. Фукуяма, воздействие на культурные нормы практически невозможно в пределах «институционалистских решений»¹, что в условиях геополитических противостояний порождает новые, внеинституциональные формы войны с культурой, которой и является «культура отмены». Связанная с искажением и размытием базовых стратегий идентичности, она выступает как одна из ключевых технологий медиапространства.

Профессор И. В. Малыгина подчеркивает, что к началу XXI века происходит смена пространства формирования идентичности: «эта тенденция ознаменовалась вытеснением традиционных базовых идентичностей ... на периферию индивидуального и общественного сознания; сублимацией идентификационных стратегий индивида в альтернативное пространство цифровой и медийной реальности»². В медиапространстве идентичность стала связываться с такими характеристиками, как «новая искренность» (например хештегами #MeToo), являющимися по сути симулякрами чувства сопричастности, а потому приводящими к деструктивным последствиям³. В контексте геополитических процессов именно культура и традиционные ценности подменяются их симулякрами, обесцениваются либо предаются забвению, вызывая чувство ложной сопричастности. По сути «культура отмены» здесь является современной версией контркультуры по отношению как к традиционной европейской (условно – христианской с абсурдными требованиями

¹ Фукуяма Ф. Главенство культуры // Journal of Democracy, 1995. Vol. 6, 1. P. 9.

² Малыгина И. В. Identity capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 218.

³ Там же. С. 219.

наподобие запрета преподавания У. Шекспира в курсе классической литературы в английских ВУЗах и т. п.), так и к отечественной традиционной культуре (в том числе и советского периода). Это хорошо заметно в установке на показательное исключение культурного наследия определенного народа (тотальный запрет русской культуры на Западе), общего исторического «советского» наследия (демонстративное уничтожение памятников Великой Отечественной войны в Прибалтике и Восточной Европе) и т.п. По сути, «культура отмены» как технология гибридной войны способствует искоренению «способности к свободной идентификации... После уничтожения такой способности человеку может быть навязана или наведена любая идентификации, которая по каким-то причинам необходима извне»¹.

В этом ключе актуальным является как раз буквальный перевод *cancel culture* как удаления культуры, показывающий трансформацию её смысловой составляющей. Его иллюстрацию мы видим в высказывании Президента РФ В. В. Путина, который отметил: «Пресловутая “культура отмены” превратилась в “отмену культуры”. Из концертных афиш вымарывают Чайковского, Шостаковича, Рахманинова. Также запрещаются и русские писатели и их книги. В последний раз такую массовую кампанию по уничтожению неудобной литературы почти 90 лет назад проводили нацисты в Германии. Мы хорошо знаем и помним из кадров кинохроники, как сжигаются книги прямо на площадях»². В этой связи сегодня на передний план выходит именно *ценностное содержание культуры*, позволяя увидеть в ней главный фактор национальной безопасности, механизм отстаивания

¹ Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 16.

² Бабалова М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры» // Российская газета [Сайт]. 28 марта 2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 12.03.2024).

«метафизических ценностей, своего образа мира и образа будущего»¹, то есть основу собственной идентичности.

Подводя итог основам семантической интерпретации «культуры отмены», отметим, что в процессе концептуализации данного феномена даже не в отечественном, а русскоязычном сегменте мы сталкиваемся с некоторыми нюансами, касающимися как перевода этого понятия на русский язык (условно «правильного» и условно «неправильного»), так и с определёнными дискурсами, смысловыми нарративами. Так, понимание «культуры отмены» сегодня включает как отмену определенного публичного человека (и это связано с его поведением повседневным, его соответствием и несоответствием современной культурной повестке), так и технологию целенаправленного уничтожения целых культур. Последнее связано с социально-политическими, историческими, культурными особенностями, когда речь идет о «замалчивании», «удалении» культуры как *сублимации уничтожения носителей этой культуры*. Есть ещё более отдаленные термины, но, тем не менее, они в своем происхождении, своей истории тесно связаны с «культурой отмены», как, например, движение BLM и «новую этику» (подробнее см. параграф 1.3). Поэтому при достаточно широком распространении данного термина, особенно в последние годы в российских СМИ по отношению ко всему русскому, к русской культуре, всё-таки концептуализация этого понятия в науке ещё не завершилась. У данного феномена пока нет единого смыслового поля, позволяющего использовать его, если не однозначно, то, по крайней мере, с целостным понятным нарративом. Понимание различий в интерпретации культуры подводит нас к *цивилизационным основаниям* трактовки «культуры отмены», что указывает на её *деструктивную природу* и позволяет в дальнейшем выявить составляющие данной технологии. Именно отсутствие эстетико-аксиологической составляющей лежит в основе трансформации «культуры

¹ Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 109.

отмены» как технологии социальной (манипулирования общественным мнением) в технологию политическую (ведения гибридной войны путем слома устоявшихся культурных кодов). И в этом ключе она представляет собой деструктивную форму культурно-цивилизационной динамики, предполагающую борьбу со всеми иными культурами вплоть до их уничтожения как чужеродных элементов.

Таким образом, прослеживая эволюцию «культуры отмены» от движений «новой этики» к войне с другой культурой и с инакомыслием, мы приходим к концептуализации «культуры отмены» в рамках, в том числе, цивилизационного подхода. Именно в этом ключе она распространяется сегодня в социально-политическом и культурном международном пространстве и неразрывно связана с искажением формирования идентичности и с угрозой национальной безопасности.

2.2 «Культура отмены» как культурологический концепт: типологизация и систематизация подходов*

Проанализировав и осмыслив основные теоретико-методологические и исторические аспекты появления и трансформации «культуры отмены», в рамках данного параграфа выделим её базовые характеристики и подходы к интерпретации рассматриваемого феномена. Это позволит систематизировать основные черты «культуры отмены» и провести её концептуализацию в рамках культурологического дискурса.

В отличие от древних форм ostracism (рассмотренных нами в параграфе 1.3), предполагавших практику принудительного вытеснения или исключения из актуальных общественных отношений ценностных

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 71, 72, 73, 74, 75 в списке использованных источников и литературы.

ориентаций определенной социальной или этнической группы, сегодня инструменты воздействия на неприемлемое большинством поведение социальных субъектов значительно расширились и включают, например:

- «бойкот» публичной активности посредством стирания упоминаний в СМИ¹;
- принуждение к навязываемому поведению посредством таких массовых практик, как «буллинг»²;
- нарушение прав на свободное выражение собственного мнения в публичном пространстве³;
- прекращение любого рода поддержки индивида в цифровом пространстве (просмотров, подписчиков в социальных сетях) и нецифровом формате (пространстве)⁴ как «наказание» за неодобряемое большинством мнение, высказывание или действие.

Всё это, по мнению американского философа Н. Хомского представляет собой не что иное, как покушение на нарушение естественного права на свободу слова: «Если мы не верим в свободу выражения мнений для людей, которых мы презираем, мы вообще не верим в это»⁵. Таким образом, под «культурой отмены» понимается любая мировоззренческая установка, предполагающая как игнорирование, так и искоренение не только культуры ныне живущих людей, но событий, связанных с их прошлым, а также сопряженных с ними интенций в возможное будущее. В данном ключе современная «культура отмены» представляет собой цензурирующую культурную форму, имеющую общие основания с контркультурой, интерпретируемой в негативном ключе не просто как ценностно противоположная версия «возможной» (в данных исторических условиях) культуры, но и как образ жизни сущностно-несовместимый с умением «жить

¹ Бойко А. В. Девиантологический потенциал «культуры отмены» // Таврические студии. 2021. № 28. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ См.: Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.

⁴ Ng Eve. Cancel Culture: A Critical Analysis. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. P. 63.

⁵ Стрекалов Г. С., Филиппович Ю. С. О некоторых особенностях феномена «культуры отмены» // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный журнал. 2021. №1 (26). С. 39.

не мешая другим»¹, радикально отрицающий принципиальную возможность параллельного существования принципиально «иной» культуры².

Развивая процесс концептуализации «культуры отмены» в современном гуманитарном научном пространстве отметим, что семантическое наполнение данного понятия (как уже отмечалось в параграфе 2.1) крайне неоднородно и контекстуально в зависимости от нарративов употребления: от «отмены преподавателей» университетской среды как одной из форм протеста американских студентов до отмены русской культуры в международном пространстве. В этой связи нам представляется необходимым применение *междисциплинарного подхода* при анализе проявлений и типов «культуры отмены», систематизации подходов к её определению и построению концептуальной основы данного феномена. Отметим, что в настоящее время началась концептуализация феномена «культуры отмены» практически во всех отраслях социально-гуманитарного знания, однако данный процесс находится на стадии становления. Так, например, Л. Р. Рустамова и А. К. Адрианов, рассматривая концептуализацию «культуры отмены» в политической науке, акцентируют внимание на практиках использования инструментов «культуры отмены» во внешней политике³. Лингвистический вектор определения «культуры отмены», раскрывающийся в исследованиях А. Ф. Фефелова⁴, Л. В. Коцюбинской, Е. А. Марутиной⁵ акцентирует внимание на дискуссионном соотношении определений данного явления с буквальным смыслом «cancel culture» как отмены культуры. В социально-философском ключе процесс концептуализации «культуры отмены» сопряжён с сущностью процессов социальных взаимодействий, консолидации и социальной

¹ Ульянов М. А. Реальность и мечта. М., 2007. С. 227.

² Костенко О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 250.

³ Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 37.

⁴ Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144.

⁵ Коцюбинская Л. В., Марутина Е. А. Феномен «культура отмены» в лингвофилософском осмыслении // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 190–196.

идентичности¹. Тем не менее, общим в гуманитарных исследованиях является вывод о незавершенности становления данного понятия в современной науке и необходимости применения междисциплинарной методологии.

Несмотря на контекстуальность и предельно широкий семантический разброс, в настоящее время мы можем выделить, как минимум три смысловых вектора данного феномена²:

- как технологии управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей;
- как механизма смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики»;
- как социально-политической технологии гибридной войны с «неудобными культурными кодами».

Отметим, что выделение данных векторов достаточно условно, так как базовый смысл культуры отмены сохраняется, смещаются только определенные акценты. Остановимся на специфике данных смысловых интенций подробнее, что позволит всесторонне рассмотреть культуру отмены и выявить её основные характеристики.

Культура отмены как технология управления и контроля цифрового пространства. Развитие «культуры отмены» как технологии манипулирования общественным мнением связано с распространением медиа-технологий и появлением социальных сетей, которые сегодня, наряду с традиционными социальными институтами (семья, государство) выступают трансляторами ценностей, влияя, в том числе, и на идентификационные процессы. Целый ряд исследователей определяет именно цифровую среду и информационное пространство в качестве основы возникновения и

¹ Овчинников А. В., Аникин Д. А. «Культура отмены» и «корпоративная отмена» в дискурсе социальной философии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 83. С. 76–87.

² Костенко О. В., Микитинец О. И. К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 155.

функционирования «культуры отмены». Мередит Д. Кларк, рассматривая появление «культуры отмены», подчеркивает её сетевую природу и определяет как «цифровую дискурсивную практику»¹. П. Норрис отмечает, что практика отмены «обычно использует социальные сети», позволяющие применять различного рода санкции, «начиная от ограничения доступа к публичным платформам, нанесения ущерба репутации и прекращения карьеры до инициирования судебных преследований»². Причем, как отмечает испанский исследователь Л. Альварес Триго, «культура отмены» появилась в социальных сетях именно как «инструмент принуждения» к социальной справедливости, а также «вдохновения судебных преследований»³. Отечественные исследователи Т. И. Ерохина, Л. Ю. Шураева, И. А. Быков, Ю. Д. Ахмедова⁴ и др. в качестве источников технологии «культуры отмены» также определяют цифровую среду. Это объясняется «тем, что общественное мнение, необходимое для канселинга, формируется и передается посредством цифровых технологий»⁵. Л. Ю. Шураева выделяет три формы воздействия культуры отмены: *цифровое пространство* (способствующее искажению распространяемой информации, а также специфика «легкого установления связей посредством цифровых методов коммуникации и, соответственно, оправдания своего поведения схожим поведением других»⁶); *«евангеликализм»* (как концепция непощения и обязательного искупления посредством принятия любого наказания за проступок) и цифровой активизм (характеризующийся оторванностью от реальных проблем, потерей связи между поколениями, уверенностью в собственной правоте и необходимостью

¹ Meredith D. Clark. Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture» // Communication and the Public. Vol. 5. Iss. 3–4: Special Forum on Digital Culture and Society, September-December 2020. P. 88.

² Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. P. 1.

³ Álvarez Trigo L. «Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters» // PopMeC Research Blog. 25 September 2020. P. 1–13.

⁴ Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 14.

⁵ Ерохина Т. И. «Культура отмены» в контексте «новой этики» // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 210.

⁶ См.: Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 251.

любыми способами донести свое негативное мнение, способствующей развитию кибербуллинга)¹. Эту же проблему подчеркивает и Л. Альварес Триго, отмечая, что онлайн-природа культуры отмены способствует возвращению негативных социальных тенденций, она поддерживает эгоизм отдельных социальных групп и «усиливает уже существующие предубеждения, которые есть у аудитории»². «Культура отмены» лежит в самой природе функционирования социальных сетей, так как практически все цифровые платформы предоставляют своим подписчикам возможности исключения неприемлемых именно для них взглядов: «На этих платформах люди, как правило, следят исключительно за теми, кто разделяет их мнения и интересы, блокируя людей, с которыми они не согласны, создавая для себя очень эффективные эхо-камеры»³. Это, по словам И. А. Быкова и Ю. Д. Ахмедовой, приводит к нивелированию самой природы медиа пространства как площадки для рациональных дискурсов ради «достижения общественного блага»⁴. К. Коктыш и А. Ренард-Коктыш подчеркивают некоторые особенности социальных сетей и медиа пространства в целом («ложные зоны компетентности», подмена собственных знаний информированностью, «массовая когнитивная слепота»)⁵, отмечая, что культура отмены – это технология упрощения восприятия, а, следовательно – продвижения односторонних, контролируемых извне взглядов. Именно так продвигались идеи «цветных революций»⁶.

А. В. Бойко, анализируя основные подходы к пониманию «культуры отмены», отмечает цифровую природу её осуществления, подчеркивая, что

¹ Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 251.

² Álvarez Trigo L. «Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters» // PopMeC Research Blog. 25 September 2020. P. 2.

³ Там же. P. 3.

⁴ Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 15.

⁵ Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4(67). С. 39.

⁶ Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16(4). С. 12; Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4(67). С. 39.

её проявления основаны «на широком использовании средств сети Интернет: социальных сетей, блогов, стримминговых каналов и т.д., где анонимность и размытая идентичность членов сообщества позволяют реализовывать “социальную справедливость” в отношении тех, кто, по их мнению, нарушает разделяемые сообществом ценности и нормы поведения»¹. П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина, описывая «культуру отмены» в контексте публичности, функционирования цифровых технологий и социальных сетей, отмечают в качестве одной из её базовых характеристик «“безликость” участников, отсутствие ярких лидеров»², а также анонимность, что усложняет идентификацию продвигаемых ценностей и установление ответственности за свои действия. М. В. Субботина также связывает появление культуры отмены как технологии отстаивания собственных интересов с формированием новых социальных сообществ «на стыке общества и технологий»³. По словам Г. Ю. Дашинимаева, «культура отмены» представляет собой новый вид «общественного порицания», появление которого напрямую связано с активно развиваемым медиа пространством, «где социальные сети как кровеносные сосуды пронизывают информационное пространство, обеспечивая непрерывный поток коммуникации»⁴.

Внеинституциональная природа «культуры отмены» также связана именно с цифровой спецификой осуществления её механизмов. В пространстве сети Интернет, информационной «метавселенной», существующей, по словам Г. Сардаряна, параллельно реальности, значительно искажаются либо вовсе лишаются своих функций привычные институциональные формы социального контроля. Цифровая реальность

¹ Бойко А. В. Девиантологический потенциал «культуры отмены» // Таврические студии. 2021. № 28. С. 5.

² Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 165.

³ Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 35.

⁴ Дашинимаев Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2021. Вып. 1. С. 21.

«позволяет не пользоваться традиционными институтами – судебной властью, законодательством, правом»¹. Как отмечает Г. Сардарян, описывая цифровой характер технологий «культуры отмены» в отношении России: «Не пользуясь традиционными институтами, потому что понятно, что в международном праве нет оснований для того, чтоб Россию подвергать каким-то ограничениям, создается медийная истерика вокруг России, основная цель которой – сделать так, чтобы нас больше не существовало как исторического и культурного субъекта в умах людей»².

Л. Ю. Шураева подчеркивает, что «Интернет размывает условные границы между людьми и меняет уже сложившийся миропорядок. <...> Он представляет собой огромную динамичную сеть нематериальных информационных потоков, которая функционирует по собственным правилам, отличным от правил, характерных для материального пространства, и включает в себя новые механизмы регуляции поведения»³. В англоязычном социальном пространстве *cancel culture* называют «культурой вызова»⁴, подчеркивая её функцию выявления и удаления проблемных людей из *доминирующей культуры*: «это способ осуществлять некоторый контроль над миром, который становится всё более опасным и менее толерантным. <...> В «культуре отмены» мы назначаем себя арбитрами добра и зла, а также судьей и присяжными, потому что благодаря социальным сетям мы можем распределять наказания»⁵ (перевод мой. – О. К.). Так в медиапространстве практики общественного порицания, которые включают различные виды бойкота, приобретают новые черты, выходя за привычные механизмы социальных институтов.

¹ Почему Запад пытается «отменить» Россию? Мнение декана МГИМО Генри Сардаряна // Информационное агентство «SM News» [Сайт]. 28 нояб. 2022. URL: <https://sm.news/genri-sardaryan-smysl-kultury-otmeny-71572-u3t5/> (дата обращения: 21.11.2023).

² Там же.

³ Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 250.

⁴ Cancel culture // Cambridge Dictionary [Сайт]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (дата обращения: 06.04.2024).

⁵ Там же.

Американские исследователи канселлинга Э. Фаррис, П. Керриган, Е. Сиопера подчеркивают важность цифровой среды как пространства разворачивания технологий отмены. Более того, именно цифровая среда и формирует, по их мнению, полярность взглядов, разделяя публику на отменяемую и отменяющую, а также на «рациональную, имеющую здравый смысл и комментирующую и оценивающую эти действия, но которая, тем не менее, вписывается в практику культуры отмены. <...> Но эта публика и дискурсы, прогрессивные, центристские или реакционные, не действуют в нейтральной среде; скорее, их действия формируются и, в свою очередь, формируются цифровой средой, в которой они выполняются (перевод мой. – О. К.)»¹. Таким образом, сама цифровая среда является не только платформой, но и полноправным участником «культуры отмены», прямо и косвенно (через возможности социальных сетей) усиливать, либо, наоборот, снижать социальную и культурную напряженность. По словам Э. Фаррис именно в медиа среде «культура отмены» получает свою форму через «напряженность, противостояние и периодическое согласование между платформами, сетевой публикой и метадискурсами»². Более того, именно цифровая среда подпитывает нарративы «культуры отмены», позволяя говорить о последней в контексте «цифровой политики, сетевой общественности и (возрождения) культурных войн»³.

«Культура отмены» сравнивается американскими исследователями с «карнавальным шествием», так как требует максимальной зрелищности и публичности, которые в состоянии обеспечить именно цифровое пространство. И здесь необходимо подчеркнуть двойственную природу сосуществования «культуры отмены» и цифрового пространства. С одной стороны «культура отмены» является источником развития медиа платформ, что было определено Дж. Дин как «коммуникативный капитализм», когда

¹ Farries E., Kerrigan P., Siopera E. Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // Television & New Media. 2024. Vol. 26. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469> (дата обращения: 21.01.2025).

² Там же.

³ Там же.

зрелищность противостояний и конфликтов создает контент, причем от реальной вражды эти сетевые противостояния отличает стремление полного публичного уничтожения друг друга¹. С другой стороны, цифровые сети вынуждены реагировать на общественные вызовы в виде требований социума исключить кого-либо, так как в противном случае они сами окажутся под угрозой отмены².

Таким образом, рассматривая «культуру отмены» как механизм функционирования цифрового пространства, исследователи подчеркивают, наряду с относительной анонимностью, безнаказанностью и быстротой распространения информации³, также специфику онлайн-коммуникации, заключающуюся в оторванности от социального, политического, исторического и культурного контекста продвигаемых ей нарративов⁴.

«Культура отмены» как механизм смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте движений «новой этики». Классическое, устоявшееся определение «культуры отмены» как сугубо социально-этической технологии «публичного исключения» или «социального изгнания», связанное с управлением общественным мнением, сложилось в англоязычной среде на фоне движений «новой этики» (подробнее см. параграф 1.3). Именно такое понимание канселлинга наиболее распространено в англоязычном научном сегменте, особенно в американских исследованиях. Например, профессора Юго-Восточного университета Нова (США) Бахаудин Г. Муджтаба и Фрэнк Дж. Кавико, акцентируя внимание именно на профессиональной этике, отмечают, что практики отмены применяются из-за определенного «ненадлежащего

¹ Dean Jodi. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics // Cultural Politics. 2005. Vol. 1. Issue 1. P. 51–74. URL: <https://read.dukeupress.edu/cultural-politics/article-abstract/1/1/51/34262/Communicative-Capitalism-Circulation-and-the> (дата обращения: 21.01.2025).

² Farries E., Kerrigan P., Siapera E. Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // Television & New Media. 2024. Vol. 26. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469> (дата обращения: 21.01.2025).

³ Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 251.

⁴ Álvarez Trigo L. «Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters» // PopMeC Research Blog. 25 September 2020. P. 2.

поведения»¹ в профессиональной среде. В основном это – проблемы «сексуальной дискриминации и домогательств на работе»², породившие движение #MeToo. Ученые раскрывают основные аспекты канселлинга через ряд этических категорий и концепций (этика долга, этический релятивизм и др.). Так, они сравнивают современные технологии «культуры отмены» в профессиональной среде с внедрением принципов «этического эгоизма» в трактовке английского экономиста А. Смита, согласно которому «...нравственно продвигать свои личные интересы. То есть действие, которое продвигает личные интересы, является нравственным; и, наоборот, действие, которое наносит ущерб чьим-либо личным интересам, является безнравственным»³. Таким образом, соблюдение прав окружающих рационально, так как принесет пользу в будущем всему обществу. Однако здесь есть определенные сложности, обозначенные авторами «этический релятивизм», утверждающий, что «мораль определяется общественными убеждениями, нравами и предписаниями»⁴. Проблема заключается в относительности морали современного общества, о которой писал ещё Ф. Ницше (параграф 1.2), и то, что морально для одного сообщества, безнравственно для другого даже в рамках одной социальной системы.

В отечественных исследованиях также наиболее распространённым также является понимание «культуры отмены» в контексте «новой этики», однако здесь акцент делается на противопоставлении западных ценностей национальным, что сближает данный смысловой вектор с цивилизационным подходом к природе «культуры отмены». Особо отметим масштабные исследования «новой этики» в рамках XXI Международных Лихачевских научных чтений 2023 года «Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире»⁵, где проблемам «новой этики» была посвящена отдельная секция. В

¹ Mujtaba B. G., Cavico F. J. Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era // SocioEconomic Challenges. 2020. 4(4). P. 132.

² Там же. P. 132.

³ Там же. P. 138.

⁴ Там же. P. 139.

⁵ Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. 548 с.

отличие от англоязычных исследований, в рамках отечественной парадигмы «новая этика» рассматривается в основном в деструктивном ключе, акцентируя внимание на разрушении устоявшейся морали, псевдогуманизме, когда для установления социальной справедливости общество сознательно подменяет традиционные ценности и искажает нравственные ориентиры. Профессор А. П. Марков подчеркивает, что «новая этика» является проектом, который гарантирует «культурную и правовую легитимность практически всему спектру девиаций и трансгрессий, осуществляя тем самым моральную инверсию – смену знака ключевых духовно-нравственных универсалий культуры»¹.

В целом, этический аспект механизмов отмены подчеркивается профессором А. А. Гусейновым, отмечающим, что смысл понятия «новая этика» «для одних <...> является только обозначением некоего вектора общественных процессов в западном мире, для других – шагом вперед на возвышающем пути либерализма, для третьих – опасной чертой, своего рода красной линией, которая обозначает обвал, крах тысячелетних моральных устоев современной цивилизации»².

С. Фелан подчеркивает моральную определенность и даже однозначность «культуры отмены», которая исключает «альтернативные возможности, опыт и интерпретации идентичностей и позиций»³. Это порождает и провоцирует усиление социальной вражды, и вместо установления справедливости усугубляет антагонизм взглядов. Эти же характеристики подчеркивает и А. В. Топилина, указывая, что появившаяся как механизм борьбы за социальную справедливость и «преодоление неравенства и дискриминации»⁴, «культура отмены» становится

¹ Марков А. П. «Новая этика» как глобальный проект культурной регрессии // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 222–223.

² Гусейнов А. А. Что нового в «новой этике»? // Ведомости прикладной этики. 2021. Выпуск 58. С. 92.

³ Phelan S. Seven theses about the so-called culture war(s) (or some fragmentary notes on «cancel culture») // Cultural Studies. 2025. Vol. 39. No. 1. P. 69.

⁴ Топилина А. В. «Культура отмены» как репрессивный инструмент «новой этики» // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 2 (105). С. 206.

репрессивной технологией коммуникации, «карающим инструментом»¹ при несоблюдении предписаний «новой этики». А. П. Марков, оценивая природу последней, определяет её как форму «морального рейха», требующую безоценочного и полного принятия навязываемых определенными социальными группами ценностей и идентичностей². Смысл понятия культуры здесь трансформируется от созидательных к карательным интенциям, используя, по сути, метафорически в отношении исключающих социальных механизмов. «Маскировка под “культуру” – как отмечают П. Г. Былевский и Е. П. Цацкина, – может являться неявной угрозой интересам большинства и “традиционным ценностям” ввиду двусмысленности понимания и использования термина»³. Сам смысл понятия культуры искажается в отношении инструментов «новой этики», лишаясь «какого-либо созидательного значения»⁴. Это связано, в том числе, с относительностью моральных установок современного общества, проявляющейся не в самих нормах, а в их носителях. Нормы «новой этики» зачастую политизированы и сводятся к насаждению толерантности, опасность которой заключается в агрессивности навязываемых ценностных установок и невозможности иметь нейтральную позицию⁵. Т. И. Ерохина, рассматривая «культуру отмены» в качестве средства внедрения «новой этики» в социальное пространство, акцентирует внимание на амбивалентности её природы. С одной стороны, «культура отмены» должна способствовать сплочению социума вокруг действительно важных этических вопросов, основываясь «на попытке выделить нравственные ориентиры,

¹ Полякова Е. А. Феномен толерантности как базис «новой этики» Запада // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 278.

² Марков А. П. «Новая этика» как глобальный проект культурной регрессии // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 223.

³ Былевский П. Г., Цацкина Е. П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 164.

⁴ Топилина А. В. «Культура отмены» как репрессивный инструмент «новой этики» // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 2 (105). С. 206.

⁵ Полякова Е. А. Феномен толерантности как базис «новой этики» Запада // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 278–279.

которые должны лечь в основу понимания личности и общества»¹. Но, с другой стороны, постулаты «новой этики» крайне двойственны, так как та же толерантность содержит скрытую агрессию к альтернативным точкам зрения, тем самым неся угрозу свободе слова². Эти особенности вполне коррелируют с пониманием культуры А. Я. Флиером как «нормированной несвободы», модели «социальной справедливости»³. Последняя подразумевает как раз определённую «меру несвободы, <...> степень социальной обусловленности поведения индивида»⁴. Учитывая ограничивающую природу культуры как совокупности правил, норм и установлений, «соблюдая которые, человек демонстрирует свою социальную лояльность, полное подчинение порядкам жизни в данном обществе»⁵, «культура отмены» как негативная форма динамики культуры объединяет весь спектр технологий установления и поддержания установленного субъективного порядка в конкретном обществе. Но за счёт своей односторонности, отсутствия коммуникации, чувствительности к другим ценностям и смыслам любые её проявления деструктивны, даже те, что изначально были направлены на достижение социальной справедливости.

Так, расовые угнетения на Западе осуждаются общественностью преимущественно в отношении представителей негроидной расы, а нарушение прав (в том числе и на свободу слова) белых таковым не считается. Например, на фоне движения BLM во Франции убрали из названия романа Агаты Кристи слово «негритят», теперь он называется «Их было десять»⁶. Однако, например, в это же время в американском обществе совершенно не обращают внимания на проблему реабилитации индейцев, эти

¹ Ерохина Т. И. «Культура отмены» в контексте «новой этики» // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 209.

² Там же. С. 209–210.

³ Флиер А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры // Культура культуры. 2019. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Натиск культуры отмены // Журнал «Королевские ворота» [Сайт]. URL: <https://korolevskievorota.ru/natisk-kultury-otmeny/> (дата обращения: 21.11.2023).

идеи не находят отражения в современной социокультурной повестке США. Сегодня ценности «новой этики» являются не социально-культурным, а политическим инструментом, превращая её в «тоталитарные механизмы принуждения и контроля»¹.

Таким образом, «культура отмены» как *форма социального исключения*, связанная с нарушением этико-моральных норм, является эффективным механизмом манипуляции общественным мнением², в основе которого находятся глубинные ценностные установки, напрямую влияющие на идентичность человека³. Они входят в прямое противоречие с устоявшимися культурными кодами и искажают, а иногда и разрушают привычное межкультурное взаимодействие⁴. Опираясь на *цивилизационный подход* (параграф 1.1), «культуру отмены» можно рассматривать как особый инструмент новых идентификационных стратегий, искажающий прежние и создающий новые формы культурной идентичности.

Однако зачастую «культуру отмены» как сугубо этическую форму исключения за неприемлемое поведение практически не рассматривают, усматривая в технологиях отмены ярко выраженную политизированность и связывая этику и политику.

«Культура отмены» как социально-политическая технология. Наиболее обширную группу исследований канселлинга представляют работы, акцентирующие внимание на *социально-политической природе* феномена культуры отмены. Так, Ив Нг, отмечая, что «культура отмены» возникает на определенном этапе социокультурного и политического развития общества, избегает его чрезмерной конкретизации только на

¹ Натиск культуры отмены // Журнал «Королевские ворота» [Сайт]. URL: <https://korolevskievorota.ru/natisk-kultury-otmeny/> (дата обращения: 21.11.2023).

² См.: Симхович В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль) : материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума». Минск, 2022. С. 212–219.

³ См.: Малыгина И. В. Identity capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 217–220.

⁴ Mujtaba B. G., Cavico F. J. Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era // SocioEconomic Challenges. 2020. 4(4). P. 132–150.

этической составляющей. Американский профессор под «культурой отмены» понимает как практики, «которые включают действия против цели отмены, которой может быть человек, бренд или компания, так и дискурсы [отмены], которые являются комментариями об отмене (здесь и далее перевод мой. – О.К.)»¹. Например, через призму «культуры отмены» она рассматривает социальные движения (против домогательств #MeToo, против расизма BLM)² и политические явления (импичмент Д. Трампа)³, повлекшие за собой как репутационные, так и экономические последствия (например, санкции Китая против Dolce & Gabbana)⁴. В американских исследованиях канселлинга акцент делается именно на социально-политические механизмы отмены «как вмешательства социальной справедливости»⁵ в ситуации, где большинство (либо активное и политически поддерживаемое меньшинство) усматривает угрозу национальным ценностям и личным убеждениям. Социально-политический контекст «культуры отмены» сосредоточен вокруг проблемы свободы слова, и представлен диаметрально противоположными взглядами. Так, с одной стороны, достаточно многочисленная группа западных и отечественных исследователей подчёркивает деструктивный для общества характер культуры отмены, проявляющийся в её понимании как конкретной технологии борьбы с неудобными взглядами и мнениями путем публичного порицания и исключения индивида из социальной структуры. Так, профессор Колумбийского университета Дж. Маквотер подчеркивает, что даже в научной, университетской среде его коллеги ощущают «постоянный страх» «...за свою карьеру, потому что их мнения несовместимы с нынешним просветленным сценарием»⁶. О. Ю. Юхнина также указывает на «перегибы»

¹ Ng Eve. *Cancel Culture: A Critical Analysis*. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. P. 12.

² Там же. P. 54–60.

³ Там же. P. 85–88.

⁴ Там же. P. 109–113.

⁵ Farries E., Kerrigan P., Siapera E. Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // *Television & New Media*. 2024. Vol. 26. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469> (дата обращения: 21.01.2025).

⁶ McWhorter John. *Academics Are Really, Really Worried About Their Freedom. Some fear for their career because they don't believe progressive orthodoxies* // *The Atlantic*. 1 Sept. 2020. URL: www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/academics-are-really-really-worried-about-their-freedom/615724/ (дата обращения: 19.02.2025).

при применении «культуры отмены», когда преследования за публичные высказывания угрожают не только карьере, но и «личной безопасности человека»¹. Все эти процессы с большой долей вероятности могут привести к установлению «общественного диктата»², что противоречит самой идее борьбы за справедливость, лежащей в основе появления современных технологий «культуры отмены».

С другой стороны – целый ряд исследователей не видит в «культуре отмены» никакой угрозы свободе слова³, отмечая, что канселлинг – это борьба за социальные равенство и справедливость. Так, Х. Гиоргис отмечает, что в последнее время «защита “свободы слова” часто использовалась людьми, наделенными властью, в ответ на критику, которая хотела призвать их к ответственности за реальный вред, который их слова могут причинить»⁴. Сами политики также нередко относят «культуру отмены» именно к политическим технологиям. Так, Д. Трамп (первый среди политиков подвергнувшийся этой технологии⁵) в своей речи в 2020 году назвал канселлинг политическим инструментом левых, позволяющим увольнять людей с работы, осуждать инакомыслие и требовать «полного подчинения от всех, кто не согласен»⁶.

О такой двоякости трактовок «культуры отмены» в американском обществе говорит и Д. Пареньков, отмечая, что существуют минимум два разновекторных понимания данного понятия: это морально-этическое и социально-политическое. В первом случае речь как раз и идёт о движениях «новой этики», задача которых – установление социальной справедливости

¹ Юхнина О. Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 256.

² Там же.

³ Álvarez Trigo L. «Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters» // PopMeC Research Blog. 25 September 2020. P. 11.

⁴ Giorgis H. A Deeply Provincial View of Free Speech // The Atlantic. 13 July 2020. URL: www.theatlantic.com/culture/archive/2020/07/harpers-letter-free-speech/614080/ (дата обращения: 19.02.2025).

⁵ См.: Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России // Власть. 2022. №3. С. 65–69.; Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 14.

⁶ Цит. по: Álvarez Trigo L. «Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters» // PopMeC Research Blog. 25 September 2020. P. 11.

путём защиты уязвимых членов социума. Здесь «культура отмены» приобретает форму «culture of accountability» («культура ответственности»)¹. А во втором она же представляет собой «инструмент цензурирования и «модерирования» политического и социального пространства»². Причём масштаб и разнообразие различных практик «культура отмены» приобретает именно в случае её использования как внутривполитической технологии, а после 2022 года – и геополитической, когда стали предприниматься попытки вывести технологии отмены на международный уровень борьбы с Россией. Л. В. Коцюбинская и Е. А. Марутина отмечают, что именно способность «влиять на сознание и поведение людей»³ обусловили трансформацию «культуры отмены» в инструмент политической (а значит и цивилизационной) борьбы.

Таким образом, социально-политический подход к определению культуры отмены можно условно разделить на два уровня: внутривполитический и международный (цивилизационный).

В первом случае «культура отмены» рассматривается рядом исследователей (преимущественно американских) как технология внеинституционального скрытого контроля властью определенных групп населения. Как отмечает П. Норрис, культура отмены выступает «формой подавления альтернативных точек зрения»⁴ и продвижения желаемых взглядов и ценностей, «находящихся в мейнстриме»⁵, в то время как аналогичные, но непопулярные по какой-либо причине события не находят такого социального отклика. Мередит Д. Кларк называет её технологией «сетевого фрейминга существующих социальных проблем теми, кто

¹ Пареньков Д. Отменяй и властвуй? «Культура отмены» в мировой политике // Валдай: Международный дискуссионный клуб [Сайт]. 07 июня 2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/> (дата обращения: 21.02.2025).

² Там же.

³ Коцюбинская Л. В., Марутина Е. А. Феномен «культура отмены» в лингвофилософском осмыслении // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 192.

⁴ Norris P. Cancel culture: Heterodox self-censorship or the curious case of the dog-which-didn't-bark // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP23-02. July 2023. URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/cancel-culture-heterodox-self-censorship-or-curious-case-dog-which-didnt-bark> (дата обращения: 21.11.2023).

⁵ Натиск культуры отмены // Журнал «Королевские ворота» [Сайт]. URL: <https://korolevskievorota.ru/natisk-kultury-otmeny/> (дата обращения: 21.11.2023).

находится у власти»¹, когда критическое мышление подменяется эмоциональной составляющей. «Культура отмены», по словам Э. Фаррис, рождается из желания контролировать² то, что им не подчиняется. Таким образом, при помощи технологий отмены разжигаются социальные споры, подавляются альтернативные точки зрения и население отвлекается от реальных проблем³.

С позиций социально-политического дискурса «культура отмены» как проявление «политического остракизма»⁴ описывается и отечественными исследователями. В русскоязычном сегменте данный подход подразумевает под «культурой отмены» политический инструмент, внеинституциональную, неформальную технологию контроля. Л. В. Дериглазова и А. М. Погорельская приходят к выводу, что в сфере политики технология «культуры отмены» получила свое распространение именно благодаря своей цифровой природе, так как представители политической сферы «активно используют социальные сети для продвижения своих идей, распространения информации о своей деятельности и прямого общения со сторонниками или избирателям»⁵.

В данном контексте также следует отметить неолиберальную концепцию «социальной силы», в рамках которой для современного государства постулируется возможность добровольного выстраивания ценностей и норм, которые «желательны» для «международного» сообщества. В свою очередь, если оппонент такого государства подчеркивает своё несогласие с установленными стандартами, то оно может интерпретировать его действия как нелегальные, проводя процедуру «мягкой

¹ Meredith D. Clark. Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture» // *Communication and the Public*. Vol. 5. Iss. 3–4: Special Forum on Digital Culture and Society, September-December 2020. P. 88–92.

² Farries E., Kerrigan P., Siapera E. Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // *Television & New Media*. 2024. Vol. 26. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469> (дата обращения: 21.01.2025).

³ Там же.

⁴ Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // *Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность*. 2021. Т. 1. № 1. С. 14.

⁵ Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // *Вестник МГИМО-Университета*. 2023. 16(4). С. 8.

делигитимации» («soft disempowerment» П. Браннаган¹, И. Манор). Как отмечает в данной связи М. И. Савченкова: «Мягкая делигитимация – это действия или бездействие государства, которые в конечном итоге приводят к озабоченности, оскорбляют или отталкивают других, что приводит к потере доверия и привлекательности. Теория мягкой делигитимации становится безупречной концептуальной иллюстрацией политики «новой этики», а её преобладающим инструментом – культура отмены»².

В целом ряде исследований отмечается, что в России на внутригосударственном уровне данная технология не приобрела такого масштаба и влияния, как на Западе и носит хаотичный характер³. Интересно замечание А. В. Никитина об осознании ценности исторической памяти в современной России⁴, что, в отличие от ситуации в Европе и США, не позволило развиваться борьбе с культурным наследием как элементе современной «культуры отмены». Л. Г. Фишман также отмечает ограниченный характер распространения технологий «культуры отмены» в России, называя среди причин уже пережитый социальный опыт отмены в прошлом, «страх; распространение отчуждения вплоть до прямого предательства <...>; публичное самоуничтожение»⁵. После 2022 года, с началом специальной военной операции негативные тенденции в России ослабели и даже появился некий эквивалент западной «культуре отмены», заключающийся в требованиях отмены концертной и публичной деятельности противников СВО и придерживающихся антипатриотической

¹ Brannagan P. Soft Power and Soft Disempowerment: Qatar, Global Sport and Football's 2022 World Cup Finals // *Leisure Studies*. 2015. Vol. 34. No. 6. P. 703–719.

² Савченкова М. И. Культура отмены в современном исследовательском дискурсе: теоретические и исторические детерминанты // *Власть*. 2024. №3. С. 192.

³ См.: Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России // *Власть*. 2022. №3. С. 65–69.; Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // *Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность*. 2021. Т. 1. № 1. С. 21.

⁴ Никитин А. В., Орлинская О. М., Седаев П. В., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Культура отмены: причины трудностей развития в России // *Власть*. 2022. №3. С. 67.

⁵ Фишман Л. Г. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? // *Антиномии*. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 73.

позиции¹. С необходимостью подчеркнём, что основное отличие от западной «культуры отмены» заключается в отсутствии стихийности и внеинституциональности, так как эти отмены осуществляются властями по требованию гражданского общества и не выходят за рамки правового поля. И самое важное – в России «культура отмены» касается отдельных персоналий (отменяемых не по культурному признаку) и не выходит на межкультурный уровень, и тем более – культурно-цивилизационных взаимодействий.

Международное проявление (цивилизационный аспект) «культуры отмены» появляется в 2022 году, когда при усилении геополитического противостояния она интерпретируется в отечественном коммуникативном поле как удаление культуры, гибридная война с неудобными культурными ценностями².

Как отмечает Э. Фаррис, под «культурой отмены» сегодня понимают целый спектр разрозненных «практик, дискурсов и идеологических позиций для содействия поляризованной, реакционной и/или стратегически связанной с сетью общественности в контексте цифровой политики и (возрождения) культурных войн (перевод мой. – О. К.)»³. Американские исследователи рассматривают «культуру отмены» «как сложную территорию, где разыгрываются битвы за власть»⁴, причем посредничество власти в поддержке механизмов отмены, а также её возможности в цифровом пространстве нельзя игнорировать как один из ключевых факторов и важных условий осуществления отмены. Л. В. Дериглазова и А. М. Погорельская при описании природы «культуры отмены» акцентируют внимание именно на её международном проявлении как отмене русской культуры. Они определяют её как инструмент «коллективного действия против конкретной страны и

¹ Фишман Л. Г. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? // Антиномии. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 79.

² См.: Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 109–111.; Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 15–23.

³ Farries E., Kerrigan P., Siapera E. Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // Television & New Media. 2024. Vol. 26. Issue 1. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469> (дата обращения: 21.01.2025).

⁴ Там же.

всего, что с ней связано, включая бизнес, культуру, спорт, образование и науку»¹, подчеркивая масштабность объектов отмены.

Особым видом политических технологий отмены является её применение при ведении гибридных войн. Один из наиболее известных отечественных специалистов в области государственной безопасности И. Н. Панарин, описывая сущность и природу гибридных войн как «гуманитарных операций»², включающих «информационное и идеологическое воздействие»³, отмечает, что стратегии их ведения сформулированы в основополагающих доктринах США и Европы и направлены, прежде всего, на разрушение российской государственности. Сегодня, по оценкам политолога, этот тип войны активно использует цифровое пространство, «где сами информационные технологии являются оружием воздействия, поскольку <...> побеждает тот, кто контролирует <...> население, государственное управление, образование, культуру»⁴. Одной из разновидностей гибридной войны является её консциентальная форма, описывая которую Н. А. Комлева отмечает: «Сущностью консциентальной войны – понятия, введенного в научный оборот Ю. В. Крупновым и Ю. В. Громыко в 1996 году – является системное замещение и/ или ликвидация основных ценностей массового сознания того или иного общества с целью изменения его самоидентификации в целях обеспечения его латентной полной управляемости извне»⁵. Таким образом, «культура отмены» на междоцивилизационном уровне может определяться как современная цифровая технология гибридной войны, позволяющая успешно воздействовать на идентичность, культуру и национальное самосознание человека.

¹ Дериглазова Л. В., Погорельская А. М. Культура отмены в политике и международных отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2023. 16(4). С. 9.

² Панарин И. Н. Основы теории «гибридной войны» // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. №4. С. 58.

³ Там же. С. 60.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ Комлева Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С.16.

В соответствии с данными векторами, не противоречащими, а скорее дополняющими друг друга, можно выделить *основные черты* концепта «культура отмены»:

1. Массовость и публичность, обеспечиваемая посредством распространения в цифровом пространстве. Свою масштабность культура отмены как инструмент гражданского общества получила, как уже отмечалось выше, за счёт появления и развития новых информационных каналов и медиа-технологий. Обратимся здесь к концепции постиндустриального общества Д. Белла, отмечавшего смену областей влияния с промышленности на информацию: «основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает»¹. Массовость и общедоступность информации, а также доступность цифрового пространства детерминируют расширение регулятивных механизмов, влияющих на социальные процессы.

«Культура отмены» в самом широком смысле сегодня определяется именно как «публичное общественное осуждение и порицание слов и/или действий известной личности или компании»². Её следствием является прекращение сотрудничества, отказ от взаимодействия и поддержки за неприемлемые слова и действия, т.е. «не имеющими права на существование»³. Таким образом, единой основой использования данной технологии является *массовость* её распространения и *публичность* сфер применения – информационной, культурной, социальной, политической⁴. Алгоритм её воздействия также основан на публичности и массовости. Так, например, Г. Кузнецов и М. Ступко, выделяя пять характерных этапов активизации и осуществления механизмов «культуры отмены», отмечают,

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 20.

² Мельник А. В. Культура отмены России странами Запада как инструмент политического давления // Вопросы студенческой науки. 2023. №7 (83). С. 77.

³ Там же. С. 77.

⁴ Бойко А. В. Девиантологический потенциал «культуры отмены» // Таврические студии. 2021. № 28. С. 5.

что запуск отмены начинается как раз с различных форм социального сплочения, указывающих на «общность и массовость протестной группы»¹ всем сторонам процесса отмены. Эта общность выстраивается на принятии и уточнении конкретных нарративов, связанных, как правило, либо с отстаиванием уже существующих социальных норм (недопустимость личных отношений в профессиональной среде²), либо с введением новых/искажением устоявшихся взглядов в общественное пространство (университетские движения в США³). Общее информационное пространство создаёт условия для формирования активного ядра индивидов, разделяющих новые нормы, и обеспечивает массовость протестов. Также, несмотря на многочисленность индивидов, не разделяющих либо нарушающих «новые нормы», как правило, отмена направляется на публичное лицо, имеющее значительное социокультурное влияние. Как отмечают Г. Кузнецов и М. Ступко, «группа концентрируется на “отмене” нескольких наиболее заметных представителей, так как действия в их отношении привлекают всеобщее внимание и таким образом способствуют трансформации социальных норм»⁴. Так, например, движения в рамках «культуры отмены» в наибольшей степени сосредоточены на публичных кампаниях и личностях, так как именно они влияют на общий социально-культурный фон и возможности смены идентификационных стратегий. Массовость в движении Black Lives Matter проявляется, например, в критике «авторов расистских учебников, смертельных случаев полицейского насилия в цветных общинах, расовых стереотипов, используемых при продаже потребительских товаров,

¹ Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // СоциоДиггер. 2022. Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. С. 41.

² См.: Ng Eve. *Cancel Culture: A Critical Analysis*. New York: Palgrave Macmillan, 2022. P. 54–60.

³ См.: Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. 28 p.; Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20, № 1. С. 126–144.

⁴ Кузнецов Г., Ступко М. Культура отмены: история и современность // СоциоДиггер. 2022. Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. С. 41.

и факультетов университетов, которым не хватает [этнического] разнообразия (перевод мой. – О. К.)»¹.

Именно массовость и публичность лежат в основе такой инструментальной особенности «культуры отмены», как формирование общественного мнения. Искажение исторических и социальных нарративов (подробнее см. параграф 1.2) зависит, в первую очередь, от личностного фактора, когда «одно и то же сообщение может приобретать совершенно разный смысл и получать совершенно разный резонанс в зависимости от личности, распространяющей информацию»². «Культура отмены», возникшая как технология борьбы за справедливость и привлечения к ответственности публичных деятелей за противоправные проступки, становится субъективизированным инструментом травли за высказывания личного мнения³.

2. Внеинституциональность, а, следовательно, отсутствие структуры, присущей правовым институтам. Рассматривая право как систему регламентации, В. А. Виноградов подчеркивает, что культура отмены «действует <...> противоположным и разрушительным способом, устанавливая больше хаоса, чем порядка. <...> по сути является антиправовым понятием, так как опирается на шаткий фундамент ничем не регламентированного мнения толпы, а также слухов и домыслов»⁴. Например, в правовом контексте «культура отмены» представляет собой симулякр публичной казни человека или целой группы лиц. Отмена, как отмечает В. А. Виноградов, «приводит к “репутационной смерти”»⁵ в публичном пространстве. Правовая наука оценивает «культуру отмены» с позиций расширения механизмов гражданского общества и ставит её в один

¹ Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. P. 1.

² Быков И. А., Ахмедова Ю. Д. Культура отмены в политическом дискурсе современной России // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2021. Т. 1. № 1. С. 16.

³ Там же.

⁴ Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 19.

⁵ Там же.

ряд с такими феноменами, как травля «(буллинг), шейминг, остракизм, абьюз, оскорбление»¹. Особенностью именно «культуры отмены», в отличие от того же буллина, является возможность воздействия на субъекты разноуровневого статуса. Это явление, как подчеркивает М. В. Баранова, биполярно, так как может как снимать напряженность в социуме за счёт озвучивания противоположных взглядов, так и вызывать острую напряженность и провоцировать рознь². К. Э. Лисица и В. А. Туркулец отмечают, что «культура отмены», отчасти дублируя правовые механизмы, выступает «опасной современной формой социальной стигматизации»³, ввиду нарушения основополагающих свобод и прав человека при отсутствии механизма защиты и противодействия.

По сути, дублируя функции права, механизм «культуры отмены» не имеет установленных правил и норм и представляет собой «“изъятие” неугодного субъекта из культурной (правокультурной) среды социума с помощью специальных технико-социальных приемов и средств дискриминации человека, унижения его чести и достоинства, агрессивного преследования, применения насилия»⁴. Сопоставляя право и «культуру отмены» отметим, что в последней отсутствуют:

– *Презумпция невиновности*. Особенностью соотношения правовых отношений и технологии канселлинга является досрочное (до запуска правового механизма) публичное обвинение и «наказание» отменяемого в информационном пространстве. Так, иллюстративной является ситуация с обвинением американского актёра Кевина Спейси в 2017 году в харрасменте⁵. Ещё до подачи иска потерпевшими, «продюсеры рейтингового

¹ Баранова М. В. Субъекты канселлинга (cancel cultur): сущностная специфика и правовой статус // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского. М., 2021. С. 71.

² Баранова М. В. Канселлинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен // Юридическая техника. 2021. №15. С. 125.

³ Лисица К. Э., Туркулец В. А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 109.

⁴ Баранова М. В. Канселлинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен // Юридическая техника. 2021. №15. С. 128.

⁵ Воскрешение Кевина Спейси. Звезда «Карточного домика» получил первую кинопремию после отмены в 2017 году // Kursiv LifeStyle [Сайт]. 9 июля 2024. URL: <https://kz.kursiv.media/2024-07-09/lfst-ttkn->

сериала, где он исполнял главную роль, расторгли с ним договор, не дожидаясь судебной перспективы, фильмы с его участием исчезли из эфира национального телевидения»¹. Показательно, что иск был подан только в 2022 году, а в 2023 актёр был оправдан по всем обвинениям. Как мы видим, репутационные и материальные потери, наступившие в результате отмены, не только несоизмеримо высоки, но и зачастую несправедливы.

– *Срок исковой давности деяния.* Отмене подвергаются даже исторические личности и искажаются давно прошедшие события (подробнее см. параграфы 1.2, 1.3).

– *Институт обвинения и защиты.* Вместо этого механизм «культуры отмены» предполагает два вида субъектов: отменяемые, или, как обозначает их М. В. Баранова – «изымаемые» из социальной среды, и хаотично, ситуативно сгруппированные отменяющие субъекты – «изымающие», неправоммерно взявшие на себя функции представителей органов власти². Отменяющие субъекты представляют собой неоднородную и многочисленную (за счёт глобального распространения цифрового пространства) группу, не ограниченную никакими гражданскими либо иными рамками. Особое место здесь занимает анонимность пользователей социальных сетей, позволяющая безнаказанно и без правовых последствий транслировать свою точку зрения и не предполагающая механизмов обратного взаимодействия. Таким образом, отменённый субъект оказывается один на один с обвинениями и отсутствием механизмов оправдания за счёт массовости субъектов обвинения: «субъект «отмены» фактически лишен возможности защищаться, решение вынесено, попытки объясниться или оправдаться, как правило, не имеют успеха»³.

kevin-spacey/#:~:text=B%20июле%202023-

го%20Кевин,говоря%20о%20многомиллионных%20долгах%20адвокатам. (дата обращения: 10.10.2024).

¹ Баранова М. В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен // Юридическая техника. 2021. №15. С. 125.

² Баранова М. В. Субъекты канселинга (cancel cultur): сущностная специфика и правовой статус // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского. М., 2021. С. 72.

³ Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 21.

– *Возможность вынесения справедливого приговора ввиду отсутствия критериев справедливости.* М. В. Баранова отмечает отсутствие у культуры отмены таких важных для социального регулирования элементов, как гибкость, механизмы сдерживания, наличие «четких границ допустимого»¹.

– *Регламентированные способы и методы воздействия.* Их в «культуре отмены» заменяют оскорбления, публичная травля в цифровом пространстве, буллинг, замаскированный под справедливость. Они, по своей природе, представляют собой «акт дискриминации человека, унижение его чести и достоинства, часто выражаемое в неприличной форме, агрессивное преследование, применение насилия с последующим изгнанием неугодного лица из разного рода коллективов»². Результат «культуры отмены» – это исключение человека из культурной среды, лишение всех социальных привилегий, напоминающее по своей цели гражданскую казнь (см. параграф 1.3). Отметим, что ввиду отсутствия механизмов регламентации отмены для запуска механизма исключения достаточно только публичного заявления индивида или группы, считающей себя жертвой и требующей установления справедливости: «неосторожное слово в русле популярного в обществе мнения – и человек обречен. Достаточно одного публичного заявления «жертвы» – и обвиняемый тут же признан виновным»³. Процесс отмены не нуждается в доказательствах вины, а потому совершенно неуправляем и не поддается институционализации. По сути, «культура отмены» способствует разжиганию вражды и формированию отвергающего компромисс общества⁴.

3. Цензурирование культуры как изменение или искажение её ценностного ядра. Профессор философии Б. Лорд из Абердинский

¹ Баранова М. В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен // Юридическая техника. 2021. №15. С. 128.

² Баранова М. В. Субъекты канселинга (cancel cultur): сущностная специфика и правовой статус // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского. М., 2021. С. 72.

³ Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 3. С. 21.

⁴ Лисица К. Э., Туркулец В. А. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 109.

университета (Шотландия), напрямую связывает возникновение и развитие «культуры отмены» в университетских кругах с аксиологическими установками. Анализируя причины отмены мероприятий, связанных в противоречивыми либо «острыми» высказываниями публичных людей, Б. Лорд приходит к выводу, что в основе канселлинга лежит вовсе не рациональное (продиктованное стремлением к безопасности) желание лишить свободы слова нежелательных субъектов, а «эмоция: желание не слушать то, с чем они не согласны»¹, описываемая Б. Спинозой как «амбиция – это желание, чтобы все чувствовали себя так же, как я. <...> это желание, чтобы другие любили и ненавидели именно то, что любим и ненавидим мы. Это желание заставить других думать и чувствовать точно так же, как мы. <...> «отвратить от себя» тех, кого невозможно убедить сделать это, – поскольку эти несогласные снижают наше чувство собственного достоинства (перевод мой. – О. К.)»². И именно в этом желании проявляется деструктивный характер «культуры отмены», так как любое несогласие с собственными взглядами и ценностями воспринимается обществом не как органичное разнообразие, а как прямая угроза собственной идентичности, а потому должно быть исключено.

4. Опора на идентификационные стратегии. «Культура отмены» является искаженной идентификационной технологией, когда, как отмечает С. Бенхабиб, привычные идентификационные процессы, позволяющие человеку самому определить свою культурную, социальную, конфессиональную принадлежность, заменяются вынужденным присоединением к политически либо социально одобряемым группам. Происходит подчинение «своей настоящей идентичности задачам самоутверждения определенных групп»³. М. В. Субботина, определяющая

¹ Lord B., Douglas A. Spinoza and «no platforming»: Enlightenment thinker would have seen it as motivated by ambition rather than fear // The Conversation [Сайт]. 11 March 2020. URL: <https://theconversation.com/spinoza-and-no-platforming-enlightenment-thinker-would-have-seen-it-as-motivated-by-ambition-rather-than-fear-133379> (дата обращения: 21.01.2025).

² Там же.

³ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М., 2003. С. 62.

«культуру отмены» и как форму порицания, служащую для продвижения собственных взглядов, и как определенную искусственно созданную идеологию, строящуюся на власти и угнетении¹, также подчеркивает значимость «групповой идентичности»² в процессах отмены. Исходя из концепции профессора О. Н. Астафьевой, идеальная «модель коллективной идентичности выстраивается с учетом многообразия индивидуальных решений самоидентификации, которые оказываются встроенными в процесс конструирования коллективной идентичности»³. В рамках движений «новой этики» на первый план выходит «борьба с дискриминацией» и неравенством как форма защиты групповой (реальной или виртуальной) идентичности⁴. А. В. Топилина подчеркивает, что западный тип мышления строится на чёткой оппозиции «между “мы-группой” и “они-группой” <...>, заставляя проводить строгое разделение между “своими” и “чужими” с явным превалированием ценностей “мы-группы”»⁵. И. В. Малыгина, описывая идентичность в качестве базовой антропологической характеристики, отмечает, что «оппозиция “я – другое” закрепились в качестве устойчивой универсалии сознания»⁶ в качестве начала культурогенеза, противопоставившего человека природе. А. В. Швецова также отмечает, что идентичность строится на отделении «своего» от « “иного” и “чужого”, и даже “чуждого”. Это “иное” – не обязательно враждебное, но принципиально отличное от “своего”, носящее те качества, которые отличают его от “своего”

¹ Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 35.

² Там же.

³ Астафьева О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории : научный альманах. Т. 5. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. М., 2011. С. 226.

⁴ Топилина А. В. «Культура отмены» как репрессивный инструмент «новой этики» // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 2 (105). С. 206.

⁵ Там же. С. 207.

⁶ Малыгина И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (829). С. 175.

сообщества»¹. Переход «иного» в «чужое» вызывает порождение «негативной идентичности»², что как раз и порождает процессы отмены.

В современной цифровой цивилизации происходит дальнейшее усложнение идентификационных стратегий и размытие их векторов. Так, ещё М. Кастельс отмечал, что в современном мире люди «организуют свои смыслы <...> на основе <...> своих представлений о том, кем они являются»³, что напрямую коррелирует с технологиями «культуры отмены», способствующими появлению «ложных зон компетентности» и «массовой когнитивной слепоты», о которых речь шла выше. Ослабление базовых культурных связей приводит к необходимости формирования новых, зачастую неустойчивых «форм социальности», «нередко заменяя их симулякрами, продуцируемыми пост-культурой»⁴. Эти ценности и смыслы, порождённые ложной идентичностью в цифровом пространстве, требуют агрессивной защиты, перерастающей в кибербуллинг и иные проявления «культуры отмены».

Таким образом, идентичность всегда напрямую связанная с бинарным противостоянием, чаще всего касающимся национально-культурного самоопределения индивида, является одной из сфер воздействия технологий «культуры отмены». Наиболее ярким примером здесь является противопоставление *цивилизованный vs варварский* (параграф 2.1), лежащее в основе современных геополитических войн и цивилизационного разлома, прежде всего между Западом и Востоком, Западом и Россией⁵. Как отмечает О. В. Большакова, «образ варваров, живущих на периферии античного мира (для греческих авторов это была, прежде всего, Скифия, для римлян – северные районы Европы, Барбарикум), вошел в европейскую традицию

¹ Швецова А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 6. С. 658.

² Там же.

³ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С. 27.

⁴ Малыгина И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (829). С. 179.

⁵ Малыгина И. В. Российская идентичность в контексте цивилизационных разломов Запада и Востока // Культура культуры. 2016. № 2 (10). С. 9. URL: <http://cult-cult.ru/the-russian-identity-in-the-context-of-civilizational-rift-between-the-west-and/> (дата обращения: 14.05.2025).

довольно рано и стал значимым «Другим» для построения идентичности европейцев. В Средние века она выковывалась в противостоянии угрозе, шедшей с востока»¹. Эта оппозиция нашла своё отражение и в появлении европоцентризма, что привело к искусственному возвышению одной и угнетению других культур. Такое противопоставление сегодня также приобретает значимость в технологиях «культуры отмены» как на внутрикультурном, так и на межкультурном уровнях. По своей сути сегодня данная технология является механизмом регуляции интерпретаций культурных и исторических нарративов, причем как внутренних, так и внешних по отношению к конкретному социуму². В этом контексте социально-исторические проявления «культуры отмены» представляют собой частные случаи контркультурных движений различного толка (например, установление христианства в Римской империи, движение левых в Европе и России, революции, в том числе и культурные в XX веке, и т.п.) Отсюда формируется восприятие «культуры отмены» как определенной социально-культурной технологии, оказывающей влияние на идентичность человека либо целых обществ. В рамках межкультурных войн³ и цивилизационных проявлений она выходит за рамки своей культуры, покушаясь на иные, чужие ценности (устоявшиеся культурные коды) для утверждения своих, активно включаясь в культурную политику (отмена Западом русской культуры). Как отмечает И. В. Малыгина, «...идентичность зачастую становится тем пределом, той границей, на которой разворачиваются глобальные конфликты современного мира»⁴, и уничтожение другой культуры, разрушение и искажение чужих ценностных

¹ Большакова О. В. Концепт «Запад» и историографические образы России // Труды по русистике. 2016. Выпуск 6. С. 355.

² Костенко О. В. «Культура отмены» как механизм искажения национальной идентичности // Проблемы идентичности в реалиях современного мира: междисциплинарный подход. Материалы международной научно-практической конференции 27–28 сентября 2024 года; отв. ред. : О. В. Васина, Е. И. Барышникова. 2024. С. 44.

³ Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 109.

⁴ Малыгина И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 357.

установок, лежащее в основе «культуры отмены», свидетельствует о прямой связи последней с консциентальными войнами современности. Таким образом, в контексте цивилизационного подхода «культура отмены» представляет собой искажающую идентичность технологию, в основе которой находится игнорирование, замалчивание и даже стремление к уничтожению чужой культуры, то есть нормативной аксиологической и поведенческой системы, которая «задает определенные границы ... активности человека»¹.

5. Деструктивность. «Культура отмены» представляет собой деструктивную форму межкультурной коммуникации, «манифестации культурной идентичности»², ключевой особенностью которой является отсутствие диалога, что подразумевает односторонний вектор движения культуры. По сути, «культура отмены», относящаяся к проявлениям «нормальной аномии», представляет собой инструмент «дегуманизации» коммуникативных отношений, переводу их в одностороннее русло³. Она является дисфункциональной по своей природе, так как, во-первых, не приемлет альтернативных норм и ценностей, являясь «перерождением радикального либерализма с возможностью формирования и реализации экстремистских идей и взглядов»⁴, а во-вторых – искажает семантику понятия «социальная справедливость», в результате чего она часто перерастает в общественные преследования⁵. Это позволяет дефинировать «культуру отмены» как форму сублимации терроризма, определяемого исследователями в качестве «деструктивной формы сопротивления»⁶

¹ Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 109.

² Малыгина И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 357.

³ См.: Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 3–10.

⁴ Бойко А. В. Девиантологический потенциал «культуры отмены» // Таврические студии. 2021. № 28. С. 5.

⁵ Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 250.

⁶ Кутырёв В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. №2. С. 96.

навязываемым нормам и ценностям, а также «борьбой за признание» собственных взглядов¹. Ф. Фукуяма напрямую связывает мотивы терроризма с кризисом идентичности, когда человек обнаруживает «себя между двумя культурами – культурой <...> которую они отвергают, и культурой <...>, которая не принимает их в полной мере»². Культура сегодня становится не только причиной, но и объектом экстремистских движений. По словам И. В. Малыгиной, в современном глобальном мире происходит перенос «террористической активности в символическое пространство и выбор культуры в качестве нового важного стратегического объекта»³, что, безусловно, поспособствовало как появлению цивилизационного вектора «культуры отмены».

Искажение и управляемость культурных стратегий при помощи механизмов «культуры отмены» также относится к деструктивным проявлениям. Современная «культура отмены» приводит к конъюнктурности норм морали и размыванию «системы этических координат»⁴, вследствие чего искажаются идентификационные и мировоззренческие основы общества. Так, например, К. Коктыш и А. Ренард-Коктыш сравнивают современную «культуру отмены» с методами софистов, указывая на её деструктивную природу, заключающуюся в «создании алгоритма для совершения когнитивных диверсий в любой точке земного шара»⁵. Её основной инструмент – это возвращение «когнитивной уязвимости», возникающей вследствие отсутствия приватности, и в то же время усиливающая разобщенность общества. В работах отечественных и зарубежных исследователей такое проявление «культуры отмены» получило

¹ Бочарова К. Н. Концепция «признания» Ф. Фукуямы, культурная идентичность и терроризм // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2 (94). С. 58.

² Фукуяма Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019. С. 100.

³ Малыгина И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 13 (855). С. 358.

⁴ Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4(67). С. 31.

⁵ Там же. С. 32.

название «алгокогнитивная культура»¹ вследствие порождения и распространения при её помощи упрощенных алгоритмов, которые оказывают влияние на «на формирование картины мира и ценностей статистически значимой части любого современного общества»². Методические основы софистики, лежащие в основе «культуры отмены», позволяют при помощи сетевых алгоритмов убеждать современного человека в чём угодно, действуя по принципу «мягкой силы». Ещё Платон в своих диалогах устами собеседника Сократа подчеркивал, что «искусство убеждать значительно отличается от всех других искусств, так как оно всех их заставляет рабски служить себе добровольно, а не насильно...»³. «Алгокогнитивная культура» («культура отмены», «культура постправды», «культура надзора»⁴) по оценкам, К. Коктыш и А. Ренард-Коктыш, в несколько раз усиливает влияние софизмов на человека благодаря особенностям цифрового пространства. Непрерывный поток упрощенных алгоритмов восприятия реальности, воздействующий на чувства и эмоции, рождающий новые переживания, позволяет не задумываться над смыслом той информации, что как бы фоном сопровождает современного человека, нивелируя «границы между истиной и ложью <...>. Критерии истинности размываются»⁵, а главным признаком качества (т.е. истинности информации) становится её количество. Как отмечает А. Ю. Демшина, описывая «новую чувствительность», когда личные переживания становятся важнее общепринятых норм, отмечает, что культура отмены является одной из технологий эксплуатации культурной идентичности и распространения

¹ Lovelock J. Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence. MIT Press, 2020. 160 p.; Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4(67). С. 30.

² Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4(67). С. 28.

³ Платон. Диалоги / пер. с древнегреч. В. С. Соловьева. М., 2016. С. 559.

⁴ Коктыш К., Ренард-Коктыш А. Когнитивное измерение безопасности // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4(67). С. 33.

⁵ Там же.

трансформированных ценностей, часто строящихся на иллюзиях цифрового пространства¹.

Также целый ряд исследователей подчеркивает такие *деструктивные особенности* проявлений «культуры отмены». Например, определяя «культуру отмены» как «дисфункциональный механизм регуляции общественного поведения»², Л. Ю. Шураева выделяет такие негативные последствия, как искажение семантики термина «социальная справедливость», в результате чего она часто перерастает в общественные преследования; замедляет положительные трансформации социума вследствие затруднения личностного роста; благоприятствует открытым проявлениям неконтролируемой массовой агрессии³.

Примечательно, что деструктивный характер «культуры отмены» осознает и относительное большинство опрошенных жителей западных стран. Так, в проведенном в ноябре 2021 года по заказу радио «Sputnik» исследовании французского института общественного мнения «IFop», в котором приняли участие более четырех тысяч респондентов из Германии, Великобритании, США и Франции один из вопросов касался отношения к «культуре отмены» публичных лиц, нарушивших нравственные стандарты или принципы: «Участникам опроса было предложено ответить на вопрос, поддерживают ли они рост такой “культуры отмены”. По трети опрошенных французов и американцев высказались “за”, а также 29% немцев и 27% британцев. “Против” этого явления – половина американцев, немцев и британцев, а также 38% французов»⁴. При этом авторы исследования отметили интересную и, с нашей точки зрения, тревожную тенденцию: процент одобряющих практики «культуры отмены» сравнительно выше у

¹ Демшина А. Ю. Новая чувствительность и экономика события // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2022. №3(64). С. 108.

² Шураева Л. Ю., Коринец А. Г. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z // Вестник университета. 2022. № 12. С. 250.

³ Там же. С. 250–251.

⁴ Подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску Социодиггера «Синдром отмены» №17. С. 41.

молодых людей до 35 лет, а также у респондентов с более высоким уровнем образования¹.

Таким образом, выявив, сравнив и сопоставив интерпретационные векторы и базовые признаки «культуры отмены», можно дать ей следующее определение. «Культура отмены» – это современная деструктивная форма культурно-цивилизационных взаимодействий, имеющая цифровую природу, характеризующаяся массовостью, публичностью, внеинституциональностью, неприятием альтернативных социокультурных норм и ценностей и отсутствием диалога, объединяющая ряд технологий борьбы с инакомыслием, слома или изменения социально-культурных нарративов, направленных на защиту своих и нивелирование чужих ценностных установок, что влечёт за собой искажение устоявшихся идентификационных стратегий.

По степени своего проявления она включает два уровня: *функциональный (внутрикультурный)* и *цивилизационный*. В первом случае она представляет собой социальную технологию управления общественным мнением внутри государства либо одной культурной парадигмы, во втором – механизм смены или слома культурно-цивилизационных моделей на международном, глобальном уровне. Таким образом, «культура отмены» расширяется от технологии формирования общественного мнения (инструмента социального манипулирования), до формы динамики культуры, чьей функцией является цензурирование «культурного ядра», составляющего основу культурно-цивилизационной модели.

¹ Подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску Социодигтера «Синдром отмены» №17. С. 43.

2.3 Деструктивные проявления «культуры отмены» в культурно-цивилизационных взаимодействиях (на примере русской культуры)*

Как уже было ранее заявлено (параграф 1.1), в данном диссертационном исследовании анализируемая проблематика рассматривается через призму культурно-цивилизационного подхода, основы которого были заложены Н. Я. Данилевским, А. Тойнби, С. Хантингтоном и другими теоретиками мировой культурологической мысли. На современной геополитической арене Россия – это не просто самая большая по площади страна в мире, но одна из крупнейших самобытных цивилизаций (наряду с китайской, индийской, европейской и др.) – государство-цивилизация, самобытное, имеющее глобальную миссию¹ и сплотившее «русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»². Как отмечает в своей статье начальник Управления Президента Российской Федерации по вопросам мониторинга и анализа социальных процессов А. Д. Харичев, защита ценностного суверенитета является сегодня для России такой же важной миссией, как и политическая, экономическая и технологическая независимость³. В основе российской государственности лежат, исходя из концепции Н. Г. Денисова, три «столпа»: «культура – идеология – гражданская идентичность в их естественно-историческом и социальном единстве»⁴, что и обеспечивает историческую преемственность российского цивилизационного развития.

* При написании параграфа использованы материалы опубликованных исследований соискателя, см.: №№ 70, 74, 75, 76 в списке использованных источников и литературы.

¹ Харичев А. Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. Март-апрель 2025. Выпуск №7. С. 4–10.

² Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 19.01.2025).

³ Харичев А. Д. Цивилизация «Россия» // Блокнот гражданского просвещения. Март-апрель 2025. Выпуск № 7. С. 4.

⁴ Денисов Н. Г. Триада российской государственности: культура – идеология – гражданская идентичность // Будущее России: историко-культурные и духовнонравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации : сб. мат. III Всероссийской научнопрактической конференции. Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2023. С. 43.

Как отмечается в п. 106 Указа Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом», современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всего многонационального народа Российской Федерации¹. Поэтому любая геополитическая деятельность, направленная на разрушение указанного цивилизационного кода (имеющего в своём основании традиционные духовно-нравственные ценности) неизбежно выходит на культурно-цивилизационный уровень.

Таким образом, согласно развиваемому в диссертационном исследовании подходу, деструктивная сущность «культуры отмены» активно проявляется не только в отдельных межкультурных контактах и даже межгосударственных отношениях, но и в более широком, геополитическом масштабе: являясь значимой составляющей современных межкультурных взаимодействий Русского мира и коллективного Запада: «В современных условиях культура отмены становится одним из инструментов геополитического противоборства государств, а номенклатура сфер, которые подвергаются кэнселингу, постоянно расширяется»². Современные исследователи Л. К. Салиева, Э. А. Арутюнова-Ястребкова и А. Цеппи в статье «Отмена русской/российской культуры»: культура отмены или антибрендинг России?» раскрывают деструктивную сущность «культуры отмены» интерпретируя её в качестве эффективного метода нанесения ущерба имиджу России. Подвергая сомнению возможность действительной отмены русской культуры, тем не менее, частности, авторы приходят к выводам, что она выступает: «... деструктивной технологией стратегической коммуникации стран Запада, поскольку акторами подобных действий

¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 16.02.2025).

² Савченкова М. И. Культура отмены в современном исследовательском дискурсе: теоретические и исторические детерминанты // Власть. 2024. №3. С. 193.

выступают преимущественно правительственные органы и учреждения, тогда как профессиональное сообщество и общественность чаще открыто поддерживают русскую / российскую культуру»¹. При этом авторы подчеркивают, что данная технология нацелена на нанесение не только имиджевого, но и материального ущерба российскому «... бренду в целом путём исключения нашей страны и ее представителей из культурного поля Запада, представления культуры России несвободной, зависимой от государства»².

Таким образом, заметна тенденция, что в фокус современных исследований включается акцентируемая в данной диссертационной работе *разрушительная составляющая* «культуры отмены», выходящая за рамки исключительно ценностного аспекта и активно вовлекающаяся в цивилизационное взаимодействие. В свою очередь, данная деструктивная тенденция в рамках цивилизационного подхода получает отчетливое объяснение. Как отмечает директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва В. В. Аристархов: «Понять основу идентичности российского общества позволяет так называемый ценностно-цивилизационный подход. Он основан на признании культурного многообразия мира, состоящего из отдельных сообществ, называемых цивилизациями <...> А ценности, традиционные для той или иной цивилизации, как бы "закодированы" в их материальном и нематериальном культурно-историческом наследии»³. По его мнению, человек, в процессе приобщения к истории и культуре предков, усваивает созданные ими ценности и благодаря этому конституирует собственную цивилизационную идентичность. Исходя из вышеприведённого тезиса мы можем утверждать, что организованная в настоящее время коллективная

¹ Салиева Л. К., Арутюнова-Ястребкова Э. А., Цеппи А. Отмена русской/российской культуры»: культура отмены или антибрендинг России? // Российская школа связей с общественностью. 2023. Т. 30. С. 58.

² Там же. С. 59.

³ Аристархов В. В. Характеристика угроз национальной безопасности России в нормативных актах по государственной культурной политике // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации : Сб. мат. круглого стола. М., 2021. С. 41–42.

деятельность западных стран, направленная на сознательную и целенаправленную депопуляризацию, забвение, разрушение и даже уничтожение традиционных российских ценностей и культурно-исторического наследия своим масштабом и возможными последствиями имеет все основания для интерпретации в плоскости именно культурно-цивилизационных взаимодействий. В противном случае, как далее подчёркивает автор: «Разрушение традиционных духовно-нравственных ценностей ведёт к потере Россией своей цивилизационной идентичности и в конечном счёте к утрате суверенитета»¹. Как в своё время отметил С. Хантингтон, цивилизация понимается как «наивысшая культурная общность людей и самый широкий уровень культурной идентификации»², определяясь, помимо обычаев, языка, религии и традиций, также и «субъективной самоидентификацией людей»³. Это самый высокий и осознанный уровень самоидентичности, позволяющий четко понимать своё место и отличать себя от других. Именно поэтому наиболее опасными сегодня являются деструктивные проявления в отношении цивилизационных нарративов, так как они могут исказить идентичность целых государств и глобальных общностей.

В данной связи обратим внимание на то, что попытки исключения русской культуры, искоренения России из мирового цивилизационного вектора были отмечены и ранее. Так русский философ XX века А. Зиновьев в своей работе «Русская трагедия (Гибель утопии)» с горечью констатировал, что: «Русская трагедия ещё не завершилась. Успешно осуществляется второй этап антирусского проекта. Впереди предстоит третий этап, пожалуй, самый страшный – он касается присутствия русских в истории человечества. Сущность этой части проекта: постепенно искажая и унижая вклад русских в историю человечества, в конце концов исключить их из памяти, выместить из

¹ Аристархов В. В. Характеристика угроз национальной безопасности России в нормативных актах по государственной культурной политике // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации : Сб. мат. круглого стола. М., 2021. С. 49.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М., 2003. С. 51.

³ Там же.

памяти все следы пребывания их в истории вообще, сделать так, как будто никогда такого великого народа не было. <...> Такая фальсификация истории не раз делалась в прошлом. А с современными средствами это – заурядная проблема»¹. Как справедливо подчёркивает В. А. Ремизов, «западная пропаганда вчера и сегодня стремится демонизировать Россию»².

Таким образом, сегодняшняя «культура отмены» – это гибридная война с Россией: «те, кто встал на этот путь, кто стремится вычеркнуть русскую, российскую культуру из мирового наследия»³, ведут войну именно с российской цивилизацией⁴. Cancel culture как буквально, удаление культуры, затрагивает абсолютно всё, вплоть до такого культуuroобразующего элемента, как язык. Так, например, программы по изучению русского языка и русской литературы были закрыты в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко, а также запрещены российские научные источники⁵. Аналогичным образом действуют власти прибалтийских стран, в частности, Латвии⁶. В продолжение отметим, что в разных отраслях научного знания западными странами были реализованы практики отмены русской науки. К примеру, в 2022 году Международный конгресс и Генеральная ассамблея Международного математического союза запланированные к проведению в Санкт-Петербурге были перенесены за пределы России. Польша остановила действие договора 1993 года о сотрудничестве в науке и технике, ФРГ заморозила академические программы и научные контакты Германской

¹ Зиновьев А. Русская трагедия (Гибель утопии). URL: <http://cnsa.cmlaboratory.com/pdf/index16/zinoviev-tragedia.pdf>. (дата обращения: 11.02.2025).

² Ремизов В. А. Межцивилизационный диалог в фокусе современных культурных процессов // Диалог культур и цивилизаций. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М., 2022. С. 73.

³ Путин ответил на попытки отмены русской культуры в мире // URA.RU. Информационное агентство [Сайт]. 20 сент. 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17577323> (дата обращения: 21.11.2023).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 19.01.2025).

⁵ Киевский университет закрыл программы по изучению русского и белорусского языков // Информационное агентство ТАСС [Сайт]. 24 окт. 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19100277> (дата обращения: 10.02.2025).

⁶ Елисеев Н. Молчание в эфире: в школах Латвии запретят изучение русского языка // Портал «Известия» [Сайт]. 26 апр. 2024. URL: <https://iz.ru/1687621/nikita-eliseev/molchanie-v-efire-v-shkolakh-latvii-zapretiat-izuchenie-russkogo-iazyka> (дата обращения: 16.02.2025).

Службы Академических Обменов и Альянса научных организаций¹. С 1 декабря 2024 года российским ученым было отказано в доступе к работе в находящейся в Швейцарии Европейской организации ядерных исследований (ЦЕРН)².

Очевидно, что данные действия имеют явный деструктивный подтекст и объективно противоречат общемировым тенденциям современного образования, направленным на формирование всесторонне развитой личности и общепринятым стандартам поиска, использования и распространения информации при проведении научных исследований.

На международном уровне отметим решение комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО о переносе в 2022 году 45-ой сессии из Казани³, которая позже прошла в Эль-Рияде (Саудовская Аравия), а также отказ ЮНЕСКО о поддержке в 2022 году значимых мероприятий, а также отклонение исполнительным комитетом ЮНЕСКО предложения «провозгласить 6 июня, день рождения Пушкина, Всемирным днем русского языка»⁴.

По словам А. В. Костиной, анализирующей сущность культуры как маркера и инструмента национального (в том числе и государственного) развития, одной из причин такого пристального внимания к культуре, поддержки своей и борьбы против чужих культур, является тот факт, что она, фактически, является нормативной системой, которая «задает определенные границы поведенческой активности человека: то, что находится внутри

¹ «Расприглашение» российской науки: как санкции Запада ударили по ученым // Электронное периодическое издание Московский Комсомолец [Сайт]. 03 марта 2022. URL: <https://www.mk.ru/science/2022/03/03/raspriglashenie-rossiyskoy-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-uchenym.html> (дата обращения: 16.02.2025).

² Климова А. Ученых из РФ отстранили от ядерных исследований в Европе // URA.RU. Информационное агентство [Сайт]. 01 дек. 2024. URL: <https://ura.news/news/1052850430> (дата обращения: 10.02.2025).

³ ЮНЕСКО отказалось от сессии в России. Россия не отказалась // Хранители Наследия: Независимое СМИ об архитектурном наследии [Сайт]. 24 апр. 2022. URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/zhivaya-istoriya/yunesko-otkazalos-ot-sessii-v-rossii-rossiya-ne-otkazalas/> (дата обращения: 19.02.2025).

⁴ Сергей Лавров сообщил об отказе ЮНЕСКО поддерживать все значимые мероприятия в России в 2022 году // Первый канал [Сайт]. 20 дек. 2022. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-12-20/443860-sergey_lavrov_soobschil_ob_otkaze_yunesko_podderzhivat_vse_znachimye_meropriyatiya_v_rossii_v_2022_godu (дата обращения: 24.01.2025).

границ, обладает позитивным содержанием, вне таковых – негативным и подвергается социальному осуждению»¹.

В настоящее время «культура отмены» как эффективный механизм манипулирования западным общественным сознанием активно применяется и в сфере культуры и искусства. Культура в рамках функционирования государства зачастую выступает как инструмент продвижения определенных норм и ценностей, представляя собой механизм «мягкой силы». «Культура отмены» в этом контексте – это новая форма культурного (цивилизационного) противостояния, в рамках которого происходит символическое уничтожение иной культуры как сублимация войны. И в этом смысле «культура отмены» является формой продвижения ксенофобии, и, в частности, такой её формы – как русофобия: «Отрицательные чувства ... по отношению к государству, народу, его менталитету, культуре и т.д.»² С. А. Кравченко подчеркивает, что именно «культура отмены» и русофобия являются факторами, усугубляющими современный цивилизационный кризис: «“культура отмены”, отвергающая не только западные ценности, но и свои собственные, <... > русофобия, превращение Украины в “анти-Россию”»³. По оценке О. Ю. Юхниной, «само слово «русский» становится табуированным»⁴, давая возможность «западным политикам создавать крайне негативный образ России в собственных странах»⁵. Как отмечает Е. А. Попова, «культура отмены» впервые была применена в геополитическом ключе в отношении России в начале 2022 года, когда «“спираль молчания” начала активно закручиваться с целью “отменить”

¹ Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 109.

² Попова Е. А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. 12(6). С. 41.

³ Кравченко С. А. Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России (Интерферентные риски, востребованность долговременно функционирующих факторов) // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Том 67, № 2. С. 36.

⁴ Юхнина О. Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 257.

⁵ Горлова И. И., Зорин А. Л. Проблема жизнеспособности российской цивилизации перед лицом вызовов XXI века // Культурологический журнал. 2019. № 3 (37). URL: http://cjournal.ru/rus/journals/484.html&j_id=40 (дата обращения: 07.05.2025).

Россию»¹. Она расширила понимание русофобии, под которой «стали понимать не только враждебное отношение к России как политическому образованию, но и ненависть к русским, носителям русского языка и русской культуры»². Русофобия, по оценке Т. А. Пархоменко, представляет собой ни что иное, как попытки исключить русский народ «из мирового цивилизационного процесса»³. В этой связи основным становится цивилизационный выбор, когда на первое место выходят не этнические характеристики, а добровольное принятие либо отказ от культурных кодов и смыслов. Здесь в качестве примера можно привести добровольное отрицание государственной и цивилизационной идентичности, когда после начала СВО некоторые граждане России выехали за рубеж, отказавшись, в том числе, публично, от своей страны и культуры. Таким образом, не все по происхождению русские являются носителями, репрезентаторами русского культурного кода. Подвергнувшись технологии отмены в социально-политической плоскости, эти люди становятся чужими для русской культуры, однако и не принимаются Западом, несмотря на отказ от своих взглядов, собственной культуры и идентичности, и публичное признание в качестве своей чужой идентичности и культуры.

Прежде дружественные страны, составлявшие ранее единое советское государство, как отмечают И. И. Горлова и А. Л. Зорин, «на протяжении последних лет осуществляют откровенно русофобскую политику»⁴, которую нельзя недооценивать. Л. Р. Рустамова приводит данные опроса, проведённого «в мае 2022 г. в 52 странах по заказу The Guardian»⁵, согласно

¹ Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 44.

² Попова Е. А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. 12(6). С. 42.

³ Пархоменко Т. А. Российская цивилизация : между Западом и Востоком. М., 2021. С. 115.

⁴ Горлова И. И., Зорин А. Л. Проблема жизнеспособности российской цивилизации перед лицом вызовов XXI века // Культурологический журнал. 2019. № 3 (37). URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/484.html&j_id=40 (дата обращения: 07.05.2025).

⁵ Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 48.

которому «в ряду стран, где большинство опрошенных поддержало идею разрыва подобных отношений, 20 из 31 были европейскими»¹.

Необходимость противостояния данным цивилизационным вызовам нашла своё отражение в нормативно-правовых документах последних лет. Так, на законодательном уровне определение русофобии было закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». В пункте 5 русофобия определяется как «неприязненное, предвзятое, враждебное отношение к гражданам России, русскому языку и культуре, традициям и истории России, выражающееся в том числе в агрессивных настроениях и действиях политических сил и их отдельных представителей, а также в дискриминационных действиях властей недружественных государств в отношении России»². Её усилению поспособствовал украинский кризис, послуживший основой «для развязывания гибридных войн против Российской Федерации»³. Также в целях противодействия русофобии в 2023 году была утверждена «Концепция внешней политики Российской Федерации»⁴, в которой определены приоритеты по защите российской цивилизации.

Рассматривая проявления «культуры отмены» в отношении русской культуры, подчеркнём, что данная технология напрямую связана с угрозой национальной безопасности (параграф 2.1) и разрушением национально-культурной идентичности (параграф 2.2). Даже в своем «классическом» виде («новая этика») эта технология предполагает уход от коллективной к индивидуальной стратегии общественного развития. Таким образом нарушается сам механизм самоидентификации индивида, при котором теперь

¹ Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 48.

² Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Там же.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 19.01.2025).

не он должен подстраиваться под общество, а оно само в процессе идентификации не должно нарушать личные границы человека и вынуждено подстраиваться под него. Именно в таком контексте все иные культурные стратегии, кроме собственной, воспринимаются как источники опасности, а, следовательно, подлежат уничтожению или забвению путем искажения глубинных смыслов. Что касается истории, то здесь происходит замещение неугодного смысла иным, вписывающимся в современный политический, социальный и культурный контекст: «все то, что обуславливает непрочность идентичности, дает, таким образом, повод для манипуляций памятью, прежде всего при помощи идеологии»¹. Например, искажение событий Второй мировой войны приводит сегодня к разрушению идентичности жителей как европейских, так и постсоветских стран (параграф 1.2). Таким образом, результатом применения технологии «культуры отмены» является отказ от своей культуры, уничтожение символической и аксиологической составляющих собственной идентичности. Рассматривая применение технологий «культуры отмены» в отношении России, Л. Р. Рустамова и А. К. Адрианов отмечают, что её основной целью является попытка «нивелировать, "затушевать" вклад России в достижения мировой цивилизации, закрыть доступ гражданам западных стран к информации о культурной значимости России»², тем самым нарушив историческую связь на постсоветском пространстве и приобретя преимущества для навязывания европейской идентичности³.

Рассмотрим на конкретных примерах данные проявления.

Наиболее последовательно и масштабно «культура отмены» как проявление русофобии проявляется в Польше. Польские учреждения культуры отказываются от исполнения российских произведений. «В филармониях страны больше не будет звучать музыка Дмитрия Шостаковича

¹ Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. С. 619.

² Рустамова Л. Р., Адрианов А. К. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 45.

³ Там же. С. 46.

и Петра Чайковского, в театрах не будут ставиться спектакли по пьесам Антона Чехова»¹. Хотя еще год назад та же «Газета Выборга» напечатала статью об истории создания знаменитой «Ленинградской симфонии» Д. Шостаковича², отмечая как гениальность советского композитора, так и важность борьбы советского народа с нацизмом. Именно в Польше мы видим наиболее последовательные и планомерные шаги по отмене русской культуры, начиная с отмены театральных постановок и заканчивая закрытием образовательных программ и программ по межвузовскому обмену: «В Большом Театре – Национальной опере отменили премьеру "Бориса Годунова" Мусоргского, в Варшаве и других городах – кинофестиваль “Спутник”... Отменились гастроли российских пианистов-лауреатов Шопеновского конкурса, самого престижного в стране»³. Министр культуры и национального наследия Польши Петр Глиньский демонстративно это охарактеризовал следующим образом: «Из общественного пространства культура российская должна исчезнуть. Мы ценим достижения этой культуры в музыке или литературе. Они на высшем уровне, но мы имеем дело со страной, которая сошла с ума»⁴. Также подверглась «отмене» и такая популярная в Европе рождественская постановка, как «Щелкунчик». Петр Ильич Чайковский был русским композитором, к тому же «балетное искусство – одна из икон русской культуры, а она запрещена польской цензурой»⁵. Причем «Щелкунчик» не только в Европе, но и США давно стал частью массовой культуры, одним из важных музыкальных символов Рождества. Здесь можно вспомнить и

¹ Попытка провалилась: как на самом деле происходит отмена русской культуры на Западе // Вечерняя Москва [Сайт]. 17 июня 2022. URL: <https://vm.ru/world/975048-popytka-provalilas-kak-na-samom-dele-proishodit-otmena-russkoj-kultury-na-zapade> (дата обращения: 21.11.2023).

² Ludzie zjadali ludzi, trębacz nie miał siły dąć. Tak powstawała słynna symfonia «Leningradzka» // Wyborcza.pl [Сайт]. 30 июня 2021. URL: <https://wyborcza.pl/7,113768,27229398,w-leningradzie-ludzie-zjadali-sie-nawzajem-dzis-inaczej-sluchamy.html> (дата обращения: 21.11.2023).

³ Отмененный год. Как в 2022-м отменяли российскую культуру – извне и изнутри // RTVI [Сайт]. 29 дек. 2022. URL: <https://rtvi.com/stories/otmennyj-god-kak-v-2022-m-otmenyali-rossijskuyu-kulturu-izvne-i-iznutri/> (дата обращения: 21.11.2023).

⁴ Там же.

⁵ Кому мешает «Щелкунчик». Одни отменяют, другие играют, хотя он и русский // ИНОСМИ [Сайт]. 07 дек. 2022. – URL: <https://inosmi.ru/20221207/kultura-258577146.html> (дата обращения: 21.11.2023).

рекламу (например, реклама Bentley)¹, и серию американских фильмов «Один дома», и прочее. Он стал неотъемлемой частью американской культурной традиции, классическим событием в Рождественские праздники, а «его сюжет и музыка присутствуют повсюду – в книгах, рекламе и поп-культуре»². Как отметил в своем интервью Захар Прилепин: «Отказываясь от нашей культуры, Запад ломает себя через колено. Самый национальный композитор США – Петр Ильич Чайковский, а не Джорш Гершвин. 25 декабря, в католическое Рождество в двухстах балетных труппах Америки идет “Щелкунчик”. Считается очень элитарным встретить Рождество с Щелкунчиком»³.

Не обошли «культурные санкции» и такой международный культурный проект, как «Русские сезоны» (Дягилевские сезоны), возникший более ста лет назад⁴. С постановки «Борис Годунов» в 1908 году началось знакомство европейского общества с классическим русским искусством (балетом, живописью, музыкой, театром и др.), повлиявшим на развитие всего «мирового художественного процесса в 20 веке»⁵. Западная балетная школа также решила разорвать отношения с русской культурой, совершенно игнорируя тот факт, что сама имеет русское происхождение. В 2022 году Лозаннский юношеский конкурс балета «Приз Лозанны» отказался принимать на своей сцене русских танцовщиков и танцовщиц, несмотря на то

¹ См., например: Bentley выпускает рождественскую рекламу под музыку из «Щелкунчика» Чайковского // YouTube [Сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=f1eLpUaLO9c> (дата обращения: 21.11.2023).

² New York Post рассказала, как балет русского композитора оказался хитом американского Рождества // ИНОtv. Автономная некоммерческая организация «ТВ-Новости» [Сайт]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-12-23/New-York-Post-rasskazala-kak> (дата обращения: 21.11.2023).

³ Захар Прилепин. Официальный канал писателя, подполковника Росгвардии Захара Прилепина [Сайт]. URL: <https://t.me/zakharprilepin> (дата обращения: 16.11.2023).

⁴ Директор «Русских сезонов» указал на востребованность артистов из РФ в мире // Известия [Сайт]. 19 авг. 2022. URL: <https://iz.ru/1381834/2022-08-19/direktor-russkikh-sezonov-ukazal-na-vostrebovannost-artistov-iz-rf-v-mire> (дата обращения: 21.11.2023).

⁵ «Русские сезоны» Сергея Дягилева // Belcanto.ru Классическая музыка, опера и балет [Сайт]. URL: <https://www.belcanto.ru/seasons.html#:~:text=«Русские%20сезоны»%20—%20гастрольные%20выступления,видом%20деятельности%20антрепризы%20стал%20балет> (дата обращения: 21.11.2023).

что основателем данного конкурса является французский балетмейстер Морис Бежар, учившийся балету у русских танцовщиц¹.

Как мы видим, отмене подвергается все, что, так или иначе, ассоциируется с русской (российской в смысле *нациообразующей*) идентичностью, культурой. Так, например, в США объявили бойкот как русским блюдам, так и своим, в названии которых присутствуют отсылки к России: «Из названия коктейля Moscow Mule убирают слово “Москва”. В Канаде местное блюдо путин (routine) сокращают в названиях ресторанов»².

В этом ключе отмене подвергаются и произведения западных представителей творческой сферы. Так, например, известная американская писательница Элизабет Гилберт фактически отменила (перенесла на неопределенный срок) выход своего нового романа «Снежный лес». Причиной послужила критика украинских читателей, которые негативно отнеслись к сюжету вследствие того, что действие романа разворачивается в Сибири и повествует от русской религиозной семье 30-х годов XX века, борющейся против индустриализации и защищающей природу. Отмена выхода романа вызвала достаточно негативную реакцию со стороны западной публики. Так, Арабелла Пайк, директор британского издательства William Collins Books, назвала это решение цензурой и осудила писательницу за смешивание творческой деятельности и политической позиции, что создает достаточно опасный прецедент: «Где это закончится? Литературные агенты сообщают о нежелании, особенно среди американских издателей, брать российских писателей или сюжеты, даже тех, кто критически настроен к режиму [президента Владимира] Путина»³.

«Культура отмены» затронула и музейную сферу. Так, «Амстердамский Эрмитаж разорвал отношения с Эрмитажем в Санкт-

¹ Отмены русской культуры стало недостаточно. Пришло время ее грабежа // РИА Новости [Сайт]. 05 апр. 2022. URL: <https://ria.ru/20220405/iskusstvo-1781810320.html> (дата обращения: 21.11.2023).

² Попытка провалилась: как на самом деле происходит отмена русской культуры на Западе // Вечерняя Москва [Сайт]. 17 июня 2022. URL: <https://vm.ru/world/975048-popytka-provalilas-kak-na-samom-dele-proishodit-otmena-russkoj-kultury-na-zapade> (дата обращения: 21.11.2023).

³ Британская издатель назвала цензурой решение не публиковать роман из-за критики украинцев // ТАСС [Сайт]. 19 июня 2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/18056855> (дата обращения: 21.11.2023).

Петербурге»¹. Опасность технологии отмены культуры заключается в том, что с «нормативно-правовой точки зрения канселинг это внесудебный и внеправовой инструмент»². Так, на таможне в Финляндии были задержаны возвращающиеся в Россию произведения искусства³. Попытка отмены русской культуры приобретает в контексте культурного наследия форму конфискации «национального достояния» России: «Это могут быть картины, ценные фолианты, рукописи, партитуры, ювелирные шедевры ... любой артефакт, если в его провенансе или в месте хранения значится два слова – Russian Federation»⁴. Самым ярким примером здесь является ситуация с коллекцией «Скифское золото»⁵, которая до сих пор так и не разрешилась.

Происходит отмена творчества не только современных деятелей культуры и искусств, также под «культурные санкции» попали классики русского искусства. Это объясняется смыслообразующей функцией «культуры отмены», под которой в данном ключе выступает любая мировоззренческая установка, предполагающая как игнорирование, так и искоренение не только культуры ныне живущих людей, но и событий, связанных с их прошлым, а также сопряженных с ними интенций в возможное будущее⁶. А. В. Костина, подчеркивая важность ценностного содержания культуры как одного из ключевых факторов формирования государственной идентичности, и, следовательно, национальной безопасности, отмечает, что дискредитация русского культурного наследия является частью продвижения иных, западных ценностей в рамках

¹ Попытка провалилась: как на самом деле происходит отмена русской культуры на Западе // Вечерняя Москва [Сайт]. 17 июня 2022. URL: <https://vm.ru/world/975048-popytka-provalilas-kak-na-samom-dele-proishodit-otmena-russkoj-kultury-na-zapade> (дата обращения: 21.11.2023).

² Мельник А. В. Культура отмены России странами Запада как инструмент политического давления // Вопросы студенческой науки. 2023. №7 (83). С. 78.

³ Отмены русской культуры стало недостаточно. Пришло время ее грабежа // РИА Новости [Сайт]. 05 апр. 2022. URL: <https://ria.ru/20220405/iskusstvo-1781810320.html> (дата обращения: 21.11.2023).

⁴ Там же.

⁵ Золото скифов – Украине: суд Нидерландов поставил точку спустя девять лет // Газета.ру [Сайт]. 09 июня 2023. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/06/09/17114792.shtml> (дата обращения: 21.11.2023).

⁶ Костенко О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 249.

геополитической экспансии Запада¹. В своих исследованиях противостояния западной и российской цивилизаций В. А. Ремизов, О. В. Ремизов и Т. А. Доронина также отмечают, что со стороны Запада «происходит попрание свободы слова через закрытие любых СМИ – каналов российского статуса, провозглашается дискурс “исключения” русской культуры, запрета исполнения произведений русских композиторов, дискредитируется даже популярный на всем Западе Ф. М. Достоевский»².

Остановимся подробнее на таком ярком примере, как попытка отменить курс по творчеству Ф. М. Достоевского в Миланском университете Бикока³. Один из профессоров университета, писатель Паоло Нори, сообщил, что руководство запретило ему продолжать читать один из его курсов о Достоевском, чтобы избежать политической напряженности, так как он является представителем русской культуры. В интервью итальянской газете П. Нори задает вопрос: «Какой смысл» стирать культуру страны?»⁴. В защите русского литературного наследия профессора поддержало его издательство Mondadori, опубликовавшее в социальных сетях пост: «Мы никогда не перестанем читать и говорить о русской литературе»⁵ (перевод мой. – О. К.), и поставившее под сомнение желание поступать в университет, который считает, что «Достоевский – это человек, создающий напряжение»⁶ (перевод мой. – О. К.). Университет отменил свое решение только под давлением общественного мнения, и в результате вмешательства министра просвещения, университетов и научных исследований Италии: «Достоевский – наследие неоценимой ценности, а культура остается свободной площадкой

¹ Костина А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. СПб., 2022. С. 110.

² Ремизов В. А., Ремизов О. В., Доронина Т. А. Цивилизационные коды России и Запада: специфика диалога // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2022. №1 (44). С. 51. <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>

³ В Миланском университете Бикокка чуть не запретили Достоевского // RGRU Интернет-портал «Российской газеты» [Сайт]. 02 марта 2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/02/v-milanskom-universitete-bikokka-chut-ne-zapretili-dostoevskogo.html> (дата обращения: 21.11.2023).

⁴ La Bicocca cancella corso su Dostoevskij, poi fa dietrofront // ANSAit, MILANO [Сайт]. 02 marzo 2022. URL: https://www.ansa.it/sito/notizie/cultura/libri/narrativa/2022/03/02/paolo-nori-cancellato-mio-corso-su-dostoevskij-e-censura_de57bb9b-a256-4bb2-bd24-c8de27789527.html (дата обращения: 21.11.2023).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

для обмена и обогащения»¹. Солидарность с Паоло Нори выразил целый ряд итальянских писателей, таких как Валерия Паррелла, Андреа Тараббиа, Хелена Янчек, а также некоторые итальянские политики, в основном левого толка (например, Никола Фратоянни, итальянский политик, лидер партии Итальянские левые). Президент Италии Серджо Маттарелла также высказался против отмены русской культуры, подчеркнув, что она является частью мировой истории. Отметим, что в то же время в Италии были отменены культурные мероприятия, связанные с Россией и её наследием, начиная от фестиваля фотографии и заканчивая театральными постановками, а также «приостановлены все культурные обмены между государственными музеями, прекращены контакты на уровне министерств культуры»². Социально-политический вектор такой «войны с культурой» ярко прослеживается в запрете на участие в кинофестивалях российских фильмов, снятых при государственной поддержке. Более того, предпринимаются и попытки культурной изоляции России. Как отмечает О. Ю. Юхнина, помимо активного запрета русской культуры на Западе, крупные медиа-холдинги и представители культурных индустрий пытаются не допустить распространения своей культурной продукции в России: «Голливуд отказался предоставлять России права на демонстрацию своих фильмов»³.

Отдельным блоком следует выделить конфессиональный аспект «культуры отмены». В разрезе заявленной проблемы культурно-цивилизационных взаимодействий нельзя обойти статус Русской Православной церкви на геополитическом уровне и те действия, которые были направлены на снижения её влияния на территории, которые традиционно входили в сферу влияния «русского мира». Православная церковь в современной России выступает одним из ключевых социальных

¹ La Bicocca cancella corso su Dostoevskij, poi fa dietrofont // ANSAit, MILANO [Сайт]. 02 marzo 2022. URL: https://www.ansa.it/sito/notizie/cultura/libri/narrativa/2022/03/02/paolo-nori-cancellato-mio-corso-su-dostoevskij-e-censura_de57bb9b-a256-4bb2-bd24-c8de27789527.html (дата обращения: 21.11.2023).

² Президент Италии считает ошибочной «отмену» русской культуры // ТАСС [Сайт]. 21 апр. 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17577323> (дата обращения: 21.11.2023).

³ Юхнина О. Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 257.

институтов, в сферу деятельности которого (кроме всего прочего) входит функция сохранения и трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей. Согласно развиваемому в диссертации подходу, именно поэтому в рамках реализации попыток отмены русской культуры, в частности, в странах Европейского союза, позиции русской православной церкви были ослаблены вследствие прямого политического вмешательства. К примеру, в латвийском Сеймом был принят закон о независимости местной православной церкви от РПЦ¹, аналогичное решение было принято Правительством Эстонии². Однако наиболее важным и заметным стало принятие Верховной Радой Украины (в нарушение не только внутреннего, но и международного законодательства о защите права на свободу вероисповедания) закона о запрете аффилированной с Россией канонической Украинской православной церкви (УПЦ)³. В контексте культурно-цивилизационного взаимодействия особый интерес вызывает следующее обстоятельство: параллельно с этим украинские власти навязывают искусственно созданную религиозную организацию под названием Православная церковь Украины (ПЦУ), которая является непризнанной большинством канонических поместных православных церквей. Примечательно, что данная организация перенесла празднование Рождества на 25 декабря⁴, как это принято в католической церкви, являющейся духовной основой Западной европейской цивилизации. Как уже было отмечено в параграфе 1.1, здесь можно провести параллель с историческими событиями, связанными с утверждением Брестской церковной унии, в рамках которой Киевская митрополия Константинопольской православной церкви перешла в подчинение римского папы Климента VIII и приняла

¹ Рустамова Л. Р., Иванова Д. Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 439.

² В Эстонии окончательно запретили русскую церковь. Власти назвали причину // Сетевое издание «Царьград» [Сайт]. 23 янв. 2025. URL: https://tsargrad.tv/news/v-jestonii-okonchatelno-zapretili-russkuju-cerkov-vlasti-nazvali-prichinu_1136744 (дата обращения: 13.02.2025).

³ На Украине приняли закон о запрете УПЦ. Что это значит // Известия [Сайт]. 21 авг. 2024. URL: <https://iz.ru/1746013/2024-08-21/na-ukraine-priniali-zakon-o-zaprete-uptc-cto-eto-znachit> (дата обращения: 16.02.2025).

⁴ ПЦУ решила отмечать Рождество 25 декабря // Известия [Сайт]. 24 мая 2023. URL: <https://iz.ru/1517695/2023-05-24/ptcu-reshila-otmechat-rozhdestvo-25-dekabria> (дата обращения: 16.02.2025).

католическую догматику, что впоследствии привело к формированию на территории Украины отдельной «греко-католической церкви». Очевидно, что данными действиями украинские власти искусственно и показательно дистанцируются от ценностного пространства и общего восточно-христианского культурного наследия «Русского мира» в пользу религиозных традиций и ценностных установок западноевропейской цивилизации.

Культурно-цивилизационный характер попыток отмены русской культуры, выходящий за рамки сугубо политического, межгосударственного формата отношений, четко проявился в тотальной дискриминации российских спортсменов. К примеру, сборную России по футболу отстранили от участия в чемпионате мира, который проходил в 2022 году в Катаре. Но наиболее показательным стал недопуск в 2024 году российских (и белорусских) спортсменов на Олимпийские и Параолимпийские¹ игры в Париже под национальным флагом. В данном ключе принципиально важным является требование «нейтрального статуса» – демонстративного отказа российских атлетов от национальной самоидентификации, отказ в участии в традиционном параде наций, запрет на любую символику, которая ассоциируется со страной, а также изменения в церемониальных процедурах, согласно которым во время награждения не может звучать национальный гимн, вместо которого должна воспроизводиться музыка без текста, специально подготовленная для Игр в Париже². Отметим, что данные действия напрямую противоречат шестому основополагающему принципу Олимпизма, а частности, закреплённому в «Олимпийской хартии», согласно которому: «Осуществление прав и свобод, предусматриваемых настоящей Олимпийской хартией, должно быть обеспечено в отсутствие какой-либо формы дискриминации – расового, языкового, религиозного, политического характера, по признаку цвета кожи, пола, сексуальной ориентации, наличия

¹ Паралимпийский комитет России назвал незаконным недопуск на Паралимпиаду // Сетевое издание «РБК Спорт» [Сайт]. 03 марта 2022. URL: <https://sportrbc.ru/news/62206e069a7947752a8d28db?from=copy> (дата обращения: 21.11.2023).

² Российских спортсменов в случае побед на Олимпиаде будут награждать под музыку без слов // ТАСС [Сайт]. 19 марта 2024. URL: <https://tass.ru/sport/20288577> (дата обращения: 21.09.2024).

иногo мнения, национальнoгo или социальнoгo происхoждения, обладания собственнoстью, рoждения или инoгo статуса»¹.

Отдельнo следует отметить ценностный аспект Олимпийских игр в Париже, который стал предметом дискуссий на междивизационном уровне. Активная демонстрация во время церемонии открытия Олимпиады Западнoй нетрадиционной ценностной «повестки» с явным антихристианским подтекстом вызвала возмущение и огромную волну критики в глобальном масштабе. Современный геополитолог спорта и юрист-международник А. В. Волков очень точно охарактеризовал указанный аспект: «Примечательно, что способ продвижения указанной повестки переходит из скрытой стадии в явную демонстрацию и высмеивание традиционных устоев и ценностей, тогда как ответная критика данного подхода либо полностью игнорируется организаторами, либо же критикующая сторона обвиняется в «устаревшем мышлении», «архаичности» и всячески высмеивается. Снижение удельного веса «традиционных ценностей» на крупных спортивных форумах при попутном их замещении нетрадиционной повесткой и искусственными ценностями»². По его мнению, современные крупные спортивные мероприятия превращаются в инструмент для распространения указанной «глобальной» повестки, «а также трибуну не для продвижения созидательных по своей сути нарративов, объединяющих международное сообщество, а трибуну для сил, заинтересованных в наращивании геополитического давления с целью продвижения собственных нарративов»³. Таким образом, на примере современного спорта подчеркнём, что деструктивное свойство «культуры отмены» обязательно имеет ценностный подтекст и проявляется даже в тех сферах, которые, на первый

¹ Олимпийская хартия (в действии с 26 июня 2019 г). Опубликовано Международным олимпийским комитетом – сент. 2019. URL: <https://noc.by/upload/New%20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

² Олимпийские игры в Париже: геополитические итоги и форсайт // Российский совет по международным делам (РСМД). Блог Андрея Волкова [Сайт]. 23 авг. 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/a-volkov/olimpiyskie-igry-v-parizhe-geopoliticheskie-itogi-i-forsayt/> (дата обращения: 21.02.2025).

³ Там же.

взгляд, могут быть существенно дистанцированы от политики или «высокой» культуры.

Как мы видим из вышеприведённых примеров, «культура отмены» развивается именно как инструмент геополитического социально-политического влияния. И именно такая трансформация указывает на скрытый смысл «культуры отмены» – «отмену, удаление культуры» как основы идеологической составляющей и отмену идентичности. Именно такой смысл в «удалении русской культуры» отчетливо прослеживается в высказывании министра культуры Литвы Симонаса Кайриса: «Россия сознательно использует культуру как оружие, в важные для литовского государства дни присылала к нам своих исполнителей, в основном представителей поп-культуры. Мне нравится предложенная идея ввести ментальный карантин для русской культуры, отказаться от произведений, которые казались нам приемлемыми»¹. Таким образом, «культура отмены» в социально-политическом и цивилизационном контексте предстаёт в первую очередь как механизм распространения русофобии, обходящий как правовые, так и этико-аксиологические нормы. Возникшая, как механизм установления социальной справедливости, «культура отмены» сегодня является одним из самых несправедливых манипулятивных инструментов² продвижения определенных взглядов и мнений меньшинства. В данной связи интересна противоположная тенденция, которая в настоящее время получила собирательное название концепции контркэнселлинга, в которой, как отмечает М. И. Савченкова: «будут использоваться комплементарные самой "отмене" инструменты, но направлены они будут, напротив, на сплочение жертв кэнселлинга и популяризацию оппозиционных ценностей»³. Отметим, что на межкультурном уровне данная тенденция заметна в усилении

¹ Министр культуры Литвы поддержал идею о моратории на русскую культуру // Известия [Сайт]. 3 янв. 2023. URL: <https://iz.ru/1450416/2023-01-03/ministr-kultury-litvy-podderzhal-ideiu-o-moratorii-na-russkuiu-kulturu> (дата обращения: 21.11.2023).

² Субботина М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 3. С. 34–37.

³ Савченкова М. И. Культура отмены в современном исследовательском дискурсе: теоретические и исторические детерминанты // Власть. 2024. №3. С. 192–193.

консолидации традиционно-ориентированных стран глобального Юга и Востока (например, в виде БРИКС, ШОС и др.) перед угрозой не только военной или экономической, но активной ценностной экспансии западной цивилизации. Как подчеркнул Георгий Федоров, президент Центра социальных и политических исследований «Аспект»: «Через русский балет, ансамбли, театр и кино СССР добивался значимых успехов на всех уровнях. Сейчас, учитывая обстановку, решили, к этому опыту возвращаться. Культура – это универсальные ценности, которые могут “пробивать стены”. Поэтому Россия совершает сейчас поворот на Восток и в области культуры»¹.

В данной связи уместно отразить мнение чрезвычайного и полномочного Посла Китая в России Чжан Ханьхуэя, которое было высказано в статье под названием «Гегемония и силовая политика Запада – источник нестабильности в мире». В частности, господин Посол, описывая военные устремления блока НАТО, говорит о том, что его цели направлены далеко за рамки простого сдерживания оппонентов, для того: «Чтобы установить однополярный мир, где царствует один гегемон, – члены Альянса ставят интересы Америки и всего Запада на первое место, в глобальных масштабах борются с инакомыслием, причем крайне жестко и в духе полной вседозволенности»². При этом он прямо указывает, что идеологической основой указанной разрушительной деятельности западных стран является именно «теория столкновения цивилизаций». Примечательно, что действия Китая автором данной статьи интерпретируются в аксиологическом аспекте: «С 2012 года, когда Китай начал высококачественное продвижение «Пояса и Пути», была выдвинута Инициатива по глобальному развитию, проделана огромная работа по формированию многополярного мира и продвижению общих ценностей всего человечества, таких как мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода, продолжались колоссальные усилия к

¹ Путин ответил на попытки отмены русской культуры в мире // URA.RU. Информационное агентство [Сайт]. 20 сент. 2023. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17577323> (дата обращения: 21.11.2023).

² Посол Чжан Ханьхуэй: Гегемония и силовая политика Запада – источник нестабильности в мире // Посольство Китайской народной республики в Российской Федерации [Сайт]. 8 апр. 2022. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/dssghd/202204/t20220408_10665934.htm (дата обращения: 16.01.2025).

построению Сообщества единой судьбы человечества»¹. С необходимостью отметим, что указанные господином Послом «общие ценности» – это, по сути, те же традиционные духовно-нравственные ценности, которых придерживается и Россия в цивилизационном проекте «Русского мира».

Отметим также, что при невозможности исключения определенных (зачастую базовых) культурных кодов, происходят попытки искажения их смыслового ядра. Так, замена на Западе классических русских постановок суррогатами русской культуры также может интерпретироваться как проявление «культуры отмены», так как происходит подмена культурного и ценностного дискурса. Ярким примером является постановка осенью 2023 года на парижской сцене «Лоэнгрин» Кирилла Серебренникова². Этот пример иллюстрирует, что не все по происхождению русские являются носителями, репрезентаторами национального русского культурного кода. Эти люди становятся чужими для русской культуры, и не становятся своими на Западе. При переходе «культуры отмены» из культурно-этической плоскости в отмену культуры в социально-политической интерпретации, и особенно на цивилизационном уровне на передний план проступает личная социально-культурная идентичность. Попытки отмены русской культуры показательно иллюстрируют раскрытый в параграфе 2.2 тезис, согласно которому пребывание в желаемом публичном пространстве обеспечивается сегодня не просто отказом от своих взглядов, своей культуры и идентичности, но и обязательным, императивным публичным признанием в качестве своей чужой культуры. То есть, по сути, в этой цивилизационной войне необходимо стать предателем. Яркими примерами здесь выступают А. Нетребко, Е. Исинбаева, да и множество эмигрировавших российских поп-звезд. И такой характер «культура отмены» в цивилизационной геополитической плоскости приобретает впервые в истории. Как отмечают

¹ Посол Чжан Ханьхуэй: Гегемония и силовая политика Запада – источник нестабильности в мире // Посольство Китайской народной республики в Российской Федерации [Сайт]. 8 апр. 2022. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/dssghd/202204/t20220408_10665934.htm (дата обращения: 16.01.2025).

² Русский анти-Вагнер: «Лоэнгрин» в Парижской опере // Belcanto.ru Классическая музыка, опера и балет [Сайт]. URL: <https://www.belcanto.ru/23092701.html> (дата обращения: 21.09.2024).

Л. Р. Рустамова и Д. Г. Иванова: «Стремление Запада предать забвению и принизить культурный вклад России в мировое наследие политически обусловлено и не имеет ничего общего с запросом на общественную справедливость. Прежде всего, «отмену» русской культуры инициировали не отдельные люди, которые бойкотировали знаменитостей или культурную продукцию России, а институты, тесно связанные с правительствами»¹. Ещё одно отличие, по их мнению, заключается в том, что в западном сообществе по отношению к представителям сферы российской культуры процедура «отмены» применялась скрытно и без достижения видимого общественного консенсуса.

Таким образом, вопросы, связанные с национальной безопасностью и сохранением суверенитета нашего государства, возникли не сегодня, однако, именно сейчас, когда весь «западный мир» пытается отменить Россию, вытесняя и пытаясь предать забвению нашу культуру, эти вопросы приобретают небывалую остроту². Сегодня, когда в мире происходит нарушение цивилизационного и культурного баланса, которое влечёт за собой навязывание западных унифицированных ценностей и потребительских стереотипов, необходимо переосмысление вышеозначенных механизмов «культуры отмены» с позиций, в том числе, современных тенденций национальной культурной политики как инструмента защиты культурного суверенитета. Как справедливо подчеркивает О. Н. Астафьева, «в условиях отмечаемых разрывов в преемственности ценностных и нормативных оснований общества, недопустимых искажений в понимании базовых моральных и культурных норм, <...> требуется концентрация всех видов ресурсов для преодоления новых вызовов и уязвимостей, порожденных “текущей современностью”,

¹ Рустамова Л. Р., Иванова Д. Г. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 439–440.

² Костенко О. В. «Культура отмены» как угроза национальному суверенитету России в условиях геополитических противостояний // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). М., 2024. С. 126–127.

изменяющих природу нормальности»¹. Исходя из вышеизложенного, именно такой действенной деструктивной технологией, искажающей «нормальность», и является «культура отмены». И в данной связи обеспечение национальной безопасности России требует, по словам О. Н. Астафьевой, В. А. Горенкина и А. В. Швецово, укрепления «коллективной национально-культурной, цивилизационной, гражданской идентичности»², что будет напрямую противодействовать глобальным угрозам уничтожения русской культуры и российской государственности. Этот факт также подчеркивают И. И. Горлова, А. Л. Зорин и Т. В. Коваленко, отмечая, что государственный суверенитет напрямую связан с культурой и это требует от государства мер в отношении сохранения «самоидентичности и основополагающих культурных ценностей»³. Все вышеперечисленные вызовы обусловили принятие целого ряда основополагающих нормативных документов. Прежде всего, отметим Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации», в котором не только подчёркивается значимость языка для сохранения и развития русской культуры в условиях непрекращающихся попыток её отмены, но и впервые в нормативно-правовых актах закреплён факт попыток «“отмены” русской культуры (в том числе русской литературы), дискриминации российских средств массовой информации, навязывания идеологических установок, противоречащих традиционным российским духовно-нравственным ценностям”»⁴ (п. II, пп. 13).

¹ Астафьева, О.Н. Культурная политика России: проектный вектор креативного сектора // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12. С. 19. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.12.1>.

² Астафьева О. Н., Горенкин В. А., Швецова А. В. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации : монография. Симферополь, 2019. С. 5.

³ Горлова И. И., Зорин А. Л., Коваленко Т. В. Современные вызовы и угрозы национальной безопасности России в сфере культуры // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: сборник материалов круглого стола (25 августа 2021 г.); ВАГШ ВС РФ. М., 2021. С. 221.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/HCM4ADyLOooRo7aqM253tzKJZdhkiAEC.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

Также подчеркнём, что в Указе Президента РФ №808 «Основы государственной культурной политики» культура возводится в ранг национальных приоритетов, а также отмечается неразрывная взаимосвязь российской культуры и государственности¹. «Культура отмены» в контексте глобальных идеологических противостояний представляет собой технологию целенаправленного разрушения *культурного суверенитета*. Термин, закреплённый в российской культурной политике ещё в 2015 году как фактор, способствующий «укреплению национальной безопасности в области культуры», в настоящее время в целом ряде нормативно-правовых документов раскрывается через призму «российской культурной/цивилизационной идентичности»², традиционных духовно-нравственных ценностей и сохранения исторической памяти и культурной преемственности. С 2021 года «культурный суверенитет» напрямую связывается с противодействием «вестернизации», а также борьбой с фальсификацией отечественной истории и искажением русской культуры, что и представляет собой законодательно закреплённые механизмы противодействия «культуре отмены», само существование которой невольно свидетельствует о силе и влиянии русской культуры. Как отмечают Ю. С. Путрик и А. П. Соловьев, с 2023 года на законодательном уровне были внесены уточнения трактовки культурного суверенитета³, где акцент был сделан на защите от внешнего «деструктивного идеологического и информационного воздействия»⁴.

Отметим также меры, принимаемые для противодействия искажению исторической памяти, и особенно, в области борьбы с нацизмом. Как

¹ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 20.03.2025).

² Путрик Ю. С., Соловьев А. П. К вопросу о социокультурных факторах укрепления культурного суверенитета Российской Федерации // Культурное наследие России. 2024. № 2 (45). С. 17.

³ Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 года № 808» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855> (дата обращения: 13.05.2025).

⁴ Путрик Ю. С., Соловьев А. П. К вопросу о социокультурных факторах укрепления культурного суверенитета Российской Федерации // Культурное наследие России. 2024. 2 (45). С. 17.

отмечает Е. М. Гашкова, в ответ на возрождение нацизма на Украине в 2014 году «5 мая 2014 года в Уголовный кодекс РФ была внесена ст. 3541 «Реабилитация нацизма» (№ 128-ФЗ), где помимо штрафов предусматривается и лишение свободы на срок от одного до пяти лет»¹. Помимо этого были приняты меры в области исторического просвещения как необходимого условия преодоления «кризиса национальной идентичности, в основе которого лежат уничтожение исторической памяти, реабилитация <...> неокOLONиализма <...> и неонацизма, <...> отрицание или преуменьшение исторического вклада России в развитие мировой цивилизации; <...> попытки деформации исторической памяти»².

В 2021 году был принят Указ Президента о стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где в качестве одного из ключевых факторов была определена культура, а «российские духовно-нравственные идеалы и культурно-исторические ценности, <...> лежат в основе государственности и являются фундаментом для дальнейшего развития страны»³. Начиная с 2022 года, Президент Российской Федерации В. В. Путин отмечает разрушительную природу технологии политизированной «культуры отмены», называя её «настоящей отменой культуры»: «Развал Советского Союза разрушил и равновесие геополитических сил. Запад почувствовал себя победителем и провозгласил однополярное мироустройство, в котором только его воля, его культура, его интересы имели право на существование»⁴. В качестве универсальных мировому сообществу были предложены западные ценности, не

¹ Гашкова Е. М. «Культура отмены» как механизм искажения исторической и культурной памяти // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. СПб., 2024. С. 205–206.; Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38395> (дата обращения: 26.05.2023).

² Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Президент России [Сайт]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AFZhXphYZLaDAXIkLp177nzFzg7hKPI2.pdf> (дата обращения: 19.01.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 05.05.2025).

⁴ Полный текст обращения Владимира Путина на «Валдае» 27 окт. 2022 // Комсомольская правда [Сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/> (дата обращения: 13.09.2024).

предполагающие альтернативы. В докладе, прочитанном на заседании дискуссионного клуба «Валдай» в 2022 году, он отметил: «Не надо ничего отменять: ни христианские ценности, ни исламские, ни иудейские ценности. Другие мировые религии у нас присутствуют. Надо просто с уважением относиться друг другу»¹.

Таким образом, «культуре отмены» как деструктивной форме культурно-цивилизационного взаимодействия противостоит развиваемая в России концепция поликультурности и многополярности, строящейся на уважении и равном взаимодействии. Именно поэтому в настоящее время происходит переосмысление роли ценностей с позиций, в том числе, современных тенденций культурной политики. Так в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» сделан особый акцент на защите ценностей как стратегическом национальном приоритете. В данном документе традиционные ценности определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»². Ценности однозначно выделены в качестве основы российского общества, позволяющей защищать и укреплять суверенитет государства, обеспечивать единство страны и сохранение народа России. Отдельно выделим цивилизационный аспект, обозначенный в данном указе, который раскрыт в обосновании необходимости укрепления традиционных ценностей: «Усилия, предпринимаемые Российской Федерацией для развития духовного

¹ Полный текст обращения Владимира Путина на «Валдае» 27 окт. 2022 // Комсомольская правда [Сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/> (дата обращения: 13.09.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.01.2025).

потенциала ее народа, способствуют повышению сплоченности российского общества, осознанию гражданами необходимости сохранения и укрепления традиционных ценностей в условиях глобального *цивилизационного* (здесь и далее курсив мой. – О. К.) и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов»¹. Разрушительный характер современного культурно-цивилизационного взаимодействия в Указе обозначен в виде насаждаемой Западом чуждой российскому народу системы идей и ценностей, именуемой понятием «деструктивная идеология», являющейся угрозой национальным интересам Российской Федерации. Подчеркнем, что защита от данной деструктивной идеологии является важной частью реализации государственной культурной политики, которая, как отмечено в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, кроме всего прочего направлена на обеспечение приоритетного культурного и гуманитарного развития в качестве основы «государственного суверенитета и *цивилизационной* самобытности страны, укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества»².

В Указе Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации», отражающем «систему взглядов на национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, базовые принципы, стратегические цели»³, особое внимание уделяется определению России «как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.01.2025).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» // Правительство Российской Федерации [Сайт]. URL: <http://government.ru/docs/all/155288/> (дата обращения: 19.01.2025).

³ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 19.01.2025).

составляющие *культурно-цивилизационную общность*¹. И здесь мы видим практическое воплощение концепции особого российского мультикультурализма как антагонизма «культуры отмены», когда становление и развитие цивилизации не предусматривает исключения и борьбы с другими культурными кодами, ценностями и установками, а их «гармоничное сосуществование»², отражающее многовековой опыт взаимодействия и взаимообогащения. В глобально-историческом контексте развития России её дальнейшие цивилизационные перспективы будут определяться в ходе реализации проекта Русского мира, как идеологического отражения отечественных духовно-нравственных ценностей и примера выстраивания конструктивного взаимодействия во внутренней культурной и внешней гуманитарной политики.

Таким образом, решив поставленные в данной главе задачи, мы приходим к следующим выводам:

1. Семантика понятия «культура отмены» значительно шире её отдельных интерпретаций как в массовых периодических изданиях («борьба за справедливость и формирование общественного мнения»), так и в научных публикациях (в основном как технология «новой этики»). Различие западной и отечественной традиций понимания «культуры отмены» связано с противоположными установками в интерпретации базового понятия «культура». В русском языке культура подразумевает преимущественно аксиологическое наполнение, она связана с духовностью и совершенством и не предполагает прямого противопоставления «другим» народам, государствам и ценностям. Таким образом, в результате проведённого анализа было установлено, что «культура отмены» как социально-политическая технология борьбы с чужими ценностями и всяческим инакомыслием возникла именно

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 19.01.2025).

² Там же.

из указанного западного (функционального) подхода к культуре, который преимущественно выносит «за скобки» ценностную и этическую составляющие.

2. Смысловое содержание «культуры отмены» крайне неоднородно в зависимости от контекста употребления. На основании проведённого исследования были установлены три коннотации данного понятия:

а) Технология управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей.

б) Механизм смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики».

в) Социально-политическая технология гибридной войны с «неудобными культурными кодами».

На основании проведенного в диссертационном исследовании анализа были выделены и охарактеризованы такие *основные черты* феномена «культура отмены», как: а) массовость и публичность, обеспечиваемая посредством распространения в цифровом пространстве; б) внеинституциональность, и, следовательно, отсутствие структуры, присущей правовым институтам; в) цензурирование культуры как изменение или искажение её ценностного ядра; г) опора на идентификационные стратегии; д) деструктивность. На основании проведённого анализа в диссертационном исследовании было выделено два основных подхода к интерпретации *технологии* внедрения «культуры отмены»: *функциональный (внутрикультурный)* и *цивилизационный*.

3. Анализ конкретных примеров попыток отмены русской культуры на Западе показал деструктивный характер «культуры отмены». Запад и Россия раскрываются как разные, но взаимодействующие цивилизации, а «культура отмены» – это современный механизм разрушительного воздействия западной цивилизации на цивилизацию российскую. Поэтому для России защита традиционных ценностей – это стратегический приоритет и важный

вопрос национальной безопасности¹. Попытки уничтожения либо искажения традиционных культурно-ценностных ориентиров и базовых культурных кодов российской цивилизации нашли своё отражение в специальных нормативно-правовых документах, в которых это прямо называется деструктивной идеологией Запада.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 05.05.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий позволяют сделать следующие выводы.

Усложнение современной динамической системы культуры приводит к появлению новых и трансформации уже устоявшихся форм и механизмов культурно-цивилизационных взаимодействий. Понимаемые, как динамическая система отношений между двумя и более участниками (культурами или цивилизациями), они порождают отношения и изменения, степень которых обуславливается степенью аксиологической и идентификационной корреляции данных культур и цивилизаций. В современном научном культурологическом пространстве выделяются формы как внутрикультурной динамики, так и межкультурного (цивилизационного) взаимодействия, оказывающие влияние на развитие каждой культуры. Их условно можно разделить на позитивные, предполагающие двустороннюю коммуникацию (диалог культур, мультикультурализм) и негативные, её отвергающие (культурный фундаментализм, контркультура). Последние зачастую возникают вследствие кризиса культуры, когда она разрушается или изменяется под влиянием смены либо искажения аксиологического ядра. В данном ключе современная форма «культуры отмены» понимается как преимущественно негативная установка внутрикультурного, межкультурного и цивилизационного взаимодействия. В рамках одной культуры были выявлены значительные сходства технологий отмены и контркультурных механизмов, что позволяет интерпретировать «культуру отмены» как своеобразный рецидив контркультуры. Феномен «культуры отмены» содержит в своей функциональной части контркультурные установки, тем не менее, его основное отличие от контркультуры заключается в возможности выхода за пределы одной доминирующей культуры в межкультурное и даже междцивилизационное пространство. В результате проведённого анализа

основных культурно-цивилизационных моделей было установлено, что «культура отмены» противоположна концепции диалога культур и, по сути, представляет собой *антипод диалога*. Являясь технологией проявления и усугубления «разлома между цивилизациями» (С. Хантингтон), «культура отмены» выступает инструментом цензурирования и регуляции внутри культуры и в цивилизационных взаимодействиях. Таким образом, её проявление имеет два уровня: как рецидив контркультуры в рамках одного культурного пространства и как технология демонстрации цивилизационного разлома и противостояния в социокультурном пространстве.

В результате проведённого историко-философского и методологического анализа можно утверждать, что, современные проявления «культуры отмены», как и её исторические предшественники, имеют явный идеологический подтекст и, как показывает современная социокультурная ситуация, данные практики могут быть использованы для достижения разных целей, допуская вариативность механизмов реализации. Изначально механизмы «культуры отмены» предполагали замену неприемлемых норм и ценностей на другие, социально одобряемые. Содержательное же наполнение современной версии «культуры отмены» обеспечивает активно культивируемая последние десятилетия идеология «европоцентризма», возведшая в абсолют псевдолиберальные ценности и вытекающий из них образ жизни, безальтернативно навязываемый в западных странах. Понимание природы «культуры отмены», а также становление её социально-культурных механизмов и цивилизационных проявлений связано с такими феноменами, как общественное мнение, социальная справедливость, относительность морали, безопасность и равенство (Ж.-Ж. Руссо, Э. Ноэль-Нойман, Ю. Хабермас, Н. Бойль и др.), а также с концепциями манипулирования и искажения исторической памяти и особенностями исторического нарратива и исторической интерпретации (П. Рикёр, Г. Риккерт, Ф. Анкерсмит и др.). Философско-методологическое осмысление феномена «культуры отмены» позволило вывести его за границы

современной трактовки в качестве технологии манипулирования общественным мнением и расширить его семантическое поле, акцентируя внимание на культурно-цивилизационных взаимодействиях.

Анализ зарождения и эволюции «культуры отмены» показал, что, несмотря на кажущуюся новизну данного феномена современной культуры, попытки исключить неудобные либо неприемлемые социокультурные паттерны поведения и мышления практически всегда присутствовали в социальной практике человечества. Предпосылками современной формы «культуры отмены» были внеинституциональные формы социального регулирования (бойкот, изгнание), вариации незаконного или несправедливого суда, самосуда, а также альтернативы и дополнения правовых форм, такие как анафема, гражданский суд и другие. Также по своей природе с «культурой отмены» схожи различные вариации контркультурных течений, причем как межпоколенных (студенческие протесты), так и межкультурных столкновений, основанных на смене ценностного ядра культуры, (например, становление советского общества). Практически все новые социально-культурные движения в цифровом пространстве, направленные на установление социальной справедливости и объясняемые сегодня с позиций «новой этики», также относятся к канселлингу. Таким образом, «культура отмены» – это современный феномен, объединивший всю совокупность разносторонних общественных практик, изначально направленных на установление социальной справедливости. Тем не менее, даже на ранних этапах развития «культуры отмены» проявляется её деструктивная природа, заключающаяся в ослаблении или полном отсутствии механизмов правового контроля над её технологиями, искажения исторической памяти и нарушения принципов свободы слова.

Сравнительно-исторический анализ показал, что «культура отмены» не является сугубо практикой XX века и не ограничивается семантикой социального манипулирования и сменой ценностных парадигм в рамках

только одной культуры или исторической эпохи. Зародившись как массовое явление в цифровой среде, она, под влиянием, в том числе, социально-политических процессов, эволюционирует от «инструмента социальной справедливости» к технологиям борьбы с инакомыслием и другими культурами, что позволяет отнести её к формам социокультурного цензурирования.

В результате анализа англоязычных текстов, посвящённых «культуре отмены», в диссертации обосновывается различие смысловой нагрузки её социально-политической и антропологическо-ценностной интерпретации. В западных публикациях используются два варианта толкования данного понятия: «правильное» – как социальная технология, понимаемая преимущественно как движение за справедливость, и «неправильное», в случае использования данного понятия в буквальном смысле как отмена культуры, например, в отношении русской культуры. Именно в этом ключе она распространяется в социально-политическом международном и культурном пространстве. Различия в семантике «культуры отмены» связаны с полярностью интерпретации самого понятия культуры в русскоязычных и англоязычных традициях, сводящихся соответственно к функциональному и аксиологическому подходам. Отечественная традиция подразумевает преимущественно «ценностное» наполнение культуры, она связана с духовностью и совершенством и не предполагает враждебности, прямого противопоставления «другим» народам, государствам и ценностям. Культура интерпретируется как общее свойство человеческого рода, имеющее свои уровни (например, высокая культура), свои типы (русская, немецкая, японская культуры), различающиеся ценностями и нравственными принципами, но *не выстраиваемые в иерархию* (высшая / низшая культура). Западное понятие «culture» (культура) имеет иной характер и понимается как особенность ментальности человека, способность к символизации и символическому поведению, обособлению общества, констатаций различий и релятивизма экономических, политических, образовательных, религиозных и

иных социальных систем. «Культура отмены» как социально-политическая технология борьбы с чужими ценностями и всяческим инакомыслием возникла именно из указанного западного (функционального) подхода к культуре, который преимущественно выносит «за скобки» ценностную и этическую составляющие. Здесь «культура отмены» неразрывно связана с искажением формирования идентичности и с угрозой национальной безопасности. Исходя из функциональной интерпретации культуры «культура отмены» раскрывается также в контексте технологий культурных войн, находя выражение в виде попыток отмены русской культуры, а также одной из форм ксенофобии – русофобии, подразумевая сублимацию физического уничтожения российской цивилизации.

На основании проведенного исследования было установлено, что смысловое содержание понятия «культура отмены» крайне неоднородно и зависит от контекста употребления: от «отмены преподавателей» университетской среды как одной из форм протеста американских студентов до отмены русской культуры в международном пространстве. Исходя из базовых характеристик технологий отмены, были определены три вектора интерпретации данного понятия. Во-первых, «культура отмены» представляет собой технологию управления и контроля цифрового пространства и мира социальных сетей. Развитие «культуры отмены» как технологии манипулирования общественным мнением связано с распространением медиатехнологий и появлением социальных сетей, она зародилась и существует в цифровой среде. Она предполагает анонимность, безнаказанность и быстроту распространения информации, оторванность от социального, политического, исторического и культурного контекста. Во-вторых, «культура отмены» является действенным механизмом смены ценностных парадигм и искажения идентификационных стратегий в контексте «новой этики». Здесь акцентируется внимание именно на этике, практики отмены применяются из-за определенного «ненадлежащего поведения» в основном в профессиональной среде либо в публичной сфере.

Постулируется относительность морали: что морально для одного сообщества, может быть безнравственно для другого даже в рамках одной социальной системы. «Культура отмены» также в рамках данной интерпретации понимается как форма социального исключения, которая связана с нарушением этико-моральных норм и является эффективным механизмом манипуляции общественным мнением, искажающим коммуникацию. В-третьих, «культура отмены» является социально-политической технологией гибридной войны с «неудобными культурными кодами». Она появилась как средство продвижения определенных политических идей и взглядов под девизом борьбы за социальную справедливость (постепенно впадая в противоречие с идеей свободы слова). Социально-политический подход к определению «культуры отмены» можно условно разделить на два уровня: внутригосударственный (внутрикультурный) и международный (цивилизационный). В первом случае «культура отмены» рассматривается как технология внеинституционального скрытого контроля властью определенных групп населения. Второй уровень – *международное проявление (цивилизационный аспект)* «культуры отмены» проявляется в 2022 году, когда при усилении геополитического противостояния она интерпретируется в коммуникативном поле как удаление культуры, гибридная война с неудобными культурными ценностями.

На основании данных смысловых интенций автором было предложено определение «культуры отмены» как современной формы культурно-цивилизационных взаимодействий, обладающей такими чертами, как: массовость, публичность, цифровая природа, внеинституциональность, и отсутствие структуры, присущей правовым институтам, цензурирование культуры и искажение её ценностного ядра, опора на идентификационные стратегии, деструктивность. Таким образом, «культура отмены» представляет собой разрушительную форму межкультурной коммуникации, ключевой особенностью которой является отсутствие диалога, что подразумевает односторонний вектор движения культуры. Эта форма

является дисфункциональной по своей природе, так как, во-первых, не приемлет альтернативных норм и ценностей (что создает почву для возникновения экстремизма), а во-вторых – искажает смысл понятия «социальная справедливость», в результате чего она часто перерастает в общественные преследования. В процессе исследования природы «культуры отмены» были выделены два основных подхода к её интерпретации: *функциональный (внутрикультурный)* и *цивилизационный*. В первом случае она представляет собой социальную технологию управления общественным мнением внутри государства, либо одной культурной парадигмы, во втором – особую форму смены или слома культурно-цивилизационных моделей на международном, глобальном уровне. Таким образом, «культура отмены» расширяется от технологии формирования общественного мнения (инструмента манипулирования) до механизма цензурирования «культурного ядра», составляющего основу культурно-цивилизационной модели.

Исследование конкретных примеров цивилизационного проявления «культуры отмены» как попыток отмены русской культуры на Западе раскрывает её деструктивный характер. Запад и Россия показываются как разные, но взаимодействующие цивилизации, а «культура отмены» – это современный механизм разрушительного воздействия западной цивилизации на российское государство-цивилизацию. Попытка отмены русской культуры в странах Запада происходит практически во всех сферах (культура, религия, спорт, наука, образование), что выводит этот процесс на новый – межкультурный уровень: происходит борьба за ценности, которые составляют цивилизационную идентичность. В исследовании подчёркивается, что для России защита традиционных ценностей является стратегическим приоритетом и важным вопросом национальной безопасности. Все связанные с попытками отмены и искажения русской культуры и идентичности аспекты закреплены в специальных нормативно-правовых документах, в которых технологии и формы борьбы с русской культурой и российской государственностью прямо связываются с

деструктивной идеологией Запада. В результате проведенного исследования подчеркивается, что в российской цивилизации внедрение «культуры отмены» невозможно, так как Россия – это страна «собирательница», имеющая многовековой опыт гармоничного сосуществования совершенно разных народов посредством реализации ценностно-идеологической парадигмы «Русского мира».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит, Ф. Изучение истории как политическая проблема / Ф. Анкерсмит // Вопросы образования. – 2006. – № 4. – С. 32–38.
2. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / В. Анкерсмит ; [перевод с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. Под науч. ред. Л. Б. Макеевой]. – М.: Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
3. Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей / отв. редактор А. А. Тахо-Годи. – Москва: Издательство «Наука», 1984. – 400 с.
4. Аристархов, В. В. Характеристика угроз национальной безопасности России в нормативных актах по государственной культурной политике / В. В. Аристархов // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации : Сборник материалов круглого стола. – М. : Издательский дом «ИМЦ», 2021. – С. 41–53.
5. Архимандрит Макарий (Веретенников). Киевский Митрополит Константин I. – Текст: электронный // Правмир [Сайт]. – 2 янв. 2012. – URL: <https://www.pravmir.ru/kiievskiy-mitropolit-konstantin-i/> (дата обращения: 12.03.2024).
6. Астафьева, О. Н. Взаимодействие культур: динамика моделей и смыслов / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории. – 2012. – Том VI. – С. 97–107.
7. Астафьева, О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории : научный альманах. – Т. 5. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. – Москва : Изд-во независимого ин-та гражданского общества, 2011. – С. 223–241.

8. Астафьева, О. Н. Культурная политика России: проектный вектор креативного сектора / О. Н. Астафьева // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12. – С. 17–28. <https://doi.org/10.24158/fik.2024.12.1>.
9. Астафьева, О. Н. Смыслы культуры в контекстах и дискурсах культурной политики России / О. Н. Астафьева // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. – С. 412–415.
10. Астафьева, О. Н. Социокультурная политика в Российской Федерации: стратегии, уровни, инновации : монография / О. Н. Астафьева, В. А. Горенкин, А. В. Швецова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – 154 с.
11. Бабалова, М. Владимир Путин: Пресловутая «культура отмены» превратилась в «отмену культуры». – Текст: электронный / М. Бабалова // Российская газета [Сайт]. – 28 марта 2022. – URL: <https://rg.ru/2022/03/28/vladimir-putin-preslovutaia-kultura-otmeny-prevratilas-v-otmenu-kultury.html> (дата обращения: 12.03.2024).
12. Баранова, М. В. Канселинг (cancel culture) как инновационный правокультурный феномен / М. В. Баранова // Юридическая техника. – 2021. – №15. – С. 123–128.
13. Баранова, М. В. Субъекты канселинга (cancel cultur): сущностная специфика и правовой статус / М. В. Баранова // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского. – Москва, 2021. – С. 71–74.
14. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – 944 с.
15. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб ; [пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева]. – М.: Логос, 2003. – 350 с.

16. Бойко, А. В. Девиантологический потенциал «культуры отмены» / А. В. Бойко // Таврические студии. – 2021. – № 28. – С. 4–8.
17. Большакова, О. В. Концепт «Запад» и историографические образы России / О. В. Большакова // Труды по руссиеведению. – 2016. – Выпуск 6. – С. 353–385.
18. Больц, Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / Н. Больц ; [пер. с нем. И. А. Женина; под науч. ред. Я. Н. Охонько]. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.
19. Бондаренко, А. И. Контркультура в социальном развитии: философский анализ: 09.00.11: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Александр Иванович Бондаренко; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2011. – 20 с.
20. Борисенкова, А. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания / А. Борисенкова // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 1. – С. 55–63.
21. Бочарова, К. Н. Концепция «признания» Ф. Фукуямы, культурная идентичность и терроризм / К. Н. Бочарова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 2 (94). – С. 54–63. – DOI: 10.24412/1997-0803-2020-10206.
22. Британская издатель назвала цензурой решение не публиковать роман из-за критики украинцев. – Текст: электронный // ТАСС [Сайт]. – 19 июня 2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/18056855> (дата обращения: 21.11.2023).
23. Быков, И. А. Культура отмены в политическом дискурсе современной России / И. А. Быков, Ю. Д. Ахмедова // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 14–26. – DOI: 10.24334/KBSU.2021.1.1.002.

24. Былевский, П. Г. Феноменологический анализ явления «культура отмены» / П. Г. Былевский, Е. П. Цацкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – Вып. 2 (857). – С. 162–169. – DOI: 10.52070/2542-2197_2022_2_857_162.

25. В Миланском университете Бикокка чуть не запретили Достоевского. – Текст: электронный // RGRU Интернет-портал «Российской газеты» [Сайт]. – 02 марта 2022. – URL: <https://rg.ru/2022/03/02/v-milanskom-universitete-bikokka-chut-ne-zapretili-dostoevskogo.html> (дата обращения: 21.11.2023).

26. В Эстонии окончательно запретили русскую церковь. Власти назвали причину. – Текст: электронный // Сетевое издание «Царьград» [Сайт]. – 23 янв. 2025. – URL: https://tsargrad.tv/news/v-jestonii-okonchatelno-zapretili-russkuju-cerkov-vlasti-nazvali-prichinu_1136744 (дата обращения: 13.02.2025).

27. Васильева, А. В. Контркультура в условиях тоталитарного общества (на примере контркультуры Германской Демократической Республики): 09.00.13: дис. ... канд. филос. наук / Анастасия Вячеславовна Васильева; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2014. – 196 с.

28. Виноградов, В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений / В. А. Виноградов // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 3. – С. 17–30. – DOI: 10.12737/jrp.2023.026.

29. Воскрешение Кевина Спейси. Звезда «Карточного домика» получил первую кинопремию после отмены в 2017 году. – Текст: электронный // Kursiv LifeStyle [Сайт]. – 9 июля 2024. – URL: <https://kz.kursiv.media/2024-07-09/lfst-ttkn-kevin-spacey/#:~:text=B%20июле%202023->

го%20Кевин,говоря%20о%20многомиллионных%20долгах%20адвокатам.
(дата обращения: 10.10.2024).

30. Гашкова, Е. М. «Культура отмены» как механизм искажения исторической и культурной памяти / Е. М. Гашкова // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2024. – С. 204–206.

31. Гобино, Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас. – Текст: электронный / Ж. А. Гобино // Хронос [Сайт]. – URL: http://www.hrono.ru/libris/lib_g/gobino00.php (дата обращения: 25.03.2023).

32. Горлова, И. И. Проблема жизнеспособности российской цивилизации перед лицом вызовов XXI века. – Текст: электронный / И. И. Горлова, А. Л. Зорин // Культурологический журнал. – 2019. – №3 (37). – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/484.html&j_id=40 (дата обращения: 07.05.2025).

33. Горлова, И. И. Российская цивилизация и «Русский мир». – Текст: электронный / И. И. Горлова, В. П. Гриценко // Журнал института наследия. – 2018. – №2 (13). – С. 1–11. – URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/206.html> (дата обращения: 07.05.2025).

34. Горлова, И. И. Современные вызовы и угрозы национальной безопасности России в сфере культуры / И. И. Горлова, А. Л. Зорин, Т. В. Коваленко // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации: сборник материалов круглого стола (25 августа 2021 г.); ВАГШ ВС РФ. – Москва : Издательский дом «ИМЦ», 2021. – С. 219–229.

35. Громова, И. Б. Контркультура как адаптивный механизм трансляции социального опыта / И. Б. Громова, В. И. Леонтьева // Соц. исследования. – 1991. – № 10. – С. 78–87.

36. Гуревич, П. С. Контркультура / П. С. Гуревич // Культурология. XX век. Энциклопедия. – Т.1. – СПб.: Университетская книга; ООО «Алетейя», 1998. – С. 322–323.

37. Гуревич, П. С. Музыка и борьба идей в современном мире / П. С. Гуревич. – М., 1984. – 128 с.
38. Гусейнов, А. А. Что нового в «новой этике»? / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. – 2021. – Выпуск 58. – С. 91–106.
39. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э Гуссерль ; [пер. с нем. А. В. Михайлова; Вступ. ст. В. А. Куренного]. – М.: Академический Проект, 2009. – 489 с.
40. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский ; [сост., послесловие и комментарии С. А. Вайгачева]. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
41. Данильченко, Т. Ю. Лакуны в мыслительных стратегиях Запада и Востока / Т. Ю. Данильченко // Культурная жизнь Юга России. – 2009. – № 5 (34). – С. 21–23.
42. Дашинимаев, Г. Ю. Cancel culture как новая социальная реальность / Г. Ю. Дашинимаев // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2021. – Вып. 1. – С. 19–24.
43. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий ; 5-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1998. – 846 с.
44. Демшина, А. Ю. Новая чувствительность и экономика события / А. Ю. Демшина // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2022. – №3(64). – С. 104–109.
45. Денисов, Н. Г. Сила правды и жертвы лжи. К вопросу об информационной безопасности в условиях вызовов и угроз / Н. Г. Денисов // Культура и время перемен. – 2022. – №2 (37). – URL: timekguki.esrae.ru/53-745 (дата обращения: 26.03.2025).
46. Денисов, Н. Г. Триада российской государственности: культура – идеология – гражданская идентичность / Н. Г. Денисов // Будущее России: историко-культурные и духовнонравственные основы идеологии российской государственности и цивилизации : сборник материалов III Всероссийской

научнопрактической конференции (Краснодар, 26 мая 2023 г.). – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2023. – С. 35–44.

47. Дериглазова, Л. В. Культура отмены в политике и международных отношениях / Л. В. Дериглазова, А. М. Погорельская // Вестник МГИМО-Университета. – 2023. – 16(4). – С. 7–33. – DOI 10.24833/2071-8160-2023-4-91-7-33.

48. Директор «Русских сезонов» указал на востребованность артистов из РФ в мире. – Текст: электронный // Известия [Сайт]. – 19 авг. 2022. – URL: <https://iz.ru/1381834/2022-08-19/direktor-russkikh-sezonov-ukazal-na-vostrebovannost-artistov-iz-rf-v-mire> (дата обращения: 21.11.2023).

49. Елисеев, Н. Молчание в эфире: в школах Латвии запретят изучение русского языка. – Текст: электронный / Н. Елисеев // Портал «Известия» [Сайт]. – 26 апр. 2024. – URL: <https://iz.ru/1687621/nikita-eliseev/molchanie-v-efire-v-shkolakh-latvii-zapretiat-izuchenie-russkogo-iazyka> (дата обращения: 16.02.2025).

50. Ерохина, Т. И. «Культура отмены» в контексте «новой этики» / Т. И. Ерохина // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2024. – С. 209–211.

51. Ерохина, Т. И. «Новая» и/или старая этика: метаморфозы антиутопии / Т. И. Ерохина // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. – С. 246–248.

52. Ефимец, М. А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт / М. А. Ефимец // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 2 (94). – С. 64–73. – DOI: 10.24411/1997-0803-2020-10207.

53. Жукоцкий, В. Д. Философия и культурология: от бытия идеи к бытию предметных форм / В. Д. Жукоцкий, З. Р. Жукоцкая //

Фундаментальные проблемы современной культурологии. – Том I. Теория культуры. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 55–65.

54. Захар Прилепин. Официальный канал писателя, подполковника Росгвардии Захара Прилепина [Сайт]. – Текст: электронный. – URL: <https://t.me/zakharprilepin> (дата обращения: 16.11.2023).

55. Зиновьев, А. Русская трагедия (Гибель утопии) / А. Зиновьев. – Текст: электронный. – URL: <http://cnsa.cmlaboratory.com/pdf/index16/zinoviev-tragedia.pdf>. (дата обращения: 11.02.2025).

56. Золото скифов – Украине: суд Нидерландов поставил точку спустя девять лет. – Текст: электронный // Газета.ру [Сайт]. – 09 июня 2023. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/06/09/17114792.shtml> (дата обращения: 21.11.2023).

57. Иванова, Т. Н. Субкультура как альтернативная форма социализации личности / Т. Н. Иванова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2015. – №1 (10). – С. 78–81.

58. Искоренение насилия и домогательств в сфере труда. Конвенция 190, Рекомендация 206 и сопровождающая их резолюция. – Текст: электронный // International Labour Organization [Сайт]. – URL: <https://www.ilo.org › media › download> (дата обращения: 10.10.2024).

59. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

60. Киевский университет закрыл программы по изучению русского и белорусского языков. – Текст: электронный // Информационное агентство ТАСС [Сайт]. – 24 окт. 2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/19100277> (дата обращения: 10.02.2025).

61. Киселева, Е. Л. Чистки государственных учреждений в 1929–1932 гг. как советский метод борьбы с бюрократизмом / Е. Л. Киселева // Вестник РУДН. Серия История России. – 2009. – №4. – С. 60–73.

62. Климова, А. Ученых из РФ отстранили от ядерных исследований в Европе. – Текст: электронный / А. Климова // URA.RU. Информационное

агентство [Сайт]. – 01 дек. 2024. – URL: <https://ura.news/news/1052850430> (дата обращения: 10.02.2025).

63. Коваленко, Т. В. Культура как фактор национальной безопасности: концептуальные и стратегические аспекты / Т. В. Коваленко // Журнал института наследия. – 2018. – 1(12). – С. 1–6.

64. Ковшова, И. В. Философско-теоретическая модель контркультуры: 09.00.13: дис. ... канд. филос. наук / Ирина Владимировна Ковшова; Саратовский государственный технический университет. – Саратов, 2007. – 131 с.

65. Коктыш, К. Когнитивное измерение безопасности / К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш // Международные процессы. – 2021. – Т. 19. – № 4(67). – С. 26–46.

66. Комлева, Н. А. Консциентальная война: глобальные тренды глобального противостояния / Н. А. Комлева // Пространство и Время. – 2015. – № 3(21). – С. 15–23.

67. Кому мешает «Щелкунчик». Одни отменяют, другие играют, хотя он и русский. – Текст: электронный // ИНОСМИ [Сайт]. – 07 дек. 2022. – URL: <https://inosmi.ru/20221207/kultura-258577146.html> (дата обращения: 21.11.2023).

68. Конрад, С. Что такое глобальная история? / С. Конрад. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 312.

69. Королев, В. К. Контркультура / В. К. Королев // Культурология. Краткий тематический словарь. – Ростов н/Д: «Феникс», 2001. – С. 83–84.

70. Костенко, О. В. Деструктивный вектор «культуры отмены» в современных культурно-цивилизационных взаимодействиях (на примере русской культуры) / О. В. Костенко // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. XI междунар. науч. форума (Краснодар, 11–14 сентября 2025 г.). – М. : Институт Наследия, 2025. – С. 128–129. – DOI : 10.34685/NI.2025.20.28.002.

71. Костенко, О. В. Историко-философские предпосылки становления понятия «культура отмены» / О. В. Костенко // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 5. – С. 248–252. – <https://doi.org/10.24158/fik.2023.5.38>.

72. Костенко, О. В. К концептуализации «культуры отмены»: аксиологическая vs функциональная интерпретации культуры в отечественном и зарубежном социокультурном пространстве / О. В. Костенко, О. И. Микитинец // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2024. – Вып. 12 (893). – С. 154–161.

73. Костенко, О. В. Культура отмены как культурологический концепт: к систематизации подходов / О. В. Костенко // Культура и цивилизация. – 2025. – Том 15. – № 4А. – С. 76–85.

74. Костенко, О. В. «Культура отмены» как механизм искажения национальной идентичности / О. В. Костенко // Проблемы идентичности в реалиях современного мира: междисциплинарный подход. Материалы международной научно-практической конференции 27–28 сентября 2024 года; отв. ред. : О. В. Васина, Е. И. Барышникова. – СПб.: СПбГТИ(ТУ), 2024. – С. 44–46.

75. Костенко, О. В. «Культура отмены» практики современного искусства / О. В. Костенко // Таврические студии. – 2023. – № 35. – С. 8–15.

76. Костенко, О. В. «Культура отмены» как угроза национальному суверенитету России в условиях геополитических противостояний / О. В. Костенко // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : программа и тез. докл. участ. X междунар. науч. форума (Краснодар, 26–29 сентября 2024 г.). – М.: Институт Наследия, 2024. – С. 126–127.

77. Костенко, О. В. Структурно-функциональные основания типологии интерпретаций контркультуры / О. В. Костенко // Таврические студии. – 2022. – № 32. – С. 25–30.

78. Костенко, О. В. Эволюция «культуры отмены» как социокультурной практики: от генезиса к социально-политическим течениям XX–XXI вв. / О. В. Костенко // Культурная жизнь юга России. – №4. – 2024. – С. 40–50.

79. Костина, А. В. Ценности и смыслы культуры как фактор национальной безопасности / А. В. Костина // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. – С. 109–111.

80. Костина, А. В. Культура как фактор национальной безопасности современной России: Значение и ролевая модель / А. В. Костина, Э. Ф. Макаревич, О. И. Карпухин, В. А. Луков. – М.: Ленанд, 2021. – 328 с.

81. Костина, Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов / Е. Н. Костина // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, кн. 1. Гуманитарные науки. – С. 60–65.

82. Костомаров, Н. И. Мазепа. Историческая монография / Н. И. Костомаров. – Москва: Типо-литография И. Н. Кушнерева и Ко, 1883. – 446 с. – URL: https://books.googleusercontent.com/books/content?req=AKW5QadIP8wsbeO1bg2igD8ahojHTEZFKqn-m_EsQ9UFQ-maYNchKJd7onVIwrsjYPTJ7zv04RYfYJsR54vUERv8OulrXR6L6GRhpATImmocQey8ZtMnA_szumizJhafIa0VfB-S3BxqoL6yx5zIIqwKPK-Z4M7_bFX62GagkfRCBchsoj7NlCGVDDlxAS3JwbZP6GU5L3Qvfm0ah7vZau47utGQtPFETt0mdlgaqf3kPEtzv49k4_HWsxblIGi2NV0YKnfDALvM (дата обращения: 26.11.2024).

83. Коцюбинская, Л. В. Феномен «культура отмены» в лингвофилософском осмыслении / Л. В. Коцюбинская, Е. А. Марутин // Политическая лингвистика. – 2024. – № 4 (106). – С. 190–196.

84. Кравченко, С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции / С. А. Кравченко // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 3–10.

85. Кравченко, С. А. Цивилизационные вызовы устойчивому развитию России (Интерферентные риски, востребованность долговременно функционирующих факторов) / С. А. Кравченко // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – Том 67, № 2. – С. 30–40.
86. Кротовская, Н. Г. «Новая этика», истоки и современность (Обзор) / Н. Г. Кротовская, В. С. Кулагина-Ярцева // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Том 11. № 2А. – С. 241–259.
87. Кузнецов, Г. Культура отмены: история и современность / Г. Кузнецов, М. Ступко // СоциоДиггер. – 2022. – Том 3. Выпуск 3–4(17): Российский синдром отмены. – С. 40–44.
88. Культура. – Текст: электронный // Идеографический словарь русского языка [Сайт]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/ideographic-dictionary/index-202.htm#202> (дата обращения: 12.03.2024).
89. Кутырёв, В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма / В. А. Кутырёв // Век глобализации. – 2009. – №2. – С. 92–102.
90. Лисица, К. Э. «Культура отмены» как форма проявления стигматизации / К. Э. Лисица, В. А. Туркулец // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 6. – С. 107–110. – doi: 10.23672/19940-2233-9740-s.
91. Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М.: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
92. «Люди пытаются исключить любого, с кем не согласны»: что не так с «культурой отмены»? – Текст: электронный // Post|News [Сайт]. – URL: <https://postnews.ru/a/16345> (дата обращения: 17.10.2024).
93. Малыгина, И. В. Identity capital и стратегии самоопределения человека в цифровом пространстве современной культуры / И. В. Малыгина // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2024. – С. 217–220.

94. Малыгина, И. В. Идентичность в пространстве пост-культуры / И. В. Малыгина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 13 (829). – С. 173–185.
95. Малыгина, И. В. Кризис диалоговых стратегий в культуре постглобального мира / И. В. Малыгина // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. – С. 268–270.
96. Малыгина, И. В. Культурные идентичности в постглобальном мире / И. В. Малыгина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 13 (855). – С. 348–361.
97. Малыгина, И. В. Российская идентичность в контексте цивилизационных разломов Запада и Востока. – Текст: электронный / И. В. Малыгина // Культура культуры. 2016. № 2 (10). С. 9. – URL: <http://cult-cult.ru/the-russian-identity-in-the-context-of-civilizational-rift-between-the-west-and/> (дата обращения: 14.05.2025).
98. Марков, А. П. «Новая этика» как глобальный проект культурной регрессии / А. П. Марков // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2024. – С. 222–224.
99. Мельвиль, А. Ю. Контркультура и «новый» консерватизм / А. Ю. Мельвиль, К. Э. Разлогов. – М.: Искусство, 1981. – 264 с.
100. Мельник, А. В. Культура отмены России странами Запада как инструмент политического давления / А. В. Мельник // Вопросы студенческой науки. – 2023. – №7 (83). – С. 76–83.
101. Микитинец, А. Ю. Русский мир как цивилизационный нарратив: ключевые аспекты культурологического осмысления / А. Ю. Микитинец, О. И. Микитинец // Таврические студии. – 2022. – № 29. – С. 39–44.

102. Микитинец, О. И. Неудобные спутники современной культуры, или к вопросу о месте молодежных субкультур / О. И. Микитинец // Культура народов Причерноморья. – 2012. – №229. – С. 97–100.
103. Миндолина, М. В. Контркультура: сущность и существование: 24.00.01: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Марина Викторовна Миндолина; Белгородская государственная сельскохозяйственная академия. – Белгород, 2006. – 34 с.
104. Министр культуры Литвы поддержал идею о моратории на русскую культуру. – Текст: электронный // Известия [Сайт]. – 3 янв. 2023. – URL: <https://iz.ru/1450416/2023-01-03/ministr-kultury-litvy-podderzhal-ideiu-o-moratorii-na-russkuiu-kulturu> (дата обращения: 21.11.2023).
105. На Украине приняли закон о запрете УПЦ. Что это значит. – Текст: электронный // Известия [Сайт]. – 21 авг. 2024. – URL: <https://iz.ru/1746013/2024-08-21/na-ukraine-priniali-zakon-o-zaprete-uptc-cto-eto-znachit> (дата обращения: 16.02.2025).
106. Натиск культуры отмены. – Текст: электронный // Журнал «Королевские ворота» [Сайт]. – URL: <https://korolevskievorota.ru/natisk-kultury-otmeny/> (дата обращения: 21.11.2023).
107. Никитин, А. В. Культура отмены: причины трудностей развития в России / А. В. Никитин, О. М. Орлинская, П. В. Седаев, С. В. Устинкин, А. А. Фоменков // Власть. – 2022. – №3. – С. 65–69.
108. Ницше, Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Ф. Ницше ; [пер. с нем. Е. Герцык и др.] – М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.
109. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше ; [пер. с нем. Ю. Антоновского]. – Москва : Издательство АСТ, 2017. – 288 с.
110. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ф. Ницше. – Т. 5: По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер» ; [пер. с нем. Н. Н. Полилов, К. А. Свасьян]. – М.: Культурная революция, 2012. – 480 с.

111. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман ; [пер. с нем.; общ. ред. и предисл. Н. С. Мансурова]. – М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. – 352 с.
112. Овчинников, А. В. «Культура отмены» и «корпоративная отмена» в дискурсе социальной философии / А. В. Овчинников, Д. А. Аникин // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2025. – № 83. – С. 76–87. – DOI: 10.17223/1998863X/83/8.
113. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.
114. Олимпийская хартия (в действии с 26 июня 2019 г). Опубликовано Международным олимпийским комитетом – сент. 2019. – Текст: электронный. – URL: <https://noc.by/upload/New%20Folder/charter-26.06.2019-rus.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
115. Олимпийские игры в Париже: геополитические итоги и форсайт. – Текст: электронный // Российский совет по международным делам (РСМД). Блог Андрея Волкова [Сайт]. – 23 авг. 2024. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/a-volkov/olimpiyskie-igry-v-parizhe-geopoliticheskie-itogi-i-forsayt/> (дата обращения: 21.02.2025).
116. Омельченко, Е. Молодежные культуры и субкультуры / Е. Омельченко. – М. Издательство «Институт социологии РАН», 2000. – 264 с.
117. Отменный год. Как в 2022-м отменяли российскую культуру – извне и изнутри. – Текст: электронный // RTVI [Сайт]. – 29 дек. 2022. – URL: <https://rtvi.com/stories/otmennyyj-god-kak-v-2022-m-otmenyali-rossijskuyu-kulturu-izvne-i-iznutri/> (дата обращения: 21.11.2023).
118. Отмены русской культуры стало недостаточно. Пришло время ее грабежа. – Текст: электронный // РИА Новости [Сайт]. – 05 апр. 2022. – URL:

<https://ria.ru/20220405/iskusstvo-1781810320.html> (дата обращения: 21.11.2023).

119. Павлушков, А. Р. Анафема как форма уголовной и политической репрессии в карательной политике российского государства / А. Р. Павлушков // Пенитенциарная наука. – 2014. – № 2 (26). – С. 83–87.

120. Павлушков, А. Р. Практика великого отлучения в истории государственно-церковных отношений России. – Текст: электронный / А. Р. Павлушков // Клио. – 2014. – № 3. – С. 56–61. – URL: <https://naukarus.com/praktika-velikogo-otlucheniya-v-istorii-gosudarstvenno-tserkovnyh-otnosheniy-rossii> (дата обращения: 21.11.2023).

121. Панарин, И. Н. Основы теории «гибридной войны» / И. Н. Панарин // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2019. – №4. – С. 58–71.

122. Паралимпийский комитет России назвал незаконным недопуск на Паралимпиаду. – Текст: электронный // Сетевое издание «РБК Спорт» [Сайт]. – 03 марта 2022. – URL: <https://sportrbc.ru/news/62206e069a7947752a8d28db?from=copy> (дата обращения: 21.11.2023).

123. Пареньков, Д. Отменяй и властвуй? «Культура отмены» в мировой политике. – Текст: электронный / Д. Пареньков // Валдай: Международный дискуссионный клуб [Сайт]. – 07 июня 2022. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/otmenyay-i-vlastvuy/> (дата обращения: 21.02.2025).

124. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль. – М, 1996. – С. 462–478.

125. Пархоменко, Т. А. Российская цивилизация : между Западом и Востоком / Т. А. Пархоменко. – М. : Институт наследия, 2021. – 152 с.

126. Пилюгина, Е. В. Нарративное прочтение истории: ретроспектива и перспектива / Е. В. Пилюгина // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – №6. – 2016. – С. 89–93.
127. Платон. Диалоги / Платон ; [пер. с древнегреч. В. С. Соловьева]. – М.: РИПОЛклассик, 2016. – 576 с.
128. Пленарное заседание Форума объединённых культур. – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – 12 сент. 2024. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75091> (дата обращения: 13.09.2024).
129. Подборка данных ВЦИОМ к тематическому выпуску СоциоДиггера «Синдром отмены» №17. – 72 с. – Текст : электронный. – URL: <http://www.wciom.ru> (дата обращения: 20.02.2025).
130. Полетаева, М. А. Цивилизационизм / М. А. Полетаева // Историческая культурология ; Новый ин-т культурологии; [отв. ред. Э. Я. Шулепова]. – М.: Академический проспект; Альма Матер, 2015. – С. 732–733. – (Энциклопедия культурологии, [т.4]; Summa).
131. Полный текст обращения Владимира Путина на «Валдае» 27 окт. 2022. – Текст: электронный // Комсомольская правда [Сайт]. – URL: <https://www.kp.ru/daily/27463/4668903/> (дата обращения: 13.09.2024).
132. Полякова, Е. А. Феномен толерантности как базис «новой этики» Запада / Е. А. Полякова // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2022. – С. 277–279.
133. Попова, Е. А. «Культура отмены» как проявление западной русофобии / Е. А. Попова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – 12(6). – С. 40–45. – DOI : 10.26794/2226-7867-2022-12-6-40-45.
134. Попытка провалилась: как на самом деле происходит отмена русской культуры на Западе. – Текст: электронный // Вечерняя Москва [Сайт]. – 17 июня 2022. – URL: <https://vm.ru/world/975048-popytka-provalilas->

kak-na-samom-dele-proishodit-otmena-russkoj-kultury-na-zapade (дата обращения: 21.11.2023).

135. Посол Чжан Ханьхуэй: Гегемония и силовая политика Запада – источник нестабильности в мире. – Текст: электронный // Посольство Китайской народной республики в Российской Федерации [Сайт]. – 8 апр. 2022. – URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/dssghd/202204/t20220408_10665934.htm (дата обращения: 16.01.2025).

136. Почему Запад пытается «отменить» Россию? Мнение декана МГИМО Генри Сардаряна. – Текст: электронный // Информационное агентство «SM News» [Сайт]. – 28 нояб. 2022. – URL: <https://sm.news/genri-sardaryan-smysl-kultury-otmeny-71572-u3t5/> (дата обращения: 21.11.2023).

137. Президент Италии считает ошибочной «отмену» русской культуры. – Текст: электронный // ТАСС [Сайт]. – 21 апр. 2023. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17577323> (дата обращения: 21.11.2023).

138. Путин ответил на попытки отмены русской культуры в мире. – Текст: электронный // URA.RU. Информационное агентство [Сайт]. – 20 сент. 2023. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17577323> (дата обращения: 21.11.2023).

139. Путин раскритиковал японские учебники. – Текст: электронный // Интернет-портал «Российской газеты» [Сайт]. – 25 марта 2022. – URL: <https://rg.ru/2022/03/25/putin-raskritikoval-iaponskie-uchebniki.html> (дата обращения: 11.11.2024).

140. Путрик, Ю. С. К вопросу о социокультурных факторах укрепления культурного суверенитета Российской Федерации / Ю. С. Путрик, А. П. Соловьев // Культурное наследие России. – 2024. – 2 (45). – С. 14–19.

141. ПЦУ решила отмечать Рождество 25 декабря. – Текст: электронный // Известия [Сайт]. – 24 мая 2023. – URL:

<https://iz.ru/1517695/2023-05-24/ptcu-reshila-otmechat-rozhdestvo-25-dekabria> (дата обращения: 16.02.2025).

142. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11.09.2024 № 2501-р «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года». – Текст : электронный // Правительство Российской Федерации [Сайт]. – URL: <http://government.ru/docs/all/155288/> (дата обращения: 19.01.2025).

143. «Расприглашение» российской науки: как санкции Запада ударили по ученым. – Текст : электронный. // Электронное периодическое издание Московский Комсомолец [Сайт]. – 03 марта 2022 – URL: <https://www.mk.ru/science/2022/03/03/raspriglasenie-rossiyskoy-nauki-kak-sankcii-zapada-udarili-po-uchenym.html> (дата обращения: 16.02.2025).

144. Ремизов, В. А. Культурно-цивилизационные модели современности в проекции гуманизации общественного развития / В. А. Ремизов, В. С. Садовская, О. В. Ремизов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – №6 (116). – С. 6–11. – <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-6116-6-11>.

145. Ремизов, В. А. Межцивилизационный диалог в фокусе современных культурных процессов / В. А. Ремизов // Диалог культур и цивилизаций. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. – Москва, 2022. – С. 72–74.

146. Ремизов, В. А. Цивилизационные коды России и Запада: специфика диалога / В. А. Ремизов, О. В. Ремизов, Т. А. Доронина // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2022. – № 1 (44). – С. 45–53. – <https://doi.org/10.24412/2310-1679-2022-144-45-53>.

147. Рикёр, П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / П. Рикёр. – М.; СПб.: Университетская книга, 1998. – 313 с.

148. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
149. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре. / Г. Риккерт ; [пер. с нем.; общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова; сост. А. П. Полякова, М. М. Беляева; подгот. текста и прим. Р. К. Медведевой]. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
150. Родионова, О. В. Диалог / О. В. Родионова // Историческая культурология ; Новый ин-т культурологии; [отв. ред. Э. Я. Шулёпова]. – М.: Академический проспект; Альма Матер, 2015. – С. 732–733. – (Энциклопедия культурологии, [т.4]; Summa).
151. Российских спортсменов в случае побед на Олимпиаде будут награждать под музыку без слов. – Текст: электронный // ТАСС [Сайт]. – 19 марта 2024. – <https://tass.ru/sport/20288577> (дата обращения: 21.09.2024).
152. «Русские сезоны» Сергея Дягилева. – Текст: электронный // Belcanto.ru Классическая музыка, опера и балет [Сайт]. – URL: <https://www.belcanto.ru/seasons.html#:~:text=«Русские%20сезоны»%20—%20гастрольные%20выступления,видом%20деятельности%20антрепризы%20Остал%20балет> (дата обращения: 21.11.2023).
153. Русский анти-Вагнер: «Лоэнгрин» в Парижской опере. – Текст: электронный // Belcanto.ru Классическая музыка, опера и балет [Сайт]. – URL: <https://www.belcanto.ru/23092701.html> (дата обращения: 21.09.2024).
154. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж. Ж. Руссо. – М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998. – 416 с.
155. Рустамова, Л. Р. «Культура отмены»: концептуализация понятия и его использование во внешней политике / Л. Р. Рустамова, А. К. Адрианов // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 4. – С. 37–53. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.04>.
156. Рустамова, Л. Р. «Культура отмены» в отношении России и способы борьбы с ней / Л. Р. Рустамова, Д. Г. Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2023. –

Т. 25. – № 2. – С. 434–444. – <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-434-444>.

157. Рэдклифф-Браун, А. Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А. Р. Рэдклифф-Браун. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с.

158. Савченкова, М. И. Культура отмены в современном исследовательском дискурсе: теоретические и исторические детерминанты / М. И. Савченкова // Власть. – 2024. – №3. – С. 188–194.

159. Салиева, Л. К. Отмена русской/российской культуры»: культура отмены или антибрендинг России? / Л. К. Салиева, Э. А. Арутюнова-Ястребкова, А. Цеппи // Российская школа связей с общественностью. – 2023. – Т. 30. – С. 44–72. – DOI: 10.24412/2949-2513-2023-30-44-72.

160. Сергей Лавров сообщил об отказе ЮНЕСКО поддерживать все значимые мероприятия в России в 2022 году. – Текст: электронный // Первый канал [Сайт]. – 20 дек. 2022. – URL: [https://www.1tv.ru/news/2022-12-20/443860-](https://www.1tv.ru/news/2022-12-20/443860-sergey-lavrov-soobschil-ob-otkaze-yunesko-podderzhivat-vse-znachimye-meropriyatiya-v-rossii-v-2022-godu)

[sergey_lavrov_soobschil_ob_otkaze_yunesko_podderzhivat_vse_znachimye_mero priyatiya_v_rossii_v_2022_godu](https://www.1tv.ru/news/2022-12-20/443860-sergey-lavrov-soobschil-ob-otkaze-yunesko-podderzhivat-vse-znachimye-meropriyatiya-v-rossii-v-2022-godu) (дата обращения: 24.01.2025).

161. Сергеев, В. К. Молодежная культура мегаполиса в условиях социальных трансформаций / Владимир Кириллович Сергеев: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06: социология культуры, духовной жизни. – Москва, 2002. – 382 с.

162. Симхович, В. А. Культура отмены как инструмент манипулирования общественным мнением / В. А. Симхович // Современный социум: социология жизни (междисциплинарный профиль) : материалы I Международного научно-методологического междисциплинарного семинара «Новые вызовы и перспективы развития современного социума», Минск, 10 ноября 2022 г. / БГУ, Фак. философии и социальных наук ; [редкол.: А. Н. Данилов (гл. ред.), А. А. Похомова]. – Минск : БГУ, 2022. – С. 212–219.

163. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин ; [общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов; пер. с англ.]. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
164. Степин, В. С. Культура / В. С. Степин // Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. – М.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2021. – С. 527–529.
165. Стрекалов, Г. С. О некоторых особенностях феномена «культуры отмены» / Г. С. Стрекалов, Ю. С. Филиппович // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный журнал. – 2021. – №1 (26). – С. 36–41.
166. Субботина, М. В. Культура отмены: проявление социальной справедливости или новый инструмент манипуляции / М. В. Субботина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 3. – С. 34–37.
167. Султанова, М. А. Философия контркультуры Теодора Розака: (очерк филос. публицистики) / М. А. Султанова. – М. : ИФРАН, 2009. – 175 с.
168. Тарасов, А. Н. Механизмы динамики культуры в процессе социокультурной трансформации / А. Н. Тарасов // Общество: философия, история, культура. – 2016. – Выпуск № 5. – С. 26–29.
169. Творения Платона. Полное собрание творений Платона в 15 томах / Новый перевод под редакцией С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. – Петербург-Ленинград: Academia, 1923–1929. – Том 1. Евтифорон, Апология Сократа, Критон, Федон. – 224 с.
170. Терни, С. Калигула. – Текст: электронный / С. Терни ; [пер. Е. А. Копосовой]. – Издательство «Азбука», 2020 // Библиотека онлайн [Сайт]. – URL: <https://biblioteka-online.info/book/kaligula/reader/> (дата обращения: 30.03.2023).
171. Тихомиров, В. Воукизм / В. Тихомиров // С-Т-О-Л [Сайт]. – 09 нояб. 2021. – URL: <https://s-t-o-l.com/material/68814-voukizm/> (дата обращения: 21.09.2024).
172. Тойнби, А. Постижение истории / А. Дж. Тойнби ; [пер. с англ. Е. Д. Жаркова]. – М.: Айрис-пресс, 2010. – 640 с.

173. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад / Арнольд Дж. Тойнби. – М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. – 318, [2] с.

174. Топилина, А. В. «Культура отмены» как репрессивный инструмент «новой этики» / А. В. Топилина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. – 2023. – № 2 (105). – С. 204–211.

175. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 05.05.2025).

176. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 16.02.2025).

177. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 года № 314 «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/AFZhXphYZLaDAxIkLpI77nzFzg7hKPI2.pdf> (дата обращения: 19.01.2025).

178. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 19.01.2025).

179. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/HCM4ADyLOooRo7aqM253tzKJZdhkiAEC.pdf> (дата обращения: 14.07.2025).

180. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (дата обращения: 20.03.2025).

181. Указ Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48855> (дата обращения: 13.05.2025).

182. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 20.03.2025).

183. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090> (дата обращения: 19.01.2025).

184. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. – Текст: электронный // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина [Сайт]. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13654#%20ref-2> (дата обращения: 21.09.2024).

185. Ульянов, М. А. Реальность и мечта / М. А. Ульянов. – М: Вагриус, 2007. – 400 с.

186. Федеральный закон от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Текст: электронный // Президент России [Сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38395> (дата обращения: 26.05.2023).

187. Фефелов, А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» / А. Ф. Фефелов // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная

коммуникация. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 126–144. – DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144.

188. Фишман, Л. Г. «Культура отмены» в России: от неприятия к ограниченному применению? / Л. Г. Фишман // Антиномии. – 2024. – Т. 24, вып. 3. – С. 70–82. – https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_3_70.

189. Флиер, А. Я. Динамика культуры / А. Я. Флиер // Историческая культурология ; Новый ин-т культурологии; [отв. ред. Э. Я. Шулепова]. – М.: Академический проспект; Альма Матер, 2015. – С. 193–196. – (Энциклопедия культурологии, [т.4]; Summa).

190. Флиер, А. Я. Нарратив / А. Я. Флиер // Историческая культурология ; [отв. ред. Э. Я. Шулепова]. – М.: Академический проспект; Альма Матер, 2015. – С. 447. – (Энциклопедия культурологии, [т.4]; Summa).

191. Флиер, А. Я. Философские пролегомены к Нормативной теории культуры. – Текст: электронный / А. Я. Флиер // Культура культуры. – 2019. – № 1. – URL: <http://cult-cult.ru/the-philosophical-prolegomena-to-a-normative-theory-of-culture/> (дата обращения: 18.03.2024).

192. Фукуяма, Ф. Главенство культуры / Ф. Фукуяма // Journal of Democracy, 1995. – Vol. 6, 1. – P. 7–14. – URL: https://www.hrono.ru/libris/lib_f/fukuyama04.html (дата обращения: 29.11.2024).

193. Фукуяма, Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма. – Москва : Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.

194. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. – АСТ; Москва. 2015. – 259 с.

195. Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследование относительно категории буржуазного общества. С предисловием к переизданию 1990 г. / Ю. Хабермас ; [пер. с нем. В. В. Иванова]. – М.: Весь мир, 2016. – 344 с.

196. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова]. – М: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.
197. Харичев, А. Д. Цивилизация «Россия» / А. Д. Харичев // Блокнот гражданского просвещения. – Март-апрель 2025. – Выпуск №7. – С. 4–10.
198. Хаттон, П. История как искусство памяти / Патрик Х. Хаттон. – СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2004. – 424 с.
199. Хлыщева, Е. В. Социальные практики изгнания как истоки современной культуры отмены / Е. В. Хлыщева, А. Д. Киселева // Научно-практический электронный журнал «Оригинальные исследования» (ОРИС). – 2024. – № 05. – С. 105–108.
200. Что пишут о Второй мировой войне в учебниках разных стран. – Текст: электронный // РИА Новости [Сайт]. – 08 мая 2019. – URL.: <https://ria.ru/20190508/1553303608.html> (дата обращения: 19.02.2025).
201. Чугров, С. В. Культура отмены в мировой политике: историко-философские корни / С. В. Чугров // Полис. Политические исследования. – 2022. – №5. – С. 88–98. – <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.07>.
202. Чугров, С. В. Трансформация общественного мнения в эпоху глобальной нестабильности / С. В. Чугров // Коммуникология. – 2017. – Том 5. – № 4. – С. 25–32. – DOI: 10.21453/2311-3065-2017-5-4-25-32.
203. Швецова, А. В. Национальная идентичность как социокультурный феномен / А. В. Швецова // Обсерватория культуры. – 2017. – Т. 14, № 6. – С. 653–661. – DOI: 10.25281/2072-3156-2017-14-6-653-661.
204. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность / О. Шпенглер ; [пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна]. – М.: Мысль, 1993. – 663, [1] с.
205. Шураева, Л. Ю. Социальный эффект «культуры отмены» в цифровом пространстве на примере поколений Y и Z / Л. Ю. Шураева, А. Г. Коринец // Вестник университета. – 2022. – № 12. – С. 248–256.

206. Щепанская, Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т. Б. Щепанская. – М.: ОГИ, 2004. – 286 с.
207. Эпштейн, М. Новая этика или старая идеология? – Текст: электронный / М. Эпштейн // Знамя. – 2021. – №8. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2021/8/novaya-etika-ili-staraya-ideologiya.html> (дата обращения: 10.10.2024).
208. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон ; [пер. с англ., общ. ред. и предисл. Толстых А. В.] – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
209. ЮНЕСКО отказалось от сессии в России. Россия не отказалась. – Текст: электронный // Хранители Наследия: Независимое СМИ об архитектурном наследии [Сайт]. – 24 апр. 2022. – URL: <https://hraniteli-nasledia.com/articles/zhivaya-istoriya/yunesko-otkazalos-ot-sessii-v-rossii-rossiya-ne-otkazalas/> (дата обращения: 19.02.2025).
210. Юхнина, О. Ю. Грани «новой этики»: «культура отмены» как новая социальная реальность / О. Ю. Юхнина // Диалоги и конфликты культур в меняющемся мире : XXI Международные Лихачевские научные чтения, 25–26 мая 2023 г. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2024. – С. 255–257.
211. Ярыгин, А. А. Вторая мировая война на страницах американской учебной литературы / А. А. Ярыгин, А. В. Тайгильдин // Регионы России в военной истории страны: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Том Выпуск II. – Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2020. – С. 236–247.
212. Álvarez Trigo L. «Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters» // PopMeC Research Blog. – 25 September 2020. – P. 1–13.
213. Bentley выпускает рождественскую рекламу под музыку из «Щелкунчика» Чайковского. – Видеозапись // YouTube [Сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fleLpUaLO9c> (дата обращения: 21.11.2023).

214. Власов, В. С. Історія України (рівень стандарту) : підручник для 10 класу закладів загальної середньої освіти / В. С. Власов, С. В. Кульчицький. – Київ : Літера ЛТД, 2018. – 256 с.
215. Brannagan P. Soft Power and Soft Disempowerment: Qatar, Global Sport and Football's 2022 World Cup Finals // *Leisure Studies*. – 2015. – Vol. 34. – No. 6. – P. 703–719. – DOI:10.1080/02614367.2014.964291.
216. Cancel culture. – Текст: електронний // Cambridge Dictionary [Сайт]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/cancel-culture> (дата обращения: 06.04.2024).
217. Dean Jodi. Communicative Capitalism: Circulation and the Foreclosure of Politics // *Cultural Politics*. – 2005. Vol. 1. – Issue 1. – P. 51–74. – URL: <https://read.dukeupress.edu/cultural-politics/article-abstract/1/1/51/34262/Communicative-Capitalism-Circulation-and-the> (дата обращения: 21.01.2025).
218. Farries E., Kerrigan P., Siapera E. Introduction to the special issue: The Platformization of Cancel Culture // *Television & New Media*. – 2024. – Vol. 26. – Issue 1. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/15274764241277469> (дата обращения: 21.01.2025).
219. Giorgis H. A Deeply Provincial View of Free Speech // *The Atlantic*. – 13 July 2020. – URL: www.theatlantic.com/culture/archive/2020/07/harpers-letter-free-speech/614080/ (дата обращения: 19.02.2025).
220. Haidt J., Lukianoff G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure. – New York City: Penguin Press. 2018. – 332 p. – URL: <https://eddirockertz.files.wordpress.com/2020/11/the-coddling-of-the-american-mind-how-good-intentions-and-bad-ideas-are-setting-up-a-generation-for-failure-pdfdrive-.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).
221. Haltiwanger J. Putin rails against cancel culture and suggests teaching gender fluidity to kids is a «crime against humanity» // *INSIDER*. – 22 Oct. 2021.

– URL: <https://www.businessinsider.com/putin-slams-cancel-culture-and-supporters-of-transgender-rights-2021-10> (дата обращения: 21.11.2023).

222. La Bicocca cancella corso su Dostoevskij, poi fa dietrofront. – Текст: электронный // ANSAit, MILANO [Сайт]. – 02 marzo 2022. – URL: https://www.ansa.it/sito/notizie/cultura/libri/narrativa/2022/03/02/paolo-nori-cancellato-mio-corso-su-dostoevskij-e-censura_de57bb9b-a256-4bb2-bd24-c8de27789527.html (дата обращения: 21.11.2023).

223. Leslie A. White. Culture. – Текст: электронный // Britannica [Сайт]. – URL: <https://www.britannica.com/topic/culture> (дата обращения: 06.04.2024).

224. Lord B., Douglas A. Spinoza and «no platforming»: Enlightenment thinker would have seen it as motivated by ambition rather than fear. – Текст: электронный // The Conversation [Сайт]. – 11 March 2020. – URL: <https://theconversation.com/spinoza-and-no-platforming-enlightenment-thinker-would-have-seen-it-as-motivated-by-ambition-rather-than-fear-133379> (дата обращения: 21.01.2025).

225. Lovelock J. Novacene: The Coming Age of Hyperintelligence. – MIT Press, 2020. – 160 p.

226. Ludzie zjadali ludzi, trębacz nie miał siły dąć. Tak powstawała słynna symfonia «Leningradzka». – Текст: электронный // Wyborcza.pl [Сайт]. – 30 июня 2021. – URL: <https://wyborcza.pl/7,113768,27229398,w-leningradzie-ludzie-zjadali-sie-nawzajem-dzis-inaczej-sluchamy.html> (дата обращения: 21.11.2023).

227. McWhorter John. Academics Are Really, Really Worried About Their Freedom. Some fear for their career because they don't believe progressive orthodoxies // The Atlantic. – 1 Sept. 2020. – URL: www.theatlantic.com/ideas/archive/2020/09/academics-are-really-really-worried-about-their-freedom/615724/ (дата обращения: 19.02.2025).

228. Meredith D. Clark. Drag them: A brief etymology of so-called «cancel culture» // Communication and the Public. – Vol. 5. – Iss. 3–4: Special Forum on Digital Culture and Society, September-December 2020. – P. 88–92.

229. Mujtaba B. G., Cavico F. J. Ethical Analysis of Office Romance and Sexual Favoritism Policies in the #MeToo Workplace and «Cancel Culture» Era // SocioEconomic Challenges. – 2020. – No. 4(4). – P. 132–150. – [https://doi.org/10.21272/sec.4\(4\).132-150.2020](https://doi.org/10.21272/sec.4(4).132-150.2020).

230. Ng Eve. Cancel Culture: A Critical Analysis. – New York: Palgrave Macmillan, 2022. – 153 p.

231. Norris P. Cancel culture: Heterodox self-censorship or the curious case of the dog-which-didn't-bark // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP23-02. – July 2023. – URL: <https://www.hks.harvard.edu/publications/cancel-culture-heterodox-self-censorship-or-curious-case-dog-which-didnt-bark> (дата обращения: 21.11.2023).

232. Norris P. Closed Minds? Is a «Cancel Culture» Stifling Academic Freedom and Intellectual Debate in Political Science? // HKS Faculty Research Working Paper Series RWP20-025, 2020. – 28 p.

233. New York Post рассказала, как балет русского композитора оказался хитом американского Рождества. – Текст: электронный // ИНОtv. Автономная некоммерческая организация «ТВ-Новости» [Сайт]. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-12-23/New-York-Post-rasskazala-kak> (дата обращения: 21.11.2023).

234. Oxford Languages. Words of an Unprecedented Year. – Oxford, 2020. – 38 p. – URL: <https://languages.oup.com/wp-content/uploads/oxford-languages-words-of-an-unprecedented-year-2020.pdf> (дата обращения: 21.11.2023).

235. Phelan S. Seven theses about the so-called culture war(s) (or some fragmentary notes on «cancel culture») // Cultural Studies. – 2025. – Vol. 39. – No. 1. – P. 63–88. – <https://doi.org/10.1080/09502386.2023.2199309>.

236. Rapport N., Overing J. Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts. – 2002. – 477 p.

237. Wokery. – Текст: электронный // Cambridge Dictionary [Сайт]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/wokery> (дата обращения: 06.04.2024).